

БИБЛИОТЕЧКА
ЖУРНАЛА «МИЛИЦИЯ»

ЩИТ И МЕЧ

**СОВРЕМЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА "МИЛИЦИЯ"

ЩИТ И МЕЧ

1/1993

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ

Валерий ПРИВАЛИХИН

**УМЯГЧЕНИЕ
ЗЛЫХ СЕРДЕЦ**

с. 3

Евгений МОРОЗОВ

НАЛОЖНИЦА

с. 89

Илья РЯСНОЙ

ГАШИШ С ВОСТОКА

с. 129

МОСКВА, 1993

Валерий ПРИВАЛИХИН

УМЯГЧЕНИЕ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ

Повесть
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Они брели по сумеречному густому пихтачу с раннего утра почти до полудня. Нагретые в жарких летних лучах хвойные лапы источали терпкий запах. Потом пихтач перешел в березовый жидкий лесок, и путники с удовольствием вбирали в легкие свежий воздух березняка.

Их было трое. Тот, кто шел впереди, узкоплечий, высокий, по возрасту самый старший, лет тридцати, вынул из нагрудного кармана брезентовой куртки карту-верстовку, развернул и, закулив сигарету, стал внимательно ее рассматривать. Остальные тоже закурили.

В тишине послышался хруст сухих веток. Все трое переглянулись, уставились в сторону, откуда донесся звук.

Долго томиться не пришлось. Не очень крупный медведь показался из-за берез. И подошел так близко, что без труда можно было разглядеть на светло-коричневой свалывшейся шерсти комочки репейника.

Появление зверя ни в испуг, ни даже в замешательство ходоков не привело. Смуглолицый крепыш скинул с плеча охотничье ружье, мигом взвел оба курка.

- Ефим, это мой будет, - с азартом в голосе произнес он, цеплясь.

Узкоплечий быстрым движением перехватил двустволку. Сделал это со знанием, придавил курки ладонью. Потом выплюнул недокуренную сигарету и вдруг коротко гортанно рявкнул. Замерший от неожиданной встречи с людьми хозяин глухомани в следующую же секунду ринулся прочь. Только хруст ломаемого валежника разносился, затухая.

- Вот так-то лучше. Без лишнего шумового оформления. - Узкоплечий снял руку с ружья спутника. - Царская гать рядом.

- На подходе, значит?
- Да, - кивнул старший, складывая верстовку. - Как ты меня назвал только что?
- Ефим...
- А надо?
- Роман.
- А его? - указал на третьего. Тот был красивым русоволосым парнем с ухоженными пышными усами. Едва уловимо косивший левый глаз портил лицо парня.
- Клим.
- А самого тебя как величать?
- Без величаний. Глеб.
- То-то. Запомни намертво: Роман, Клим, Глеб. И никак иначе, пока в этом медвежьем углу ошиваться будем...

Еще через полчаса ходьбы Роман предложил сделать остановку для перекура. Курить разрешил вволю, но после этого о сигаретах временно забыть: скоро подойдут к избам, а кто знает, какой нюх на табачный дым у их обитателей.

И Клим, и Глеб взяли из протянутой Романом пачки "Явы" только по одной сигарете. Присесть было не на что, под ногами болотистая сырь, зыбун. Успевай менять место, иначе засосет через минуту-другую. Давили на плечи рюкзаки, сказывалась усталость почти двухдневного перехода; затыгивались без удовольствия.

- Потопали уж до места, - Клим первым кинул под ноги окурки.

Прошли еще километра полтора, пока ступили на сухую твердую почву. Перед глазами открылось озерцо, окаймленное привольно растущими разлапистыми кедрами. Ни мостка, ни лодчонки на берегу, будто не приходят к таежному водоему люди. Всмотревшись, заметили тропку. Она убегала от воды на невысокий холм, где проглядывалась тесовая крыша.

- Вот и к месту пришли, - сказал удовлетворенно Клим.

- Подожди расхолаживаться, - отозвался Роман, - еще таких мест пять. - Властно прибавил: - Идем. И себя не обнаруживать.

Еще с четверть часа потратили на то, чтобы обогнуть озерцо и взойти на холм.

На полянке, обнесенной ветхими жердями, стоял просевший в землю домик с крохотными оконцами, с навесиком у входа. Около навесика на пеньке или чурбачке сидела старуха в платке, склонившись над чугуном - оттирала от копоти. Роман из кустов в бинокль долго глядел на ее морщинистое остроносое лицо, удивительно белое, светящееся в темной кайме платка. Старуха, придерживая чугунок ногами, терла округлый бочок одной рукой.

Вышла из убогой избенки другая пожилая женщина, неся

перед собой ступу с пестиком. Устроившись неподалеку, принялась толочь что-то в ступе.

- Две бабульки, - сказал Глеб.

- Первая, вроде бы, однурукая, - прибавил Клим. У него тоже был бинокль, и он, как и приятель, внимательно наблюдал за старухами.

- Она и есть однурукая. Пошли, - властно сказал Роман и попятился назад в гущу кустарника.

Все трое возвратились к озерцу, расположились шагах в пятидесяти от него под кедром.

- Час отдыхаем, - сбрасывая рюкзак и стягивая сапоги, тем же повелительным голосом заговорил Роман, - и в путь.

На земле, засыпанной прошлогодней хвойной иголкой, вновь появилась карта-верстовка. Зелеными штрихами на ней были обозначены болота и гари, коричневыми кружками - острова среди богатых топями мест, красным пунктиром - проходы от острова к острову. Их на верстовке значилось шесть, и в центре каждого броско выделялась римская цифра.

- Клим пойдет на третий и пятый острова, - тыкал кончиком ветки в карту Роман. - Я - на второй и четвертый, Глеб - на шестой. Рюкзаки, оружие здесь, на дереве, подвесим. Сигареты мне отдайте. Берем с собой только фонарики и еду.

Спутники почти не смотрели на карту. Прежде ее хорошо изучили, кроме того, каждый имел свою.

Клим, когда воцарилось молчание, вынул из кармана штанов помятую неначатую пачку "Столичных", кинул на Романову карту.

- Пойду. Все равно идти, - сказал он, не просидев под деревом и десяти минут.

- Тоже отдыхать не буду, - сказал Глеб.

- Ладно. Берите, что нужно, и рюкзаки подавайте мне. - Роман, как был босой, подошел к кедру, вскарабкался на нижний сук, разместил поданую ему поклажу, оружие. - Встретимся здесь же.

Через четверть часа каждый шагал по заданному маршруту.

Роман, обогнув остров, быстро отыскал тропу в болотистой пружинящей почве. Тропа была хорошо наторена, ходили по ней достаточно часто. Он время от времени останавливался, чутко вслушивался в звуки тайги. Заботило, как бы не столкнуться на тропе с идущим навстречу человеком. Но слышался лишь птичий щебет да непрерывное гуденье комаров. Гнус донимал укусами.

До второго острова было около четырех километров. Прикидывая на усталость, на частые остановки, на то, что

идешь, как по кроватной сетке, Роман рассчитывал быть там через полтора часа.

Так и вышло. Он свернул с тропы влево, и впереди, в просвете между елями и пихтами, мелькнула лужайка, стожок на ней. Сделав еще сотню шагов, увидел ульи и домик. Построенный давно, он, однако, не был таким ветхим, как на первом острове. Оконца хоть и крохотные, но нижний край их высоко над землей; и стены, и желобовая крыша добротные. Сарай, около которых поленницы дров, омшаник, поодаль банька, хлев. Живут здесь более устроено.

А вот хозяев никого не видно. Отлучились куда-то или же в избе от жары прячутся?

Подождав с полчаса, Роман подумывал, не сделать ли ходку к следующему острову? Два километра. Пока обернется, пока понаблюдает - там два часа минет, самое малое. И к месту общего сбора, к озерцу, возвращаться ближе, и здешние жильцы, глядишь, объявятся. Задержался перемотать портянки перед дорогой. Управившись с этим, натянув сапог, увидел около сарая низкорослого сухонького старика в темных штанах и серой свободной рубашке навывпуск. На вид семьдесят-семьдесят пять, реденькие волосенки на непокрытой голове сплошь седые и торчат в разные стороны, отчего голова на тонкой, как стебель, шее похожа на пушистый, необлетевший еще одуванчик.

Пришелец слабо улыбнулся - и впрямь "одуванчик".

Хозяин этого острова на болоте, обозначенного на верстовке под цифрой "II", поворачивая голову то к растворенной двери сарая, то к ульям, что-то говорил. Не слышно - что. В воздухе царил гул роящихся пчел да вялых в это время дня комаров. Вышла из сарая и засемила к домику старушка, под стать Одуванчику - приземистая и сухонькая. Одуванчик - следом. Дверь за ними закрылась.

Незачем было ждать, когда выйдут. Вторая половина дня. Ясно, что никуда нынче не отлучатся...

К четвертому острову Роман приближался со всеми необходимыми предосторожностями. Но, как оказалось, зряшными. Увидел до самой двери разросшийся бурьян, и прямоком, не таясь, направился к избушке. Заметил вдруг на краю поляны у ельника изжелта-белый деревянный крест, совсем еще свежий, и понял, в чем дело.

Жившего здесь старика звали не то Куприян, не то Киприян. Дойдя до избушки, носком сапога откинул полено, подпиравшее дверь. Она сама беззвучно приоткрылась, и Роман вошел в избушку. Там было совершенно пусто и темно. Фонариком он осветил заросшие паутиной углы, заглянул за печь. Ни стола, ни стула, ни кровати, ни посуды, ни тряпья. Поднял с пола самодельную деревянную миску с

трещинкой на доньшке, чуть подержал и с брезгливостью кинул за печь.

Ни в избушке, ни на острове оставаться дольше смысла не было. Он подпер снаружи дверь и зашагал прочь. Мысленно зачеркнул на карте этот, четвертый, остров. Если и думал еще о нем, то недолго и с удивлением: куда подевалась вся домашняя утварь?

Возвратившись ко второму острову, увидел Одуванчика среди ульев в хлопотах с пчелами. Старушка возле избы растапливала летнюю печку. Дымок поднимался из трубы, навершием которой служило перевернутое, без дна, ведро.

Роман про себя похвалил стариков: словно по заказу, на виду крутятся. Скоро у таежных отшельников ужин. Что их караулить? Постоял еще, от нечего делать сосчитал ульи. И вскоре побрел устало своей дорогой.

2

Под кедром у озера Роман застал одного Глеба. Он тоже только-только отмаял свой крюк и лежал на спине, откусывая от целой плитки шоколада, запивая его водой из фляжки.

Рассказ Глеба был коротким: шестой остров обитаем, две бабки там, похожие на этих, от которых сейчас отделяет несколько сотен метров. Роман молча выслушал: ничего для него нового.

Оставалось ждать, какие вести принесет Клим.

Солнце закатилось, и затажной летом даже для этих северных мест светлый вечер был на исходе. Надвигались сумерки, а его все не было. Роман не очень беспокоился. Он и сам не вернулся бы так скоро, может, пришлось бы и заночевать в тайге, не окажись четвертый остров пустым.

Незадолго перед наступлением темноты Роман с Глебом второй раз за день приблизились к домику на невысоком холме.

Обитательниц не было видно. Густые сумерки окутали домик. Оконца обозначились мерцавшим в них светом. Глеб хотел подойти, заглянуть в окна. Роман запротестовал категорически, положил руку на плечо спутника, потянул назад.

...Клим вернулся лишь на рассвете бодрый. Ночь он провел на дальнем острове, помеченном на карте римской пятачкой. Живет там бородач лет пятидесяти, крепкий крупный мужик, с женой или кем она ему приходится. Они были заняты окучиванием картошки. Василий, так мужика зовут, тянул вместо лошади плуг, а женщина вела этот плуг между бороздами. Потом он бревна в одиночку ворочал, толстенные и длинные...

- Откуда имя известно? - перебил Роман.

- Подруга жизни его окликнула. - Клим, рассказывая, держал перед собой круглое зеркальце и ножничками подранивал усы. - А с вечера стали к празднику готовиться...

- Подходил? - Роман посмотрел пристально, недобро.

Клим замялся, убрал в карман зеркальце и ножнички.

- На секунду... Совсем незаметно...

- Незаметно. - Роман скривил в ухмылке губы. - На вокзале по перрону прошелся - это для тебя незаметно.

- Кержак необычный. Узнать хотел, вдруг ружье держит.

- Клим оправдывался, в глаза старшему группы не глядел.

- Брось ты про ружье! Знаешь же, не держат, вера не велит. А хоть бы и было, что оно тебе?!

- Да не заводись, Ефим, - вмешался Глеб.

- Опять?! - Роман метнул на него злой взгляд.

- Ну помню, помню имя, - со вздохом сказал Глеб. - Не заводись. Давай хоть дослушаем.

- Ладно, хрен с вами. Потом еще поговорим, - Роман подавил раздражение. - Продолжай, что еще там.

Клим, по его дальнейшему рассказу, заглядывал в окна после полуночи, потом, соснув часа два, отправился в обратный путь. Идя туда и обратно, заворачивал он и на третий остров, самый ближний от их теперешнего местонахождения. Там, в кособокой избенке, живет одинокая старуха, еще довольно подвижная, деятельная.

- И к ней в окна пялился. - Роман не спрашивал, говорил утвердительным тоном.

- Ну, заглядывал. - Клим посмотрел исподлобья. - Тоже к празднику подготовилась.

- В двух местах наследил. Невтерпеж было ему. - Роман с досадой хлопнул себя по бедру.

- Отвянул бы ты от него, - опять вступился за Клима Глеб. - Что уж слишком осторожничать. Ты сам по их тропам ходил? Ходил. Думаешь, не заметят чужих следов, если в гости пойдут друг к другу?

Против такого неотразимого довода Роману сказать было нечего. Он привалился спиной к кедровому стволу, некоторое время молчал.

- Ладно. Прекратим, - заговорил наконец. - Но, чтоб самождеятельности больше не было. Никто никуда нынче не идет. Отдых до завтра.

- Может, по-другому, Роман, а? - Глеб подсел к нему. - Не будем, может, завтра дожидаться, комаров кормить? Сейчас шесть утра с минутами. До двух-трех часов отдохнуть успеем как следует. А там, смотри, как хорошо бы вышло... - Глеб достал, развернул на коленях, разгладил свою карту-верстовку. - Всего островов пять. Мы с тобой на первом и шестом поработаем, Клим за это время на третьем острове один управится, после все вместе к твоему Одуван-

чику двинем, там часов в семь-полвосьмого вечера закончено будет. И напоследок уже к Василию заглянем. Оттуда три километра ровно - и болота кончатся. Темнеет в одиннадцатый. Так что засветло успеем выкарабкаться из топей, а там по темноте можно уходить к заброшенной лежневке, не заблудимся. Как? А? - Глеб говорил убежденно, торопливо, зажатая в его руке палочка летала над картой. Тупой кончик палочки, указывая места, о которых Глеб вел речь, оставлял дыры в верстовке. Карты Глеб не жалел. - Как тебе нравится, а?

- Никак, - с безразличием ответил Роман. - Сегодня первый день праздника. И на передышки времени не будет. Километров сорок бросок предстоит. Не налегке. Понял?

- Понял.

- Тогда лезь за тушенкой, перекусим.

Глеб небрежно свернул свою потрепанную, истыканную карту и полез на кедр.

3

Трое еще почти сутки так и не покидали выбранного места. Днем отдохнули, отоспались.

Часа полтора вздремнули еще после полуночи, потом сон больше не шел. Свежий легкий ветерок дул со стороны, где стоял дом. Глеб и Клим принялись напористо просить у Романа разрешения закурить. Он в конце концов сдался, сам в несколько жадных затяжек сжег сигарету. Глеб с Климом лежа тихо разговаривали. Роман не вмешивался. Глядя на темное в редких звездах небо, думал о своем...

Поднялись перед самым восходом. Рюкзаки, ружье, подвешенные на сучьях и не сразу заметные глазу из-за густой хвои, спустили на землю. Позавтракали. Роман велел собрать пустые консервные банки и кинуть в омут. Обрывки бумаги сгреб в кучку, поднес зажженную спичку. Перемешанная с сухой хвоей бумага занялась огнем и быстро превратилась в пепел. Пламени костерка почти не было видно и с близкого расстояния: оно тонуло в первых солнечных лучах, заполнивших таежную глухомань.

Напоследок Роман придирчиво осмотрел покидаемую стоянку, распорядился:

- Пошли!

Обогнув озерцо, ступили на тропу и, миновав взгорок, устремились к домику. На ходу Роман надевал солнцезащитные очки, натягивал до самых бровей кепку. То же сделали и спутники.

Быстрым шагом приблизились к избе, и Клим с силой рванул дверь на себя.

Таежные отшельницы на ночь закрывались изнутри, но запор был хлипким, больше, скорее, существовал для того,

чтобы дверь сама ненароком не раскрылась. И когда Клим дернул, она едва не слетела с петель. Роман придержал дверь носком сапога, шагнул через порожек.

Бросились в глаза: русская с полатями печь едва не в пол-избы, окованный железом сундук на некрашеном, выскобленном добела ножом полу, иконостас в переднем углу.

Старушки, несмотря на рань, не спали. Одетые сидели рядышком на широкой лавке у стены. От неожиданности обе вскочили. Оторопело уставились на пришельца в темных очках. Следом ввалились в избу еще двое. Испуганные старушки попятились к печке. Роман впился взглядом в подсвеченные горящими лампадками образа. Клим и Глеб тоже уставились на иконы.

Так длилось с минуту. Этого хватило, чтобы однурукая старуха немного оправилась от испуга. Незванные гости не проронили ни слова, но она поняла цель их вторжения. Шагнула, встала лицом к Роману, загородив собой иконостас.

- Уйди! - срывающимся голосом выкрикнула она.

Роман беззлобно оттолкнул ее и приблизился к образам.

- Не дам! - Однорукая опять кинулась на защиту иконостаса.

Клим крепко схватил ее за культию.

- Ты что, старая. Брысь под лавку. Ну! - он подтолкнул ее.

Вторая старушка вела себя тихо. Стояла, испуганно жавшись; губы ее беззвучно шевелились. Она хотела перекреститься, но рука не слушалась.

Строптивая старуха вроде притихла, смирилась. Но, когда Роман снял с иконостаса одну икону, вторую, положил в кармашки подставленного Глебом рюкзака, снова попыталась воспротивиться, подала голос:

- Разбойники!..

На сей раз вмешался Глеб. Подошел к ней, сказал с расстановкой, внушительно:

- А ну, дочерь Евдокии, Федосии. Еще разок у меня пикнешь, считай, в последний раз.

Как бы намекая, что будет, поправил ружье за спиной.

- Агафья... - еле слышно окликнула однурукую вторая старушка. Мольба не противиться, помалкивать, сидеть смиренно звучала в интонации.

Клим тем временем заглянул в сундук. Приподняв крышку, почти тотчас опустил ее. На столешне лежали пухлые книги в кожаных потертых обложках. Остановившись у стола, Клим листал книги и краем глаза следил за старухами. При этом не забывал поглядывать и в оконце, и на занятых делом приятелей.

Всех икон в избе было десятка два. Роман осматривал их

и, недолго размышляя, передавал Глебу. Некоторые ставил на место.

- Закончили, - сказал, отстраняясь, снимая перчатки. Четыре иконы он оставил.

- Все бери, потом отсортируем, - посоветовал Глеб.

- Не учи. Не хватало Богатенко таскать.

- Это посмотри. - Клим поднял над столом книги.

Роман подошел, открыл обложку.

- Пусть изучают, - сказал, ступив через порог. Он вел себя так, будто в избе они втроем, не удостоив старушек пророческого взгляда, вышел. Следом - Клим.

Глеб покидал ограбленное жилище последним.

- Если жизнь не надоела, от избы не уходить. Рядом буду. Понятно говорю?

Старушки молчали. Он и не ждал ответа.

- Теперь так, - сказал Роман, когда чуть отделились от избы, - Одуванчика божьего навестим, потом Василия, потом одинокую бабу, а там... - Роман хотел, видимо, упомянуть про последний обитаемый остров, помеченный на верстовке римской шестеркой, но не стал излагать план до конца. - Там - поглядим.

- Может, Василия напоследок оставим, - предложил Клим. - Боюсь, повозиться с ним придется.

- А ты не бойся, - Роман усмехнулся. - Все. Хватит слов.

...Бабка Агафья затихла, словно впала в забытие. После ухода грабителей не шелохнулась, сидела сгорбившись, безучастно скорбно глядела перед собой. Вторая хозяйка кельи, Настасья, плакала, причитала, призывала кары на головы унесших иконы.

- Ты че, ты че? - принялась тормошить Настасья, напуганная ее поведением.

Попытки растормошить, разговорить Агафью оказались тщетными. И час, и второй, и третий она оставалась безмолвной, неподвижной. Настасья ухаживала за ней, как за больной, уговаривала хотя бы отхлебнуть глоток воды из ковшика, может, полегчает, предлагала лечь или выйти на воздух - без толку.

Не вывело из состояния оцепенения, отрешенности Агафью и появление Афанасия. Растерянный жалкий старикашка с распухшим от слез лицом ерошил дрожащими руками торчащие волосы и сбивчиво, захлебываясь, рассказывал о том, как вместе со своей Анной отлучился ненадолго и недалеко - корову подоить. Возвратились и застали у себя разгром: берестяной короб с заготовленной впрок засоленной черемшой опрокинут, мед из полуведерного туеса по полу разлит: шастал кто-то по кухонному закуточку. Но главное - образа со стен сгнули. Все! И "Шестиднев", и "София-Премудрость Божия" с праздниками, и "Микола".

Все, все. Один махонький образок нашел у порога, ликом кверху лежал. Наступили на образок, каблук отпечатался. Треснула иконка та, загубленная.

Старик, всхлипывая, перекрестился. Повествуя о своей беде, он, кажется, не замечал, что и у тех, кому жалуется, тоже неладно.

Едва успел закончить свой рассказ Афанасий, появилась запыхавшаяся, взмокнувшая от быстрой ходьбы бабка Липа. И ее избенку-келью не обогнули разбойники. Налетели, как коршуны, снимали иконы, деньги забрали, какие за грибы, за бруснику в прошлом году выручены.

- Господи, господи! - бабка Липа осеняла себя двуперстием, размазывала ладонями слезы и пот на морщинистом загорелом лице и говорила, говорила.

Разбойники велели ей ни на шаг не уходить из избы. Она не послушалась, побежала за защитой к Василию, а его самого еще допрежь...

- Василия?! - Агафья, кажется, вовсе не замечавшая творившегося вокруг, от такой новости дернулась, как от толчка. Голос ее звучал сурово, недоверчиво.

Бабка Липа закивала: "Его, его. И отволтузили так, поднятись сил нет. Мария его отхаживает теперь".

- Господи, господи, какие лиходеи! - бабка Липа опять принялась креститься.

Весть, что у Василия отняли образа да к тому же излупцевали - это при его-то силище! - более всего потрясла Агафью. Снова, в который раз, она живо вспомнила ввалившихся на зорьке в избу троих злодеев. Вспомнила, как один оттолкнул ее, а другой швырнул на лавку да еще ружьем страдал, - и от лютой ненависти перехватило горло. Уйдут очкастые с болот, нынче же удерут, а там где их сыщешь, не тутошние, поди. Нужно помешать им уйти. А как?.. Захар Магочин! Агафья вспомнила про него. Всегда в эту пору косит траву на Старицынском лугу. Мотоцикл у него. Отсюда через клюквенное болото бежать напрямки, пересечь Царскую гать, березняк одолеть - и у Захарова покоса очутишься. Бог даст, там он. Только поспешать надо, день уж на другой половине. Агафья решительно поднялась.

4

В половине пятого вечера Клим, Роман, Глеб, нагруженные туго набитыми вещмешками, вышли к Царской гати. Перед тем как ступить на гать, Роман скинул с плеч свой рюкзак, вытащил из него увесистый, тщательно увязанный сверток. Бритвенным лезвием перерезал в нескольких местах шпагат. В свертке был разобранный автомат. Неспешными точными движениями собрал его. На тряпке-обертке остался запасной рожок. Роман сунул рожок в боковой кар-

ман брезентовой куртки. Тряпку отряхнул от налипших хвоинок, запихнул в рюкзак.

- Не такая уж заброшенная дорога, ездят по ней, - сказал Глеб. Пока Роман возился с оружием, он вышел на узкое ухабистое полотно гати.

Словно в подтверждение слов издалека донесся гул мотора. Он все приближался. Роман спешно застегивал рюкзак и напряженно вслушивался, по звуку пытаясь определить, какой это транспорт.

Вроде мотоцикл? Да. Тяжелый трехколесный мотоцикл с водителем и пассажиром, подпрыгивая на неровностях, стремительно мчался в их сторону. Такой транспорт - самое то, что нужно. Роман надел темные очки, поспешил на дорогу. Втроем встали на проезжей части так, чтобы обогнуть их водитель не мог.

Мотоциклист метрах в сорока-тридцати действительно стал притормаживать, приближался медленно. Ждали: вот-вот остановится. Вдруг водитель сначала сделал резкий бросок на преградивших путь, потом круто обогнул их, мастерски провел свой транспорт по самому краю обочины. Спустя секунды мотоциклист вновь наращивал скорость.

В пассажирке, которая сидела в людке, узнали старуху с остроносым бледным лицом.

- Однорукая, - крикнул Глеб и подтолкнул Романа. - Бей по колесам, уйдут!

Роману и без подсказки было ясно: мотоцикл нужно остановить, однако стрелять он не решился. Мотоцикл подпрыгивал на выбоинах старой гати, поднимал за собой густую завесу пыли, так что прицельные выстрелы по колесам исключались.

Все трое прекрасно понимали: время упущено, водитель выиграл поединок, перехитрил их внезапным рывком вперед с близкого расстояния. Пыль медленно оседала, а мотоцикл, удаляясь, оглашал ревом округу.

- Километров двадцать пять до села. Через полчаса будут там. Еще через час-полтора жди тут граждан в погонах, - сказал Роман.

- До лежневки меньше часу ходьбы, - предложил Клим.

- И куда дальше? - Роман все глядел в сторону, куда умчался мотоцикл с коляской. - Ближе к ночи все дороги перекроют. На юг пути не будет.

- Ну, слишком быстро. Собраться не успеют...

- Нормально... Возвращаемся на болота. Левее пятого острова, где Василий обитает, остяцкие юрты брошенные. Там недалеко проход в болоте. Выскользнем за ночь, если шевелиться будем, к реке, к автомобильным дорогам.

Не сверившись с картой, Роман говорил уверенно, тоном, не терпящим возражений. Ему и не перечили, смотрели на

него с надеждой, сейчас особенно охотно признавали в нем вожака.

Путь от Царской гати до остяцких юрт по болотам составлял примерно пятнадцать километров. Оставалось преодолеть с четверть этого расстояния, когда послышался стрекот вертолета.

Винтокрылая машина не делала облета всего болота, среди которого на островах ютились старообрядческие домики-скиты, замыкала круг где-то в районе третьего острова. Это ничуть не уменьшало тревогу: те, кто на борту, могли разгадать замысел уходящих от погони, по крайней мере, допускают, что от Царской гати они обратно подадутся в топи.

- Может, зря всполошились? - глядя вслед удаляющемуся вертолету, высказал предположение Клим. - Почтовый или пожарный?

- Хм-м, чуть макушки не бреет, высматривает, какому медведю письмецо вручить, - съязвил Роман. - Чего доброго, еще один круг, пошире, сделает пока светло.

- Проклятый север! Бывает здесь темнота когда-нибудь! - Клим выругался.

- Бывает. Но не по заказу. - Роман наклонился, пальцами расковырял влажный мох на кочке. Она сплошь была усыпана белой крупной клюквой. Распрямляясь, сорвал несколько ягод, подкинул их на ладони, сказал задумчиво: - Урожай хороший будет. Через месяц созреет.

- К чему ты это? - раздраженно спросил Глеб.

- Так. К слову. Ну, идем.

Чем дальше по болоту, тем больше воды. Местами проваливались едва не по пояс. Боялись сбиться с тропы, боялись нового витка вертолета, но нет, обошлось.

Под сумерки набрели, наконец, на сухое место, к остяцким юртам (на карте было указано их название - Пыжинские). Гнилые жерди-остовы двух юрт - все, что уцелело от нехитрого жилища кочевников.

Разделились, выжали штаны и вылили воду из сапог, лежа выкурили по сигарете. На отдых времени Роман почти не дал - пинкертоны сидеть сложа руки не будут. Как ни устали, нужно двигаться и двигаться, уходить как можно дальше от болота, от юрт, пробираться в многолюдные места, раствориться там - в этом спасение.

...На рассвете чудом не натолкнулись на "амфибию". Темно-зеленая, она стояла впритирочку к хвойному молодняку. В пустой кабине - включенная рация была настроена на волну общей связи. Кто-то с кем-то переговаривался. Вовремя услышанные голоса насторожили, заставили приглядеться. Рядом с машиной находился молодой сержант милиции в потертой кожаной куртке. Где-то близко еще люди, прибывшие на "амфибии".

- Обложили. Возвращаемся к юртам, - шепнул Роман. Бесшумно попятились, побежали...

5

- Местных жителей среди налетчиков не было. Местных бы потерпевшие узнали. Они хоть и староверы, живут обособленно, но это только считается, будто они в глухих урманах с людьми не общаются. Общаются. Торгуют, меняются. Дети к ним приезжают, они к детям. Этого вера им не запрещает...

Сидели втроем в кабинете участкового в Уртамовке, самом близком от места происшествия поселке: от райцентра - сто десять километров, от скитов - сорок с небольшим. Начальник Нетесовского уголовного розыска лейтенант милиции Поплавский вводил в курс событий командированных сотрудников краевого управления внутренних дел оперативников майора Шатохина и лейтенанта Хромова. Так вышло, вчера, когда получили известие о нападении на скиты, в Нетесове ни начальника райотдела, ни прокурора не было. Поплавский оказался главной фигурой. Помощи, указаний не ждал. Сам искал транспорт, поднимал людей и отправлял в спешном порядке на заброшенные проселки, тропы, ставил заслоны там, где считал нужным. В Уртамовку Поплавский приехал из тайги специально, встретить представителей из края.

- Еще почему думаю, что чужие, - продолжал начальник Нетесовского ОУРа, глядя то на Шатохина, то на Хромова. - У Василия налетчики обращались друг к другу - Клим и Глеб. У бабки Липы назвали по имени третьего - Роман. У нас здесь ни одного Глеба. Клим не один, но несерьезно кого-то из них подозревать.

- Клим, Глеб, Роман, - повторил имена Шатохин.

- Так точно. И автомата в районе - ни у кого. Был бы, до нас хоть какие-то отголоски слухов докатились. Парней, что запросто скрутить Василия могли, - тоже нет. А эти уверены в себе были. Даже автомат не подумали для остратки наставить.

- Точно был автомат? - спросил Шатохин.

- Наверно. - Лейтенант Поплавский потрогал лежавшую перед ним ракетницу. - Захар Мачогин не ручается, он рулил. А бабка Агафья видела.

- В оружии разбирается?

- Во всем разбирается. Грамотная. Бригадиром у охотников была, даже депутатом крайсовета.

- И подалась в богомолицы?

- Да. В тайге прострелила руку, кисть распухла, посинела. Помощи неоткуда ждать. Топор наточила, раскалила на

огне и сама себе руку отхватила почти по локоть... Потому и прозвище Ящерица, потому и от мирской жизни ушла.

- Подозреваете кого-нибудь?

- Нет. Пока некогда толком с людьми поговорить, версии отработать. Ищем. По тайге они с грузом далеко уйти не могли. Ясно только, что навел кто-то. Факт. Без посторонней помощи по болотам не пройдешь.

- Сколько икон взяли?

- Около восьмидесяти. - Поплавский тут же уточнил: - Семьдесят шесть.

- В пяти скитах?

- Даже в четырех. К Варваре и Агриппине не заходили.

- Так много икон...

- Единственная ценность. Еще книги некоторые. От прапрадедов все по наследству переходит, накапливается.

- Что ж, потерпевшие совсем не слышали, что на это наследство охотники развелись?

- Не только слышали. Я еще мальчишкой был, лет восемь назад пытались ограбить. Раньше, все что ни есть, по стенам развешивали. Теперь, как правило, складень и две-три иконки в избе держат. Остальное - в тайничках, по праздникам вынимают.

- Сейчас праздник?

- Да. Большой...

Пока лейтенант Поплавский давал пояснения, отвечал на вопросы, рация была включена, сквозь потрескивание слышались отдельные фразы. Лейтенант ни на секунду не переставал интересоваться, что там, в эфире. Он находился в затруднительном положении, не ко времени был этот разговор в кабинете. На карте района, лежавшей на столе, жирно помечены возможные пути ухода грабителей от домиков, обозначены места блокировки этих путей. Что делать - он знал, в помощи не нуждался. Пора сворачивать разговор. Выручил позвавший Поплавского по рации хрипловатый мужской голос:

- Женя! Лейтенант! Ты где? Как у тебя?

- Это Коротаев, начальник милиции из соседнего района. Назарьевцы тоже в розыск включились. Утром их следственно-оперативная группа вместе с прокурором в скитах была, - пояснил Шатохину Поплавский. По рации ответил: - В Уртамовке. Новостей нет, товарищ майор.

- Тогда приезжай в Силантьевку.

- Что там?

- При встрече поговорим.

- У меня из края товарищи.

- Много?

- Двое... Шатохин и Хромов.

- Тем более. Вместе с ними приезжай. Жду через полчаса.

Начальник Назарьевского районного отдела внутренних дел Коротаяев, низкорослый, широкий в кости и плотно сбитый мужчина лет пятидесяти, одетый в тесноватую помятую форму, тотчас после коротких крепких рукопожатий перешел к делу. Он узнал: силантьевские женщины три дня назад издали мельком видели у границы болот - это в полтора-двух часах ходьбы от староверческих скитов - Анатолия Бороносина. Живет Бороносин почти за семьдесят километров отсюда в деревне Нарговка. Родственники, знакомые у него в Силантьевке есть. Но проходил около села, и даже на полчаса не зашел отдохнуть. Можно подумать, сознательно обогнул село. Какая нужда, спрашивается, занесла его в такую даль? Вокруг Нарговки своя такая же тайга и болота... Не в одном этом, однако, дело. Поблизости от места, где женщины видели Бороносина, люди майора Коротаяева нашли пустую пачку из-под сигарет "Ява". Пачка смятая, валялась в сыром мху. Эксперты дадут точное заключение, но он, майор Коротаяев, уверен: всего три-четыре дня назад была кинута эта пачка. Бороносин, как все местные курильщики, признает лишь папиросы, да и не завозят сюда "Яву". Так что не исключено, пачка выброшена грабителями. Если так, не слишком ли тесно смыкаются пути Бороносина и налетчиков? Просторы все-таки ой-ей-ей, есть, где разминуться.

Начальник райотдела, умолкнув, шурился от спящих солнечных лучей, выжидательно глядел на командированных, на Поплавского.

- Где сейчас этот Бороносин? - спросил Шатохин.

- Связывался с Нарговкой. Дома нет. Пять дней назад последний раз видели. Куда ушел, спросить не у кого. Живет один, работает не в Нарговке.

- Где же?

- В крайцентре, на железной дороге, - ответил Поплавский, - электриком в поездах дальнего следования.

- Не близко до работы добираться, - заметил Хромов.

- А он месяца два-три подряд на колесах. До Риги, Владивостока, Ташкента катает. Потом прилетает, месяц-полтора тут. Рыбачит, охотится.

- Давно так?

- Сразу после армии. Лет двенадцать-тринадцать.

- Много таких работников в районе?

- Есть еще трое вахтовиков-нефтяников. На Ямал летают. А на железной дороге один Бороносин.

- Интересный человек, - сказал Шатохин.

- Да, - серьезно согласился Поплавский. - Повозились с ним.

- Судимость имеет?

- Лет пять назад за хулиганство два года отсидел. С тех пор все в норме. Но не так давно снова трения были. Мать у него умерла, дом ему остался. Предложили за дом две тысячи. Взвился: лучше сожгу, чем за гроши. Домик так себе, большего не давали. Позднее первый покупатель предложил ту же сумму. Бороносин разведен, ребенок есть. Нет чтоб им отдать, так вправду сжег. Судить его хотели за этот костер. Вывернулся: "Может, я спалил, а вы докажите". Не удалось...

- Денег много?

- Не думаю. По рублю, конечно, не считает. От тайги большой приварок имеет. Характер у него такой вот... - лейтенант щелкнул пальцами. Дескать, дурной характер.

- Не улетел ли на работу? - спросил Шатохин.

- Нет, - уверенно ответил начальник Назарьевского райотдела. - Самолетом отсюда непросто выбраться. Очередь. У него билет заказан на рейс через две недели.

- Нужно найти Бороносина, - сказал Шатохин.

- Ищем уже, - ответил Коротаяев.

- Как считаете, могли успеть грабители выскользнуть из зоны поиска?

- На моем участке все известные тропы-дороги заблокированы в глубину до сорока километров от места, где их видели вчера вечером, - сказал майор Коротаяев. - Могут с грузом, да усталые, пройти столько?

- Я не гадалка, но девять против одного ставлю: в тайге они, - в свою очередь ответил Поплавский. - Лес бы прочесть, да людей не хватит.

- Куда считаете нужным ехать? - спросил Шатохин у Поплавского.

- В Марковку, на хутор, - лейтенант раскрыл планшетку, показал на карте.

- Поезжайте. Лейтенант Хромов - с вами.

- Есть, - Поплавский козырнул.

- Найдется, кому проводить меня на болота, к потерпевшим? Лучше, если наш сотрудник будет.

- Участкового пришлю, Сергея Красникова. Он в скитах бывает, староверы - его подопечные. - Эти слова лейтенант говорил уже забираясь в кабину. Хромов тоже вскочил на ступеньку машины.

- Связь пусть захватит, - сказал Шатохин.

- Хорошо. Сейчас вызову.

- Остаетесь здесь? - спросил Коротаяев, проводив взглядом вездеход.

- Пока да.

- От меня что-нибудь требуется?

- Нет.

- Тогда уезжаю в Бирюлино. Это на юго-запад тридцать километров. Связь через Женю, через Поплавского. Все, кажется?

- Появятся сведения о Бороносине, прошу немедленно информировать.

- Обязательно.

6

Шатохин, попросив информировать его о Бороносине, не случайно не сказал про налетчиков на скиты. Он не исключал вовсе, что удастся обнаружить их при хорошо организованном поиске, однако минули уже почти сутки. Розыск идет не по свежему следу. Судя по всему, налетчики в лесной глуши не тычутся, как слепые котята, заблокированная территория в полторы тысячи квадратных километров - для них надежное укрытие. Вот почему Шатохин не настраивался на скорую удачу, считал важным повидаться с потерпевшими.

Участковый - веснушчатый, такой же молодой, как и Поплавский, - добрый час возил на милицейском "Урале" Шатохина, петляя по лесу. И вот остановился, заглушил мотор. Дальше путь предстоял пеший, болотом.

- Видите, товарищ майор, банку на сосне, - пояснял участковый Шатохину, выпуская воздух из камеры переднего колеса мотоцикла. - Потом еще банки будут. Проход к кельям ими обозначен. Скоро у Анны Поповой будем. Полтора километра ходу.

- Я просил сначала к Агафье провести, - сказал Шатохин, глядя на прикрепленную к сосновой ветке отливающую на солнце серебром пустую консервную банку.

- А она и есть Агафья. В мирской, так сказать, жизни Анной Поповой была. - Участковый спрятал насос в кустах цветущей жимолости.

- Вот как. Занятно. А Василий какое имя носил? В миру.

- То же. И Афанасий - то же. Они обряд посвящения не прошли. Жены с ними, в скитской жизни так нельзя. Сами по себе живут. Можно сказать, простые отшельники. Вот Настасья, Липа, Варвара, Агриппина, был еще Киприан, три недели назад умер старик, - у этих ненастоящие имена, не с рождения. Идемте, товарищ майор, - участковый сделал несколько шагов вперед, махнул рукой Шатохину.

- Банки - ваше изобретение, Сергей? - продолжал разговор Шатохин уже на ходу.

- Не-ет, - Красников улынулся. - Они сами так проход обозначили. Специально для меня. Я же у них бывать обязан. По службе. Просто хотя бы знать, как живы-здоровы.

- Давно в последний раз бывали?

- Да несколько часов назад. Из Назарьевского района группа приезжала. Их провожал.

Как-то нескладно, нескоординированно расследование началось. Следователь из края должен прибыть - пока нет. Территория Нетесовского района - работают назарьевцы. Нужно бы, прежде чем на болота отправляться, с назарьевской следственно-оперативной группной увидеться. Хотя так или иначе с потерпевшими встречаться придется.

Показались кедры, облепленные смолистыми шишками, небольшое озеро. Приблизились к самому его берегу.

- Вот сюда как раз, - указывая место, Красников бросил в воду затвердевший комочек земли, - банки из-под тушенки побросали налетчики. Семь штук вытащили. А вон под тем кедром, у которого ветки низко свисают, видите, стоянка у них была.

- Около кедра нашли что-нибудь?

- Вообще ничего больше. И в избах они голыми руками ничего не трогали.

- Далеко еще?

- Рядом. Только вы, товарищ майор, первым не начинайте разговор. Вы для них - власть, а они этого над собой не признают.

- А вы - не власть?

- Я - другое дело. Ко мне они привыкли. Даже первыми, бывает, в разговор вступают.

- Со мной могут вообще не заговорить?

- Могут. Но вряд ли. На грабителей злы. А вот показания, вообще, любую бумагу не подпишут - это наверняка...

За две-три сотни шагов от избы Красников умолк. Когда подошли совсем-совсем близко, выразительно кашлянул.

Мелькнула тень в окошке, и сразу три старушки гуськом вышли из домика.

- И ты здесь, бабка Липа. Молодец! - сказал участковый круглолицей, часто моргающей старушке, после чего Шатохину не нужно было объяснять, кто из двоих Агафья, кто - Настасья.

- Второй раз на день проводываю вас. Привел вот человека, - продолжал участковый. - За тысячу километров ехал сюда. Специально вам помочь. Но и вы должны помочь.

Красников сделал паузу:

- Бабка Агафья, как ты?

По выражению лица однорукой нельзя было понять, какое впечатление произвели на нее слова участкового. Красников тем не менее выразительно посмотрел на Шатохина, дескать, спрашивайте.

- Не ошиблись, автомат держали грабители, когда вы мимо на мотоцикле проезжали? - обратился к однорукой Шатохин.

С ответом Агафья не спешила, прежде села на чурбачок около навеса.

- Сестра Настасья, - обратился она ко второй хозяйке избы, - достала бы ты мою коробку.

Настасья скрылась в избе и вернулась с плетеным из соломы ящичком. Агафья приняла его, поставила на колени, откинула крышку и, порывшись в содержимом, протянула Красникову фотографию. Участковый показал ее Шатохину. На давней, военных времен фотографии был снят в полный рост ефрейтор. Он стоял по стойке "смирно", прижимая к груди автомат системы Калашникова.

- Точно такой автомат был? - спросил, догадавшись, Шатохин.

- Такой, - сказала Агафья. Ответ ее был адресован участковому.

Шатохин первым делом справился про автомат. До сих пор так и не верил в его наличие у охотников за иконами. Старухе далеко за семьдесят, видела из коляски мотоцикла своих обидчиков мельком, мало ли что могло показаться. Теперь сомнений не оставалось. Будь его единоличная воля, Шатохин немедленно отдал бы приказ снять заслоны.

Больше половины участвующих в поиске - промысловики-охотники, дружинники. Боевое скорострельное оружие в руках налетчиков - слишком серьезно. Едва ли оправдано рисковать жизнью гражданского населения. Пусть бы лучше Глеб, Роман, Клим ушли со своим грузом без помех из тайги. Куда бы ни направились, не затеряются, если хорошенько искать.

- Вспомните, как они вели себя? Что говорили? Имена, может, какие-нибудь называли? - Шатохин сел на большое полено напротив Агафьи, пытливо глядя ей в глаза.

- Чего ж вспоминать-то? Говорила, поди-ка, уже, - помолчав, пробормотала она.

- Дщерью Евдокии, Феодосии называли тебя, так, - напомнил участковый.

- Так...

- Еще Богатенко какого-то вспоминали?

- Вспоминали.

- Когда у меня были, один из бродяг этих тоже говорил про Богатенко, - встряла в разговор бабка Липа.

- Как именно? Что говорил?

- Не помню. Так влетели, страх... - бабка Липа кончиками платочка вытерла наворачнувшиеся слезы, отвернулась, перекрестилась.

"Дщерь" - по-старому "дочь". Но почему один из налетчиков сказал Агафье "дщерь Евдокии, Феодосии", кто такой Богатенко? - ответить старушки не могли.

...В обществе староверок провели около двух часов, но ничего нового к уже известному у Шатохина не прибавилось.

Зряшным оказался поход и к Варваре с Агриппиной - в домик, который грабители оставили в покое. От встречи с сотрудниками милиции бабки увильнули. Шатохин увидел, как сгорбленные фигурки старушек вышли из избы и спешно скрылись в гуще деревьев.

В покинутую келью все же вошли. Запах свежесгоревшего лампадного масла царил в избушке. Красников дотронулся до лампадки: остыть не успела, наверняка не пустой угол освещала. Но ни единого образка на виду в избе не было.

- Утром так же "встретили". Теперь хоть сутки, хоть десять жди - без толку, - констатировал Красников. - Будут, как это наш фельдшер говорит, беднота и таиться.

Безрезультатным был и визит к Афанасию. Пожилая женщина вышла навстречу.

- Болеет брат Афанасий, - негромко сказала она. - Нельзя к нему.

- Утром здоров был, бабка Анна. И какой тебе он брат, - попытался разговорить ее Красников.

- Слег брат Афанасий, болеет, - словно не слыша реплики, повторила бабка Анна.

- Все-таки обманываешь, поди? - участковый посмотрел испытующе.

Анна недолго колебалась, сделав знак Красникову следовать за ней, направилась к домику. Подол длинной, почти до пят, ситцевой юбки волочился по густой траве.

Участковый, войдя вместе с хозяйкой в домик, возвратился очень скоро.

- Вправду сильно заболел. В глаз кровоизлияние и нога отнялась. Не до нас им сейчас, - сказал он Шатохину. Размышляя над причиной внезапной болезни Афанасия, прибавил: - Так обобрали! Шутка ли... И лечиться не хотят ни в какую.

- Это их дело. А врача вызвать нужно, - задумавшись проговорил Шатохин. Оставался еще один пострадавший от вторжения налетчиков скит, где не побывали, - скит Василия. Не хотелось откладывать последний визит на завтра. Нужно поторапливаться, день на исходе.

- До жилья Василия сколько километров? - спросил он.

- Семь. Восемь от силы.

- Тогда идем, Сергей.

Спешили. Рассчитывали, пока закатное солнце не успело еще приклониться к зубцам ельника, быть у Василия.

Тропа проходила мимо сиротливого пристанища Киприяна. Вот виден уже деревянный крест, бревенчатая избушка с тесовой крышей.

- Талант у мужика был, - кивнул в сторону могильного креста Красников. - Отдельные листы у рукописных книг истреплются, он так скопирует, под старину подладит - не отличишь, где подлинник, где рука Киприяна.

- А теперь они где? - спросил Шатохин.

- Имуществом не интересовался. Соседи, наверное, забрали. Я последний раз спустя неделю после смерти Киприяна сюда приезжал, изба уже совсем пустая была.

- Когда-когда в последний раз? - уточник Шатохин.

- Полмесяца назад. Услышал о смерти старика, и сразу поехал.

- А нынче кто сопровождал группу из Назарьево?

- Я. Но здесь мы не были.

- Тогда кто же? - Шатохин указал на примятую в высокой траве тропку, ведущую к избе.

- Не знаю... - озабоченно произнес участковый.

- Попытаемся узнать.

Руками раздвигая перед собой траву, Шатохин направился к тропке. Следы подошв резиновых сапог на влажноватой земле были сравнительно свежие, двух- или трехдневной давности.

- Чужой кто-то ходил, товарищ майор, - наклонившись, заговорил приглушенным голосом Красников. - У здешних у всех обутки кожаные, самодельные, сделанные Василием.

Шатохин не откликнулся. Думал, почему вышло так, что следственно-оперативная группа обошла стороной Киприяново жилище. Скорее всего, подвела логика мышления, сработал автоматизм: Киприян умер, дом его опустел, в близлежащих деревнях это известно, значит, осведомлены и грабители. Но они-то как раз могли и не знать. Следовательно, если действительно в избу заглядывали потрошители скитов, информацией о старообрядцах они располагали давней... Бороносин! Шатохин вспомнил о нем. Вернулся с очередной железнодорожной вахты уже после смерти Киприяна. И если был провожатым...

Дверь была чуть-чуть приоткрыта. Тонкая, не шире лезвия ножа полоска дневного света просачивалась внутрь жилища, вычерчивая длинную прямую на полу. Шатохин отворил дверь. На покрытом слоем пыли полу хорошо были заметны следы подошв сапог. Не входя в избу, вместе с Красниковым изучали их, потом Шатохин осторожно ступил через порожек.

Луч фонарика заскользил по затканым тончайшей пряжей-паутиной углам, как вдруг в проеме между стеной и печкой наткнулся на рваную дырку в этой "пряже".

Шатохин приблизился, осветил в узкий проем и увидел расколотую пополам деревянную чашку. С помощью прутика выудил обе половинки посуды из-за печки.

Чашку брали голыми руками, и было это сравнительно недавно: налет пыли в местах, где заметно касание пальцев, - тончайший. Из бокового кармана Шатохин вынул свернутую газету, расправил и завернул в нее половинки.

- Что там, товарищ майор? - Красникову было интересно, мальчишеский азарт охватил его.

- В траве кругляш валяется, Сергей. В избу его нужно занести, - попросил Шатохин.

- Есть, - отозвался Красников. Исчез и снова вскоре появился в дверях, позвал: - Товарищ майор, взгляните.

Взволнованные нотки проскальзывали в голосе Красникова, и было от чего: поднимая бревешко, он обнаружил на земле медную литую иконку размером чуть больше спичечного коробка и два папиросных окурка с изжеванными мунштуками.

- Вчера, в крайнем случае позавчера курили, - сказал Красников, рассматривая их.

- Похоже, - отозвался Шатохин.

Солнце закатывалось. Багровый его диск вот-вот скроется за макушками елей. После заката сумерки нахлынут не сразу, и все равно надо спешить. Находки в избе и возле нее заставляли изменить планы.

- К Василию пока не пойдем, Сергей. Здесь поглядим. Может, еще что обнаружится. По тропе, Сережа, пройтись нужно. Не торопясь. С чувством, с толком... - напутствовал Шатохин.

- Есть...

Работали на совесть до сумерек, но больше так ничего и не нашли. Пора было позаботиться о ночлеге. В Киприяновой избе расположиться негде, да и не хотелось. Старик до последних своих дней держал козу. Островерхая копна прошлогоднего сена так и стояла около избы. Раструсили несколько охапок сена, легли не раздеваясь. Перед сном Шатохин по рации в который уже раз за этот день связался с начальником Нетесовского ОУРА. У Поплавского все оставалось по-прежнему. Он не выезжал из тайги, поиск продолжался. То же и у майора Коротяева.

Шатохин устал, но уснуть сразу не мог. Лежал с закрытыми глазами, думал о деле.

- Сергей, первый раз кто староверов грабил? - спросил, нарушив молчание.

- Приезжие какие-то, - зашуршал сеном участковый, поворачиваясь. - Сначала продать уговаривали, а потом просто украли несколько штук. Слышал только, что те уже на продаже попались, в крайцентре. Фельдшер наш может рассказать, Иона Парамонович. Он и об истории икон, у кого какого века, какие самые ценные - все по полочкам разложит.

- Он уртамовский?
- Уртамовский. Корзилов фамилия.
- Гать - понятно. А почему - Царская? - спросил Шатохин.
- Звучно?
- Есть немного.
- Дорога как дорога. Ничего интересного. При царском еще режиме проложили, потому и Царская.

Последние слова Красников пробормотал невнятно. Ему хотелось поговорить, он противился сну, но усталость одолевала - ведь сутки, как минимум, на ногах.

7

Василий от разговора с сотрудниками милиции не отказывался, но отвечал нехотя, односложно, глаз от пола почти не поднимал. Ему стыдно было, что его, пятидесятилетнего здоровяка, славившегося даже за пределами района богатырской силой, одолели хлипковатые на вид парни.

Шатохин немного наслышан был о Василии. Еще три года назад он на славу хозяйничал в районной кузне, иногда в свободное время на потеху детям да и взрослым завязывал в узлы стальные прутья и перекусывал зубами гвозди; вспыхнет драка где, - его звали разнимать, не учитывая числа драчунов; он и с медведем мог голыми руками схватиться.

Василий никого, кроме Бога, не боялся, силой своей гордился, на нее рассчитывал как на главный козырь. И вот налетчики одним махом прихлопнули его козырь.

Вопросы о том, как именно охотники за иконами одолели Василия, были особенно ему неприятны. Шатохин и рад бы пощадить самолюбие бывшего кузнеца, но "почерк" нежданных гостей интересовал его больше всего. Ясно, что ломовой силе бывшего молотобойца противопоставили приемы одного из видов единоборств, действующие безотказно. Но какие конкретно приемы?

Из рассказа следовало, что гостей Василий встретил перед избой. Приблизились двое. Один - высокий и узкий в плечах, другой - пониже, усатый, глаз у него чуть косит (на секунду снял темные очки, и жена Василия это подметила). Первый протянул руку, вроде для пожатия, со словами: "Здравствуй, хозяин". И Василий сразу осел, как мешок. С такой быстротой все случилось - ни сам Василий, ни жена не узрели замаха и удара. Одно точно: бил высокий. Усатый чуть поодаль стоял. Позднее, когда Василий очухался, пошевелился, усач ребром ладони поддал по шее и завязал руки Василию за спиной. После повторного удара он не скоро пришел в себя.

- От первого удара где боль чувствуете? - уточнил Шатохин.

- Тут.

Василий ткнул себе пальцем в окладистую бороду и по-детски доверчиво синими глазами недолго поглядел на Шатохина. Василий не понимал, для чего это нужно так до-тошно выпрашивать, куда его ударили, как ударили. Кажется, и участковый не мог разобраться, для чего оперативнику из края так скрупулезно, до мельчайших деталей понадобилось уточнять, как нападали на Василия. А ведь это было важно. Неизвестно как другие, но старший в преступной группе, Роман, несомненно владеет приемами современной борьбы. Владеет свободно. Дилетант, подхвативший где-то впопыхах два-три приемчика, так уверенно себя чувствовать не будет перед молотобойцем, телосложение которого уже внушает осмотрительного отношения.

- Не замечали несколько дней, недель назад ничего подозрительного? - Шатохин перешел на менее неприятные вопросы.

Василий промолчал.

- У Тольки Бороносина спросите, - улучив минуту, когда участковый попросил у Василия глоток воды, полушепотом сказала жена бывшего кузнеца. - Он тут терся поблизости.

- Когда?

- Да днями. Позавчера утром видала. И раньше.

Опять вахтовик-железнодорожник. Опять его имя упоминается. Случайно ли?

С Василием и его женой расстались около восьми утра, а к полудню были уже в Уртамовке. Успели к пассажирскому самолету, летавшему из Западной Якутии в крайцентр с посадкой через день в Уртамовке. С милиционером-порученцем Шатохин отправил в управление предметы, найденные в доме Киприяна.

Проводив самолет, Шатохин вышел на связь с начальником краевого розыска Пушных. Доложив обстановку, высказал свое мнение о засадах.

- Считаю, товарищ полковник, ошибкой продолжать группам блокировать дороги, - сказал Шатохин. - По крайней мере, гражданское население не должно в этом участвовать.

Говоря так, Шатохин все еще находился под впечатлением от встречи с одной из поисковых групп. Из семи человек двое в ней были совсем мальчишки, лет по четырнадцать. Как попали в группу - непонятно. Скорее, просто никто не обязывал, но и не возражал. Отправились за компанию, из любопытства, ради острых ощущений. По поведению всей группы легко было заключить: о возможном внезапном столкновении с грабителями, о том, какую опасность это

таит, мало кто всерьез думал. Ошибка Поплавского в том, что в спешке он принимал добровольцев без особого разбора.

- Медлить нельзя, товарищ полковник. Плохо может кончиться, - наседали Шатохин.

- Убрать всех гражданских? - обдумывая слова Шатохина, повторил начальник краевого розыска.

- Да.

- Это фактически свернуть поиск в тайге.

- Да. Оставить сотрудников на близлежащих пристанях, авто- и железнодорожных станциях. Разрешите?

- Действуйте по своему усмотрению, Алексей Михайлович. Желаю удачи, - ответил Пушных.

Связь с крайцентром закончилась. Не медля, Шатохин отдал распоряжение лейтенанту Поплавскому и майору Коротаяеву прекратить поиски. Единственное, за что тревожился, как бы столкновение с вооруженными налетчиками не произошло в часы эвакуации групп из дальних урманов.

8

Фельдшер Иона Парамонович Корзилов, по рассказу участкового, был коренным уртамовцем. За долгую жизнь он всего лишь раз покидал родные края на пять лет, учился в Ленинграде в медицинском институте. Учился отлично, но врачебного диплома так и не получил. Отца укусила энцефалитный клещ, его парализовало, и Иона Парамонович вернулся домой. Не потому, что некому было ухаживать - в семье и братья, и сестры. Вернулся, чтобы вылечить отца. Ему твердили, что медицина бессильна, советовали бросить бесполезную затею. Он, однако, мимо ушей пропускал. Устроился фельдшером, книг медицинских перевернул горы: чтобы в курсе зарубежных новостей по специальности быть, английский не хуже родного выучил, ни одной травинки-корешка целебных тутошних для него не осталось неизвестных. Поставил-таки на ноги отца. Можно было возвращаться в институт, но около четырех лет минуло. Не два оставшихся семестра, а все прежние нужно пройти. Уже семьей обзавелся. Иона Парамонович подумал и, к радости односельчан, решил, что фельдшером тоже можно прожить.

Иона Парамонович в середине дня был дома, в загончике, сидя на детском стульчике, он доил корову.

- Здравствуй, Иона Парамонович, - сказал Красников приближившись.

Фельдшер обернулся. Толстоносый, рыжебородый, в выгоревшей кепке-шестиклинке, из-под которой выбивались длинные вьющиеся волосы, в латаном двубортном сером пиджачишке он меньше всего походил на интеллигента, бегло объясняющегося по-английски, отменного лекаря, к

которому в затруднительных случаях врачи райбольницы советовали с глазу на глаз пациентам обратиться за помощью, краеведа, знатока истории живописи и иконописи в частности.

- Здравствуйте, - отозвался фельдшер, поднимаясь со стульчика.

- За помощью к вам, Иона Парамонович, - участковый представил Шатохина по имени-отчеству: - Алексей Михайлович.

- Что такое? - фельдшер быстро с головы до ног окинул взглядом Шатохина.

- Нет-нет, не по врачебной части, - Шатохин улыбнулся.

- Ну, пойдете, - сказал Корзилов.

Он на минуту оставил гостей, склонившись над умывальником, прикрепленному к бревенчатой стенке баньки, вымыл руки.

- Прошу, - фельдшер, проведя Шатохина и Красникова на уютную летнюю веранду, жестом пригласил их сесть на диван. - В избу не приглашаю, Вера Георгиевна у меня расхворалась. Так за какой помощью пожаловали, Сережа? - обратился к Красникову.

- Алексей Михайлович - из краевого уголовного розыска. Майор, - более полно представил Шатохина участковый.

Корзилов наклонил голову непринужденно-почтительно.

- Очень приятно. Чем могу быть полезен? - доброжелательный взгляд Ионы Парамоновича устремился на Шатохина.

- Об ограблении, вам, конечно, известно?

- Безусловно. Но только о самом факте, не больше.

- Сергей говорит, вы о старообрядцах абсолютно все знаете.

- Так уж. Абсолютно все, скажу по секрету, я и о себе не знаю. - Иона Парамонович улыбнулся, достал из шкафчика глиняные кружки, прямо из подойника налил в них молока, подал гостям. - А что конкретно вам нужно?

- В келье около озера один из налетчиков сказал старухе Агафье: "А ну, дочь Евдокии, Феодосии..."

- То есть, обратился так? - уточнил фельдшер.

- Да. Потом угрозы посыпались...

Иона Парамонович поерошил свою густую короткую бороду.

- Любопытно. Дочь Евдокии, Феодосии... Знаете суриковскую картину "Боярыня Морозова"?

- Видел. Не раз. Репродукции, правда, - ответил Шатохин.

- Может быть, помните: по правую руку от саней идет молодая женщина. В бордовой зимней одежде, в светлом

полушалке на плечах. Это княгиня Урусова, родная сестра Морозовой. Вы о старообрядчестве знаете?

- Так, понаслышке. Кажется, еще в петровские времена церковный раскол получился.

- Даже раньше. При отце Петра царе Алексее Михайловиче, за год до воссоединения России с Украиной раскол произошел, появилось старообрядчество. Богослужбные книги перевели с греческого при крещении языческой Руси, и с тех пор переписывали одну книгу с другой, часто всяк по-своему толкуя отдельные места. Царь вместе с патриархом Никоном решил провести церковную реформу, исправить накопившиеся почти за семь веков неточности по греческим оригиналам. Попутно решил изменить детали обряда: вместо земных поклонов поясные класть; "аллилуя" петь трижды вместо двух раз; креститься щепотью, как греки. Царь, конечно, реформой прежде всего хотел накрепко подчинить себе церковь, укрепить личную власть. Вот тут-то смута и началась...

Женский голос из избы позвал Иону Парамоновича, и он, извинившись, оставил Шатохина и Красникова на веранде вдвоем. Вернулся через две-три минуты.

- Да, так я отклонился, - продолжал он. - О дочери Евдокии, Феодосии. Имя боярыни Морозовой - Феодосия. Феодосия Прокопьевна. Сестра ее - Евдокия. Морозова - богатейшая вдова, имела восемь тысяч крепостных, а дом ее был московским центром раскола. Царь долго терпел ее. Из-за дружбы Феодосии с царицей. Но в итоге сослал с сестрой в городок Боровск. Там и закончилась их жизнь в монастыре, в земляной тюрьме. И прослыли они старообрядческими страдальцами. Вот так...

Иона Парамонович умолк.

- В том же скиту грабители упоминали какого-то Богатенко. Или Богаденко. Потом еще раз эта фамилия прозвучала. В избе Олимпиады. Может, это их знакомый, а может...

Шатохин собрался было подробно объяснить, при каких обстоятельствах прозвучала фамилия. Фельдшер снова потерял бороду, с легкой улыбкой хмыкнул:

- Просвещенный народ, однако, в нашу местность навывался... Сейчас.

Он опять скрылся в избе и возвратился с кипой тонких журналов в руках.

- Вот. Начала века старообрядческие издания. "Щит веры" и "Старая Русь". Здесь где-то, помнится. Поглядим...

Иона Парамонович положил кипу на широкий подоконник, неторопливо брал один за другим журналы в сереньких обложках, пролистывал последние страницы.

- Пейте еще молоко, не стесняйтесь. Сережа, наливай, -

не отрываясь от своего занятия предложил он. - Вот! - Ур-тамовский фельдшер подал развернутый журнал Шатохину. - В правом верхнем углу, взгляните. В волнистой рамочке объявление.

Шатохин взял, прочитал.

"Старообрядческая мастерская иконописи Якова Алексеевича Богатенко (Москва, Таганка, Дурной переулоч, д. 20, кв. 8).

На выставке икон в С.-Петербурге апреля 1904 г. удостоен большой серебряной медали.

Принимаются заказы на работу по иконам в различных стилях: Греческом, Новгородском, Московском и Строгановском с полным соблюдением духа старообрядчества.

Иконы (целыми иконостасами) находятся в гг. Казани, Варшаве, Кузнецке. Отдельные же - во всех местностях России".

Шатохин передал журнал участковому. Только что прочитанное меняло оборот дела. Потерпевшие утверждали, будто в коротком споре грабителей - брать все образа подряд или на выбор - прозвучало: "Не хватало для Богатенко таскать". Грабители нечаянно назвали фамилию. Для Шатохина фамилия была важной зацепкой, с помощью которой начнет разматываться клубок этого дела. Он уже даже начал истолкование фразе, оброненной старшим в группе налетчиков: Роман противник того, чтобы брать иконы, которыми интересуется Богатенко. А вот что на поверку вышло. Спасибо фельдшеру, внес ясность. Могло получиться: ударился бы в розыск владельца мастерской, удостоенного за иконописные труды свои в самом начале века большой серебряной медали. Ничего не скажешь, красиво бы выглядел, когда выяснилось бы, кого ищет. Старухи самую малость ошиблись, одно лишнее слово - "для" - назвали. И без этого "для" получается: старший в преступной группе не хотел брать иконы работы Богатенко. Надо думать как малоценные.

- Богатенковские образа не тронули? - спросил фельдшер.

- Не знаю. Не разбираюсь в них. Несколько штук осталось, - ответил Шатохин.

- А книги какие взяли?

- Ни одной. Нигде.

- Хоть вниманием удостоили книги?

- Старушки говорят: смотрели.

- Да-а, привередливый народ. В Нетесово у меня знакомый. У него несколько рукописных книг. Редчайших. От бабки унаследовал. Одну из них археографы купили у него за полторы тысячи. Точь-в-точь такую, какая есть у Афанасия.

- Может, они цены не знали? - неуверенно сказал участковый, возвращая Корзилову журнал.

- Сережа, - с укоризной в голосе сказал фельдшер, - ты же участковый инспектор, староверы на твоей территории, твои подопечные. Не поленился бы хоть однажды заглянуть ко мне. Я бы рассказал тебе, что наиболее чтимые иконы в келье Агафьи и Настасьи - "Богоматерь Печерская" и "Богоматерь - Умягчение злых сердец" - среди определенной публики будут оценены в десяток моих годовых жалований.

- Самый лакомый скит, - сказал Шатохин.

- Это вы точно выразились, самый лакомый, - согласно кивнул Корзилов. - По числу и ценности древних икон разве что скит Великонида может соперничать. Но это в другой колонии староверов. В восточном крыле района.

- Какое торжественное имя - Великонида, - не удержался от замечания Шатохин.

- Она ему соответствует. - Фельдшер мельком посмотрел на часы.

Шатохин понял: времени у собеседника больше нет. Вопросов было много. Шатохин задал самый важный на текущий момент:

- Лучшие иконы были, вы сказали, у Агафьи и Настасьи. А самый бедный домик в этом отношении?

- У Варвары и Агриппины. Правда, после того, как за Киприяном ухаживали, все его богатство к ним перекочевало. Жаль, если не найдете.

Иона Парамонович опять взглянул на часы.

- Вам некогда? - спросил Шатохин.

- На хутор в Марковку через полчаса ехать. У женщины там роды трудно прошли. Жене лекарство успеть приготовить нужно... Завтра приходите. В любое время. Можно хоть в пять утра. Я встаю рано.

- Спасибо, Иона Парамонович.

Шатохин скользнул взглядом по журналам на подоконнике, поднялся с дивана.

9

Едва отошли от дома Корзилова, Шатохин спохватился: забыл спросить, кто участвовал в ограблении скитов в предыдущий раз, восемь лет назад. Фельдшер наверняка знает, помнит.

Шатохин приостановился, обернулся. Можно бы вернуться. Нет, не стоит. И без помощи фельдшера можно установить, поднять дело из архива. Сейчас и так сведений предостаточно получили.

Со вчерашнего дня неотвязным был вопрос: почему, побывав во всех скитах, грабители обогнули один-единственный, стоящий не так далеко от остальных. Объяснение было

такое: в четырех ограбленных кельях охотники за иконами взяли так много, что большой груз сделал бы рюкзаки неподъемными. Не думал Шатохин до встречи с уртамовским фельдшером и о том, почему налетчики заглянули первоначально именно в скит около озера, не усматривал в этом какой-то скрытой закономерности. Просто посчитал, нужно же откуда-то начинать. Ошибался. Все у грабителей было предусмотрено, выверено, ни одного лишнего шага не сделали. Нет, без хорошего проводника не обошлось, чтобы вот так свободно, быстро передвигаться от острова к острову среди болот. Где же этот вахтовик-железнодорожник Бороносин, которого видели поблизости от Силантьевки и около скита Василия? Если связан Бороносин с налетчиками, меньше всего ему сейчас выгодно где-то прятаться, привлекать к себе этим внимание. И где лейтенанты Поплавский и Хромов? Три часа назад приказал им выехать в Уртамовку. Пора уж быть. Начальник Назарьевской милиции тоже должен приехать сюда. Нужно договориться о дальнейших действиях. Поиски в тайге прекращаются, но это не означает, что грабители смогут беспрепятственно уйти.

Гул тяжелых мотоциклов огласил тихую центральную улицу поселка. Это возвращались пробывшие двое суток в засадах уртамовцы. Поднимая пыль, мотоциклы промчались мимо Шатохина и Красникова.

На подходе к поселковому Совету, где находился кабинет участкового, их нагнал вездеход. Пропыленные, с уставшими от бессонной ночи глазами вылезли из кабины Поплавский и Хромов.

- Думал, из управления был приказ прервать поиск, - обращаясь к Шатохину, выпалил Поплавский. - А это вы, товарищ майор, настояли сами. Э-эх... - В голосе начальника Нетесовского ОУРа слышалось осуждение.

- Так надо. Людей беречь надо. - Считая лишними дальнейшие объяснения, Шатохин направился в кабинет участкового, остальные - следом.

- Сколько от Бирюлино езды? - спросил Красников, садясь за стол, на котором по-прежнему лежала карта района с пометками, сделанными рукой Поплавского.

- Часа четыре ехать, товарищ майор, - ответил участковый.

Раньше чем через час Коротаев не будет, подумал Шатохин. Вместе с ним необходимо съездить в Назарьево. Пора встретиться с теми, кто побывал до него в скитах и осмотрел места происшествий. Что там, у криминалистов района и крайуправления?

- По вашему мнению, лейтенант, они все еще в тайге, на территории района? - спросил Шатохин начальника ОУРа.

- Так точно. Убежден, отсиживаются.

- Предположим, отсиделись, пошли. Покажите, где, по вашему, должны выбраться из тайги. Территорию, прилегающую к Назарьевскому району, в расчет не берите.

Поплавский помолчал, глядя на карту.

- На их месте постарался бы выйти к реке. По лесу. Потом обогнул бы Тасеевский луг.

- Километров семьдесят, - прикинул по карте расстояние Шатохин. - Почему к реке?

- Катера ходят, буксируют лесовозные баржи. Плотик из двух бревешек сколотить, ночью доплыть до баржи - и все, вырвались.

- Так. А участок, где могут выйти на берег?

- Вот. Примерно от... и до... - Поплавский указал отрезок километров в двадцать пять.

Участковый закивал: все верно, он тоже так думает.

- Два поселка, две пристани здесь, - сказал Шатохин.

- На "Ракету" не рискнут садиться.

- По крайней мере, ваши люди и там должны быть. И бассейн реки должен находиться под наблюдением день и ночь. Пусть сотрудники поедут, порыбачат. Общественность привлекать запрещено. Не тот случай. Понятно?

- Так точно.

- Еще где?

- Мост железнодорожный. Автовокзал, разумеется...

- Все? - спросил Шатохин. Не услышав дополнений, сказал: - Поезжайте с Хромовым в Нетесово. Надолго там не задерживайтесь. Прошу помнить про автомат. И других предупредите.

В Назарьево на транспорте Коротаева добрались из-за поломки в пути лишь около девяти утра.

Районный эксперт-криминалист доложил, что на двух из семи консервных банках, несмотря на то, что побывали в воде, обнаружены отпечатки пальцев. В одной банке из-под тушенки нашли газетный клочок. Разумеется, бумага раскисла, но прочитать текст на обрывке можно. Вот только название газеты и за какое она число - этого местными силами не удалось определить. А тушенка изготовлена на Липецком мясомолочном комбинате. Возможно, и газета липецкая.

- Издалека десант, - сказал Коротаев. Он был доволен своим подчиненным.

- Когда все это установили? - спросил Шатохин криминалиста.

- Позавчера. Через час после возвращения от староверов данные были готовы. На смятой пачке следов никаких.

- Знали и держали у себя. Зачем? - спросил Шатохин,

поморщившись. Не предусмотрел, что вещественные доказательства могут осесть в райотделе мертвым грузом.

Самолет улетел через час с минутами. Шатохин распорядился упаковать и отправить находки в крайуправление.

Настроение поднялось, когда связался с краевым ЭКО и полковником Пушных.

Дактилоскопический анализ показал, что отпечатки на окурках и литой иконке принадлежат Бороносину Анатолию Васильевичу.

На расколотой пополам деревянной чашке тоже обнаружены следы. Но не Бороносина. Чьи - выясняется. Отпечатки все свежие, брали предметы в руки в один и тот же день, три дня назад.

- Товарищ полковник, лет шесть-восемь назад на скиты уже было нападение. Хорошо бы знать, кто участвовал, - попросил уточнить Шатохин начальника краевого уголовного розыска.

Столовая находилась на другой стороне улицы, наискосок от здания райотдела. Только собрались пойти позавтракать, как раздался телефонный звонок. Поплавский сообщил: полчаса назад в Силантьевке местные нештатные инспекторы милиции встретили Анатолия Бороносина. Из кармана набито травой рюкзака торчала свернутая карта района. Между прочим, на подробнейшей карте обозначены все до единого ограбленные скиты, проходы между ними, все возвышенности и топи. Мало того, отмечены не менее детально все домики старообрядческих скитов на востоке района.

- Куда и откуда путь держал? - поинтересовался Шатохин.

- С ними объясняться не желает. Говорит, штатных милиционеров прорва, чтобы еще с их подголосками язык мозолить.

- Собирается куда-нибудь?

- В баню.

- То есть?

- У тетки родной остановился. Баню для него топит.

- Значит, надолго расположился?

- Похоже.

- Пусть парится на здоровье. Не нужно мешать. - Ощувив свою волглую одежду, Шатохин подумал, как хорошо было бы окунуться сейчас в жар парной; и даже позавидовал Бороносину. - Я выеду в Силантьевку. Занимайтесь своими делами.

10

Бороносин - худой, лобастый, - распаренный после бани сидел на крылечке избы в одних спортивных брюках и курил папиросу. Махровое розовое полотенце лежало рядом.

Первым делом вахтовик-железнодорожник потребовал объяснить, кто такой Шатохин и зачем пришел. Не тратя лишних слов, Шатохин предъявил удостоверение.

- Даже майор. Такая честь, - сказал Бороносин безразличным тоном. - А дальше что?

- О происшествии слышали?

- Про доски, которые увели из скитов, что ли?

- Да.

- Говорила нынче утром Василиса.

- Только нынче? Не вчера, не позавчера?

Щелчком Бороносин отправил окурок с изжеванным мунштуком в стоящий неподалеку наполненный до краев дождевой водой бочонок со ржавыми обручами. Мелькнула на кисти руки между большим и указательным пальцами накладка: изображение железнодорожного локомотива и под ним буквы М. П. С.

- Скажите, Бороносин, где вы последние дни проводили? Дом далеко, там вас не было.

- Брал обязательство быть?

- Нет.

- Тогда какой разговор?

- Семьдесят километров только от села до села прошли. Пешком.

- Ух, расстояние! - Бороносин небрежно откинул к самому порогу полотенце, под которым лежала начатая пачка "Беломора" и спички, опять закурил. - У меня условия работы какие? Месяцами живу под тук-тук-тук. Купе - как конурки, проходы в вагонах узкие, много не находишься. Так что мне эти семьдесят километров - против гиподинамии - лекарство на один прием. Иногда еду, в окно гляжу, о людях, которые собак в городских квартирах держат, думаю. Сплошное варварство! Да за такое...

Поездной электрик от слова к слову говорил все охотнее: явно решил покуражиться.

- Так вы не ответили, где последние дни пропадали? - перебил Шатохин.

- Допрашиваете? - мигом переменял тон и мимику Бороносин.

- Да, это вопрос.

- И в качестве кого же я?

- В качестве свидетеля. В день ограбления вас видели на болотах поблизости от скитов. И вы могли кого-то заметить.

- Кто видел? - Бороносин чуть подался вперед. - Я никого...

- Видели - и все, - перебил Шатохин.

- Ладно, был, не отрицаю. - Второй окурок полетел в бочонок с водой. - Но я какой свидетель? Никого не встречал.

- Значит, так и запишем в показаниях, - Шатохин оки-

нул взглядом собеседника. - И вместо того, чтобы разглагольствовать о собачьей гиподинамии, вы бы лучше оделись.

Бороносин молча поднялся, подобрав полотенце, ушел в баньку. Вернулся в брюках и клетчатой рубашке с широким воротом, в домашних тапочках.

- Дома есть кто-нибудь? - спросил Шатохин.

- Один. Тетка за молоком ушла. В избу пойдём?

- Пойдемте.

В кухне избы тетки Бороносина было чисто, тикали ходики, пахло медом. На столе, застланном клеенкой, цветок герани в горшке. Бороносин переставил его на подоконник, сел. Шатохин устроился напротив.

- Значит, в день происшествия на болотах вы были, но никого не видели и ничего не слышали? - спросил Шатохин, вынимая из портфеля бумагу, ручку. - Так?

- Так.

- А в этих местах как оказались?

- Тетку проведать.

- Раз за пять лет. И то зашли не сразу, обогнули поселок стороной. На болота-то зачем подались?

- А что, нельзя? Гулял по болотам! - огрызнулся Бороносин.

- И все же, свидетель, давайте посерьезнее. Вы оказались вблизи от места преступления. Чужие здесь нечасто появляются.

- По личным делам был.

- Точнее.

- Белозер собирал.

- Что за белозер?

- Трава такая. Мочегонная. Или ветрогонная. Мне без надобности знать.

- Собираете, не интересуетесь: что, для чего?

- Для денег. Врач один попросил в поезде. Он народной медициной занимается. Травами лечит.

- Ближе нигде нет мочегонной-ветрогонной?

- Я не нашел.

- Врач-то заплатить обещал, адрес оставил?

- А как же. В Харькове живет. Все записано. Дома у меня.

- Хорошо. А вот это, - Шатохин наклонился к портфелю, достал и развернул рисованную от руки карту, переданную ему нештатными инспекторами, - ваша?

- Моя.

- Кто ее делал?

- Сам.

- Когда?

- Ну, зимой.

- Нынешней?

- Да.

Явно не сходились концы с концами у Бороносина. Пять лет не навещался в Силантьевку. По крайней мере не видели его здесь. По памяти, что ли, рисовал? Или тайно периодически бывал на болотах? Возможно. Ходит по ним уверенно. Тогда зачем вырисовывать в подробностях болота? Нелепо. Шатохин решил пока не касаться этих несоответствий.

- Как вы объясняете, что на карте отмечены все ограбленные дома староверов?

- При чем тут "ограбленные"? Просто дома. Старые юрты есть - и они на карте помечены. А больше и пометить там нечего.

- Хорошо. Вот еще "просто дома", - Шатохин указал на обозначенные крестиками староверческие скиты. - Это совсем в другом конце района. И около них проходы в болота отмечены. Зачем?

Бороносин отреагировал быстро.

- А что вы одни скиты выделяете? Выгодно? Ну, есть. А Уртамовка, Царская гать, Силантьевка, где мы находимся, - это все тоже есть. Полрайона отмечено, а нужны скиты - за них и уцепились.

Бороносин умолк, нервно побарабанил пальцами по столу, убрал со стола руки, демонстративно уставился в окно.

- Не горячитесь.

- Хэ, спокоен.

- Близко от скитов были?

- В один заходил даже. К Киприяну. - Бороносин медленно отвел взгляд от окна. - Дед дуба... Умер, короче, дед.

- Не показалось, что в доме Киприяна до вас был кто-то? Следы, может...

- Да говорил же, не свидетель я.

- Что уж есть. Изложите все письменно. В какое время были на болотах, цель. О карте своей... И давайте посмотрим, что за траву вы там насобирали.

- Пожалуйста. Рюкзак в сенях валяется.

11

С момента приезда Шатохина в район происшествия больше часа в одном населенном пункте он не задерживался.

После допроса Бороносина он выехал в Уртамовку, куда, наконец, прибыли следователь Тиунов, эксперт-криминалист Рахманов и кинолог Казаркин со своей любимицей - трехгодовалой, восточно-европейской породы, красавицей-овчаркой Альмой. Тиунов, Рахманов и Казаркин собрались в Нетесовский район буквально следом за оперативниками, но застряли в аэропорту почти на двое суток.

Не успел Шатохин рассказать следователю и десятой доли того, что хотел, как Хромов по радиации сообщил исключительной важности новость: в 10.35 в зоне, которую поручено держать под контролем, раздались выстрелы. Кинулись на звук этих выстрелов. Через полтора часа в лесу, примерно на полпути между окраиной Тасеевского луга и берегом реки обнаружили убитого волка. Стреляли из автомата. Двумя короткими очередями. Шагах в двадцати от убитого животного нашли в траве гильзы. Безусловно, дело рук грабителей. Сейчас они в десяти-двенадцати километрах от места, где прикончили волка. Может, даже меньше. Хромов назвал свои точные координаты. В какую сторону отправились грабители? Следов не видно. Был бы пес. Позарез нужна розыскная собака. По крайней мере он, Хромов, считает: налетчики вышли к берегу реки. Туда он и направляет всех сотрудников милиции.

- Ты сам оставайся на месте, - приказал Шатохин. - И по одному людей не отправляй к реке. Осторожность максимальная. Скоро буду. Жди.

Шатохин засобирался, продолжая еще говорить следователю:

- Магочин Захар неопрошенным остался. Он хоть мельком, но видел всех... Фельдшер местный...

- Шутишь? - перебил Тиунов. - Не сейчас, так через час бандиты попадутся, а я буду уточнять их приметы. Тоже еду.

- Поедем!

Водитель, получив приказание гнать как можно быстрее, не жалел ни себя, ни пассажиров, ни вездеход. И через срок минут болтанки по сорокакилометровому бездорожью машина вылетела на полной скорости на просторный, в пятнадцать квадратных километров, Тасеевский луг, замкнутый со всех сторон лесом. Луг недавно скошен, отава едва пошла в рост, густо-густо поставлены стожки молодого сена.

Пересекли луг напрямую, въехали в лес. До берега реки лесом - километр. Хромов стоял один с пистолетом в руке. Подкатили к нему. Спрятав пистолет, козырнул выпрыгнувшим из машины и кивнул в сторону убитого волка. Зверь лежал на боку, с поджатыми передними лапами, оскаленной пастью; на серой шерсти в нескольких местах видны крупные темные пятна - запекшаяся кровь.

- Вот здесь гильзы, - лейтенант коротко взмахнул рукой, и Рахманов двинулся к указанному месту. Остальные нетерпеливо ждали, когда Казаркин со своей подопечной приступит к работе. Кинолог не спешил. Альма порывалась к волку. Казаркин сдерживал натянутый поводок.

- В чем дело? - с нескрываемым раздражением в голосе спросил Тиунов.

- Чей след брать? Альме нужно дать понюхать хоть что-то, принадлежащее грабителям, чтобы пойти по их следу.

- А если удалиться? Начать от места, где не затоптано, откуда они одни шли? - Он повернулся к Хромову: - Откуда шли, лейтенант?

- Думаю, к реке. А откуда - не знаю, - ответил Хромов. - наших шестнадцать человек, кроме этих троих, ходили, пока на убитого волка наткнулись.

Следователь досадовал на Хромова: мог бы, услышав выстрелы, не бросаться в поиск, не приближаться к волку, а сообщить сразу в Уртамовку. Но Хромов действовал верно: во-первых, он сразу не мог точно сказать, кто стрелял, потом, откуда ему было знать о прибытии служебно-розыскной собаки?

- Куда они теперь денутся, - вмешался Шатохин. - Уверен, у реки. Ближняя пристань - Ореховый Мыс?

- Восемнадцать километров, - назвал расстояние Хромов.

- "Ракета" во сколько там будет?

Хромов посмотрел на часы.

- По расписанию через тридцать три минуты.

- Надо связаться с причалом.

- Там дежурят. По вашему указанию.

- На всякий случай еще раз предупредить надо. - Шатохин сам пошел к рации.

- Вертолет вызови, Алексей Михайлович. Теперь назарьевских сотрудников поближе нужно перебросить, - посоветовал Тиунов.

Казалось, преступная группа Глеб, Клим, Роман в ловушке. С минуты на минуту ждали сообщения об их задержании. Но минул час, второй, третий, шестой. Известий об удачном завершении операции так и не поступило. После пальбы по волку больше нигде никаких признаков своего присутствия налетчики не обнаружили. Надежды на овчарку Альму не оправдались.

Низко-низко над лесом, над рекой кружил вертолет. Милиция двух райотделов была в поиске.

За ночь и весь следующий день ничего не произошло. Следователь, эксперт-криминалист, кинолог уехали. Им предстояло еще раз пройти более внимательно по тому кругу, по которому уже прошел Шатохин.

На связь вызвал Пушных.

- Может, есть смысл прекратить, Алексей Михайлович? - полковник как бы советовался. - Еще день, если считаешь нужным, твой, - добавил он.

- Мне вылетать? - Шатохин поскреб щетинистую, иску-
санную гнусом щеку.

- Вылетать.

- Есть. Завтра утром буду. Если авиация не подведет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

У начальника отдела краевого уголовного розыска за вре-
мя отсутствия Шатохина накопилась информация по делу о
краже икон. Был ответ из Москвы на запрос: грабежей,
сходных с теми, что произошли в Нетесовском районе, ни-
где по стране в прошлом не отмечено. На столе лежала взя-
тая из архива папка.

- Посмотришь, - полковник подал ее Шатохину. - Пли-
точники-мозаичники Валошин и Катков. Девять лет назад
были в командировке в тех краях, отделявали столовую в
деревне Большой Тотош. Забрались на болота, украли ико-
ны в одном старообрядческом доме. Иван Игнатьевич Пар-
фенов занимался этим перед самым уходом на пенсию.
Жаль, с ним уже не встретишься...

- А плиточники?

- По-прежнему работают в девятом РСУ. Теперь о Боро-
носине. Как с ним?

- Многое непонятно. Во-первых, белозор. Действительно
растет такая трава на болотах. Но Бороносин багульник со
мхом вперемешку напихал в рюкзак. Потом, адрес врача,
для которого якобы траву собирал, так и не назвал. Листок
с адресом потерял, говорит.

- А то, что вместо одной травы другую нарвал, как объ-
ясняет?

- Перепутал.

- Березу с осиною не путает? - Пушных усмехнулся. -
Идет искать неизвестно что, неведомо для кого.

- На своем стоит.

- Хорош свидетель. И какое мнение о нем сложилось?

- Если совпадение, что оказался рядом с местом происше-
ствия, то исключительно редкостное. Я в такие совпадения
слабо верю. Еще эта карта его...

- У тебя она есть?

- Передал экспертам.

- Бороносин много ездит, - полковник недолго помолчал.
- Мог в разговорах с пассажирами рассказывать без всякого
умысла о родных краях, о староверах, иконах, и таким об-
разом попасть в поле зрения заинтересованных людей.

- Я побываю, Виктор Петрович, на его работе, поговорю
о нем.

- Добро. - Веселый огонек вспыхнул в глазах Пушных.

- Грабители-то, как считаешь, по сегодняшний день комаров кормят?

- В тайге, - уверенно ответил Шатохин.

- Ну-ну... - полковник кивнул, напомнил: - Папку не забудь.

Шатохин просматривал архивное дело. Ничего сходного с нынешним. Почерк не тот. Мозаичники-плиточники выжда-ли, когда хозяева покинут избу, второпях, без разбора, сня-ли иконы части иконостаса. А сбывали украденное на тол-кучке. Там и были задержаны. Какие уж связи с собирате-лями, с перекупщиками. Нет-нет, не они. А кто провел Ва-лошина и Каткова через топи? В деле почему-то нет. А важно. Надо лейтенанту Хромову повстречаться с мозаич-никами-плиточниками, слетать еще раз в Нетесовский рай-он. Большой Тотош от Силантьевки всего в полчаса лета, вдруг окажется, что доброхотом-проводником девять лет на-зад был Бороносин.

Сам же Шатохин собирался сначала повидаться с началь-ником пассажирского поезда Померанцевым. Железнодоро-жник-вахтовик из Нарговки чаще всего ездит в бригаде Померанцева. На восемнадцать часов договорились о свидани-и около депо. Шатохин взглянул на часы, пора отпра-вляться. Маловероятно, чтобы Клим, Глеб, Роман, если они издалека и никого знакомых в крайцентре не имели, без ос-тановки проследовали в таежный район. Обратиться за по-мощью к собирателям? Да, сразу после встречи с начальни-ком поезда...

На четвертушке листа Шатохин делал краткие пометки.

Начальник поезда худой, в возрасте мужчина, со значком об окончании техникума на лацкане форменного пиджака, имел привычку переспрашивать, а потом надолго умолкать. Он как будто взвешивал содержание вопроса на невидимых весах. Отвечал, правда, по существу.

- Общительный ли Бороносин?

- Не чурается людей. Любит посидеть, поболтать. Пока не обсудит все поездные новости, не перескажет, что в газе-тах прочитал, по радио услышал, - не поднимается. Прихо-дится напоминать, что не пассажиром едет.

- Часто ли рассказывает о родном селе, о староверах?

Еще бы. Он, Померанцев, на что уж, кажется, не часто в поездных посиделках участвует, начальник все-таки, а и то наслушался вдосталь. Сам целую лекцию о старообрядцах благодаря Анатолию прочитать может.

- Конкретно, что?

- Ну, среди болот дома их стоят. Вера у них, например, на казанскую разделяется и ярославскую. Кто казанской ве-ры держится, деньги не признают, тайгою кормятся. А ярос-

лавские деньгами пользуются. Вот... Или наоборот, ярославские - это без денег...

Начальник поезда сбился, умолк. Шатохин, искоса глянув, подумал, что собеседник, пожалуй, преувеличил свои возможности: лекция о старообрядцах ему не под силу.

- С пассажирами в поездах Бороносин общается? Или только со своими?

На этот раз Померанцев не переспросил, ответил сразу:

- Весь обслуживающий персонал в дороге непрерывно среди пассажиров. Работа такая. Анатолий часто проводников подменяет.

Они медленно шли вдоль железнодорожных путей от депо к товарной станции. Рядом сновали маневровые тепловозы, слышался лязг буферов сцепливаемых вагонов, перекрикивались между собой сцепщики в оранжевых жилетах.

- Об иконах Бороносин тоже рассказывал? - спросил Шатохин.

- Как же. О самих старообрядцах речи меньше, чем об их иконах.

- Что?

Померанцев отвечал сдержаннее, и выходило у него толковее.

- Уйма икон. Дорогие. Святят их по праздникам, на любимые сутками молятся. Почувствует кто приближение смерти, ищет, кому передать. Некому, нет единоверцев рядом, так в землю закапывают.

Шатохин впервые слышал о таком.

- Это Бороносин говорил? - спросил он.

- Да. Рассказывал, позапрошлым летом экспедицию сопровождал по тайге, на избушку наткнулись. Дверь открыта, на пороге труп старика полуистлевший. А за порогом - несколько икон, краска уже совсем облезла. Молельня там была. Старик все вынести успел. Закопал. С последней охапкой на пороге споткнулся и больше не встал...

- Правда, было такое?

- Правда, - начальник поезда усмехнулся, закурил. - Кто знает. У него пойми, где правда, где вымысел. Проводницы у нас все его рассказы северными фантазиями называют.

Он задал еще несколько вопросов начальнику поезда и простился.

Встречу удачной, кажется, не назовешь. Хотя не очень на нее и рассчитывал.

Хромов тоже ничего неожиданного не получил от свидания с мозаичниками-плиточниками. Валошин и Катков рассказали, что девять лет назад шофер оленеводческого совхоза повез их на богатые черничники. Километрах в двадцати пяти от Большого Тотоша. Там, собирая ягоду, увидели среди деревьев одинокую избушку. Дорогу запомнили,

двоим через неделю тайно пешком пришли к жилищу отшельников. Фамилию шофера строители-отделочники забыли, но это не Бороносин. Шоферу, возившему в ягодное местечко, тогда уже было лет под пятьдесят...

- Правду говорят. Все быльем поросло. Зачем им сейчас что-то запутывать, кого-то выгораживать, - подытожил лейтенант.

Шатохин был согласен.

- Разыщи все-таки шофера, - сказал он. - И поинтересуйся в райцентре, работала ли в позапрошлом году экспедиция, кто ее сопровождал?

- Есть, - Хромов помолчал. - Пусть даже Бороносин был проводником на болотах, все равно с ним Роман и компания не сразу встретились. Если высадились из "Ракеты", из поезда, долго шли по тайге. Самостоятельно? И кто-то должен был их видеть в месте высадки.

- Выясняют. Занимайся своим. Билет взял?

- На первый рейс.

- Тогда - по домам, - предложил Шатохин.

2

Криминалистическая экспертиза на месте, в райцентре, мало что прибавила к известному.

Специалисты по дактилоскопии дали заключение: из всех консервных банок из-под тушенки, извлеченных из таежного омота, отпечатки пальцев, с которыми можно работать, сохранились лишь на одной. Человек, которому они принадлежат, брал в руки также и расколотую деревянную чашку. Дактилоскопических данных этого человека нет. По обрывку газеты установили ее название, дату выхода в свет - центральная отраслевая газета за июнь, отпечатанная в московской типографии. Для оперативников это было хоть и косвенным, но подтверждением, что налетчики прибыли издалека и привезли газету с собой (газета тиражируется с матриц и в сибирских городах, а экземпляры, отпечатанные в столице, рассылаются лишь в близлежащие области). Выстрелы по волку были произведены из автомата Калашникова, патроны изготовлены примерно 30-35 лет назад. Из автомата стреляли много. С применением именно этого оружия преступления в границах края прежде не совершались. Нужно дождаться сообщения из Москвы.

Москва сумела дополнить. Информация пришла только об автомате. Четыре года назад в одном из районов Карельской АССР было совершено нападение на инкассаторскую машину. Преступник, двадцатипятилетний Алексей Иннокентьевич Кортунов, уроженец города Вышний Волочек Калининской области, очередью из автомата тяжело ранил инкассатора и убил водителя. Нападавшему удалось забрать

деньги, пистолет водителя и скрыться. Спустя двое суток он был арестован в Вышнем Волочке в доме своих родителей. Инкассаторская сумка с деньгами и пистолет при обыске были обнаружены, автомата не оказалось. Преступник утверждал в ходе следствия, что разобрал автомат на части и разбросал в лесу, где именно - забыл. И вот по типичным следам на пулях специалисты по судебной баллистике дали заключение: при нападении четыре года назад в Карелии на инкассаторскую машину и неделю назад в тайге стреляли из одного и того же оружия...

В кабинете у начальника уголовного розыска сидели следователь Тиунов и майор Шатохин. Полковник знакомил их с содержанием поступивших документов.

- Да, автомата нет, - заметил полковник. - КОРТУНОВА не спросишь, куда девал. Приговорен к исключительной мере.

- Сообщники?

- Действовал один.

- Поверили ему на слово, что выкинул, - с досадой сказал Тиунов.

- Тогда не смогли доказать. А сейчас мы - перед фактом, что не выбросил.

- У КОРТУНОВА остался младший брат, Игорь. О нем известно, что дважды судим. Конечно, это совсем не показатель того, что он причастен к ограблению скитов. Но КОРТУНОВ-младший - единственная зацепка в деле. Есть еще, правда, Бороносин, но...

- Игорь, - повторил имя КОРТУНОВА-младшего Шатохин...

Глеб, Клим, Роман - совсем не обязательно подлинные имена, - проговорил Тиунов.

- Все-таки против младшего кое-что есть, - продолжал полковник. - Старшего арестовали буквально через полтора часа после появления в родном доме. Не ожидал, что так скоро разыщут, ни деньги, ни пистолет не спрятал. Следствием прохронометрирован его путь от места преступления до дома. Нигде не задерживался. Так что. очень большая вероятность: Игорь КОРТУНОВ осведомлен об автомате...

- Прежде всего нужно установить, где находился КОРТУНОВ-младший в день ограбления, - сказал Шатохин. - Дальше: предъявить его снимок потерпевшим. Если был среди троих, не верю, чтобы не опознали. Всего-то, чем были прикрыты лица - очки.

- Кто опознавать будет? - спросил с иронией следователь.

- Агафья, Василий, бабка Липа.

- Агафью, к сведению, наказали. Будет поститься и молиться неопределенное время, искупать свой грех. Все потому, что обратилась за помощью к властям.

- Кто наказал? - вырвалось невольно у Шатохина.

Ну не я же епитимью наложил. - Следователь посмотрел на Шатохина как на неразумного ребенка, шумно вздохнул и перевел взгляд на полковника. - Община, совет. Кто у них там главный - не знаю и знать особого желания не испытываю. Важно, что потерпевшие - не помощники нам, показаний впрямь от них не жди. Ни от Агафьи, ни от кого другого.

Тишина воцарилась в кабинете.

- Можно вопрос, Виктор Петрович? - спросил Тиунов.

- Слушаю.

- У инкассатора большая сумма взята?

- Очень.

- Вы верите, что убийца, имея крупные деньги, стал бы связываться с продажей оружия?

- Нет.

- И я - нет. Скорее всего, поберег бы для новых подвигов, - сказал следователь. - Значит, Кортуннов-младший так или иначе знает об оружии.

- Не подводите ли вы, Дмитрий Степанович, к тому, что нужно допросить Кортуннова?

- По крайней мере, не исключаю этого, - ответил Тиунов.

- Не исключаете? - Тень неудовольствия пробежала по лицу Пушных.

- Нет, не исключаю, - твердо повторил следователь.

- Хорошо, Дмитрий Степанович. - Полковник не счел нужным продолжать. - Дело пока в уголовном розыске. Я переговорю с вашим начальником и с генералом Ломакиным.

Тиунов поднялся, протиснулся кивком головы и вышел.

- Ситуация... - Полковник вынул из стаканчика красный карандаш с отломившимся графитным стержнем. Не найдя бритвенного лезвия, поставил карандаш на место. - Хромов что сообщает?

- Шофера в Большом Тоттоше нашел. Твердохлебов - его фамилия. Помнит он ту поездку. Рассказывает, просто решил городских командированных поразить обилием ягод в тайге, сам позвал.

- Значит, Бороносин в том случае отпадает.

- Отпадает. Никакой экспедиции в прошлом-позапрошлом году в районе не было. В последний раз пять лет назад мелиораторы приезжали. Бороносин к мелиораторам касательства не имел.

- Очередная его северная фантазия?

- Возможно. И еще. У Ионы Парамоновича Корзилова есть несколько слайдов. Снимки с наиболее ценных икон. Старушки втихую все-таки подлечиваются у фельдшера, хотя сами - каждая лекарка. Не посмели отказать ему в

просьбе пофотографировать. Тоже глубокая тайна, разумеется.

- А фельдшеру зачем фотографирование?

- Ведет среди них агитацию не уничтожать ни при каких обстоятельствах произведения искусства. Ведь старoverы, почуяв близкую смерть, зарывают в землю образа. Или по воде пускают. Киприяновы иконы, не будь Варвары и Агриппины, ждала такая же участь.

- Фельдшер передал слайды Володе?

- Четырнадцать штук, с указанием размеров. На время.

- Сфотографированные иконы все исчезли?

- Нет. Две остались - бывшие Киприяновы, к новым владельцам грабители не заходили. Три - из скита старухи Великоницы. Это в другом поселении, на востоке района. Туда просто еще не дотянулись.

- Что ж, Иона Парамонович, возможно, облегчит нам работу. И таможенникам тоже. Теперь нужна подробная информация о Кортунове.

- Я составлю текст запроса, - сказал Шатохин.

- Не надо. Письменный - долго. Торопят. Из-за автомата. Главное сейчас - он. Суббота, иди отдыхать. В понедельник в восемь ноль-ноль жду вместе с Хромовым. И со слайдами. Хромов вылетел?

- В семнадцать нынче должен быть.

- Хорошо. До понедельника.

3

В понедельник из кабинета полковника сразу отправились к заместителю начальника крайуправления Зайченко. По пути зашли в отдел к экспертам-криминалистам отдать слайды.

- По три экземпляра с каждого, пожалуйста, - попросил Пушных у молодого, неторопливого в движениях старшего лейтенанта, прекрасного фотографа Саши Белецкого.

- Когда нужно?

- Полчаса достаточно?

- Четырнадцать умножить на три. Сорок два снимка. Цветных. На все тридцать минут, - подсчитал Белецкий. Помолчал и кивнул:

- Постараюсь.

- Можно сначала по одному экземпляру. Не сверхспешно, - сказал полковник.

- Да нет. Сразу уж все сделаю, - не принял временной добавки Белецкий.

- Тогда еще просьба, Саша: в тридцать второй кабинет занесите.

- Хорошо.

Зайченко и Пушных были ровесники и друзья. Жизнь, судьба их складывалась почти одинаково. Оба в милицию пришли в начале пятьдесят третьего, накануне знаменитой, печально-памятной амнистии. Оба буквально через три месяца службы были ранены, у обоих теперь на плечах полковничьи погоны и приближающаяся пенсия.

Пушных докладывал старшему по должности другу стоя. Его слушали Шатохин и Хромов.

Информация о Кортунове у начальника розыска собралась немалая.

Освободился Кортунов восемь месяцев назад. Живет в Калининне. Снимает флигель у пенсионеров. Работает на полставки фотографом на обувной фабрике, имеет патент на занятие индивидуальной трудовой деятельностью. Фотографирует приезжих, туристов на фоне городских достопримечательностей. Постоянного места съемок нет. Между индивидуальщиками конкуренция. Месяца два назад фотографировал у памятника купцу Афанасию Никитину. Теперь, по сведениям, в Березовой роще. Родители по-прежнему проживают в Вышнем Волочке, замужняя сестра - в Торжке. Относительно старшего брата. О нем Игорь Кортунов нигде, ни при каких случаях не упоминает, словно его и не было.

- Когда видели фотографа в последний раз? - спросил Зайченко.

- Как нам сообщили, в пятницу. А до этого долго не появлялся. Но на фабрике у него отпуск был. Фабрика старая, ежегодно на месяц закрывается на ремонт.

- Спортподготовка, знакомства?

- Пока неизвестно. Не давал повода справляться.

- Иконы?

- Тоже не был замечен.

- Так. - Зайченко сосредоточенно смотрел перед собой в одну точку на полированном столе. - Будем надеяться, Кортунов - кратчайший путь к автомату, про который нам с Виктором Петровичем чуть не каждый час...

Зайченко не стал продолжать при подчиненных, но в сказанном смысл угадывался яснее ясного: у полковников постоянно справляются, какие предпринимаются меры по розыску боевого скорострельного оружия.

- Лучшее - завязать знакомство с Кортуновым, - после короткого молчания продолжал Зайченко. - Но каким образом?

- Кортунов тщеславен, представляется при знакомстве не иначе как "фотохудожник". Не скрывает цели стать богатым. Можно сыграть на этом, - сказал Пушных.

- Можно, - согласился Зайченко. - Но как? Виктор Пет-

рович, ты садись. А вы, майор, лейтенант, здесь не для кворума. Высказывайте свои соображения.

- То, что снимает на улице, делает его доступным для знакомства, - сказал Шатохин.

- В определенной мере - да. А если многоуважаемый индивидуал Игорь Иннокентьевич сфотографирует, запишет координаты, возьмет деньги - и прощайте? Снова приходится сниматься?

- Всего не предусмотреть, - сказал Шатохин. - На месте по ситуации лучше действовать.

- Это не разговор, - не согласился Зайченко.

- Вообще, нужно четко определиться: кем, в каком качестве прийти к Кортунову, - сказал Пушных. - Как я понимаю его, человек он деловой, и ему интересны люди деловые. Из этого нужно исходить...

Секретарша вошла, положила на стол перед Пушных пакет с фотографиями, поверх - слайды в коробочке.

Пушных в разговоре забыл о снимках, теперь, взглянув на часы, похвалил про себя Белецкого: "Молодец, Саша, уложился в тридцать минут".

Он вынул из пакета фотографии, разложил на три стопки, брал из одной, разглядывал и передавал Зайченко, он - Шатохину. Фотографии - переснятые иконы - переходили из рук в руки.

- Нужно пометить, какие иконы, чьи, названия написать, - сказал Пушных.

- Сделаем. На рамочках слайдов указано... - Хромов, не выпуская из рук очередную переданную ему фотографию, живо взглянул на Пушных: - Кортунов сидел ведь за изготовление и сбыт порнографии?

- Да.

- Значит, если и не фотохудожник, то прилично снимает? За халтуру мало кто согласится платить.

Никто из присутствующих пока не понимал, к чему клонит Хромов, уточняя известное.

- Виктор Петрович говорит, Кортунову интересны деловые люди, - продолжал лейтенант. - Значит, нужно подойти к нему с делом. Как к фотомастеру.

В нескольких фразах Хромов объяснил, что он конкретно предлагает.

- Хорошо, лейтенант, - одобрил заместитель начальника крайуправления. - Подумать еще нужно, кое-что изменить, но в целом согласен. Как, товарищи?

У Пушных и Шатохина тоже не было возражений по существу.

- Добро, - полковник Зайченко поднялся. - Все свободны. В шестнадцать соберемся здесь еще раз. Один вариант вчерне обговорили, теперь - сибирский...

В Калининне было пасмурно, прохладно. Августовское солнце временами ненадолго озаряло старинный город и вновь зарывалось в темно-серые облака. На улицах малолюдно. Нечего было и мечтать, чтобы кому-то из фотографов-индивидуалов взбрело в голову поджидать по такой погоде желающих сняться на память около городских достопримечательностей.

Когда дождь ненадолго стихал, Шатохин покидал гостиничный номер. Отлучался недалеко. По уцелевшему уголку старой Твери брел мимо дома-музея писателя и местного вице-губернатора Салтыкова-Щедрина, заходил в антикварный магазин, потом в кафе "Аквариум" и возвращался в свою комнату.

Ненастье, а с ним и вынужденное ничегонеделанье длилось три дня, а на четвертый погода, наконец, установилась. С утра в жарких лучах подсыхал асфальт, ветерок обдувал влагу с листьев. Шатохин радовался хорошей погоде и в то же время немножко нервничал. Картунов находился в городе. Регулярно в первой половине дня на два-три часа навещался на фабрику, ночевать приходил в свой флигелек, но кто знает его планы. Вдруг да надумает в этот субботний погожий день съездить к сестре или к родителям. Не должен. Патент отрабатывать нужно, место свое оберегать от соперников.

Шатохин поглядывал на часы, на телефон.

Звонок раздался за полдень. Лейтенант-оперативник Изотов, один из двух сотрудников милиции, которые помогали Шатохину все эти дни, сообщил, что фотограф в роде, расположился там недавно, народу вокруг него пока не видно.

- Понял. - Шатохин положил трубку.

Черный кожаный "дипломат" с наборным цифровым замком лежал на тумбочке около кровати. Шатохин обулся, надел темно-серый в тон брюкам пиджак, вынул бумажник, еще раз просмотрел его. Взял "дипломат" и вышел из номера.

Заочно, по снимку, он был знаком с Картуновым и узнал его сразу. Смуглолицый, невысокого роста, крепко сбитый, он что-то писал в блокнотик, держа его перед собой на весу. "Если участвовал в налете на скиты, то под именем "Глеб": у Клима косоглазие, Роман - высокий и узкоплечий", - подумал про себя Шатохин.

Девочка лет пяти-шести, молодые мужчина и женщина стояли рядом. Видимо, Картунов только что сфотографировал их и теперь выписывал квитанцию. Девочка со смехом бегала вокруг высокой треноги, на которой была прикреплена рамка со снимками-образцами. Опасаясь, как бы она не

уронила треногу, Кортунов оборачивался, бросал короткие недовольные взгляды. При этом фотоаппарат с расчехленным объективом мотался на животе.

От места, на котором расположился Кортунов, до ближней скамейки было шагов пятнадцать. Шатохин прошел мимо фотографа и его клиентов, сел на скамейку, положил рядом "дипломат".

Щурясь от солнечных лучей, открыто наблюдал, как расчитываются сфотографировавшиеся, как Кортунов наклонился, поднял из травы плюшевого медвежонка, куклу в пестром сарафане с пунцовыми пухлыми щеками, положил игрушки на раскладной стульчик.

К Кортунову еще подошли. Две женщины посмотрели образцы и отправились дальше.

Он закурил сигарету, сделал несколько затяжек, выкинул окурочек. Шатохин продолжал смотреть в его сторону.

Трудно было не реагировать на близкое соседство. Кортунов сделал несколько шагов в сторону Шатохина.

- Снимемся на память? - предложил. - Можно с видом на Волгу.

- Стоит ли? - ответил Шатохин.

- Дело хозяйское, - не стал уговаривать, вернулся на свое место Кортунов.

Шатохин поднялся, приблизился к треноге, окинул взглядом образцы.

Снимки были обычные. Да и кто сумел бы показать мастерство, щелкая кадр за кадром с одной точки? Отсутствие колоритного фона, подтверждающего, что снимок сделан именно в Калининне, восполняла надпись в левом нижнем углу, выполненная буквами старинного начертания "Градъ Тверь".

- Хочешь заработать? - спросил Шатохин.

- Как?

- Переснять кое-что нужно.

- С собой?

- Да. - Шатохин кивнул на "дипломат".

- Покажи.

- Еще не договорились...

- Если порно, я сразу - пас, - твердо сказал Кортунов.

- Зачем такие страсти, - Шатохин засмеялся. - Предметы искусства. Нужны точные фотокопии. Сумеешь быстро сделать?

- Смогу... Какие предметы?

- Снимать будешь, увидишь.

Кортунов помолчал. Возможно, прикидывал, кем может быть незнакомец и стоит ли иметь с ним дело. Спросил:

- Когда надо?

- Сегодня.

- А размеры, штук сколько?

- Пять. Каждый снимок в трех экземплярах. Формат... - Шатохин взял со скамейки свой "дипломат", провел пальцем сверху вниз по середине крышки: дескать, размер - половина этого.

- Дорого тебе обойдется. У меня цена...

- Договоримся, - небрежно оборвал Шатохин. Кивнул на узкоплечный фотоаппарат "Никон". - Им, что ли, снимать будешь?

- Это уж моя забота.

Складные тренога, стульчик, рамка с образцами, игрушки были уложены во вместительную спортивную сумку. В минуту от "фотосалона" не осталось следа.

- Пойдем, - сказал КОРТУНОВ.

При конторе обувной фабрики в Верхневолжском переулке у КОРТУНОВА была фотолаборатория - комната в полуподвале с отдельным входом. Шатохин знал о существовании этой комнатки, был уверен, что КОРТУНОВ приведет его именно сюда. Так и случилось.

- Ну, что снимать? - КОРТУНОВ щелкнул выключателями, и яркий свет осветил квадратную комнату без окон. Достал широкоплечный "Киев" и положил на стол.

Шатохин вынул из "дипломата", раскутал упакованные в пушистую хлопковую бумагу свертки. Иконы - пять штук.

Украдкой Шатохин наблюдал, какой будет реакция КОРТУНОВА при виде икон.

Внешне, по крайней мере, тот остался спокоен. Указательными пальцами взял за уголки одну, на расстоянии вытянутых рук рассматривал, повернул тыльной стороной к себе.

- Николай Угодник? - спросил.

- Власий...

- Похож на Угодника. - КОРТУНОВ приставил икону к глянцевателю, убавил-прибавил освещение, слегка изменил положение иконы, взялся за фотоаппарат и приступил к работе.

Почти не разговаривали до того момента, когда КОРТУНОВ протянул пачку готовых снимков.

Двести пятьдесят, - назвал сумму. - У меня цены, я предупреждал...

- Нормально, - рассеянно глядя мимо хозяина лаборатории, перебил его Шатохин, вынимая и раскрывая бумажник. В одном отделении были пятидесяти- и сторублевки, из другого выглядывали двадцатидолларовые бумажки.

- Нормально, - повторил он, делая вид, будто не замечает, с каким жадным вниманием изучает КОРТУНОВ содержимое бумажника.

Шатохин отсчитал двести пятьдесят рублей, положил бумажник обратно в карман, но отдавать помедлил.

- Негативы тоже мои.

- Пожалуйста...

Быстро, отработанными движениями Кортунов скатал и завернул пленку.

Пересъемка была закончена, иконы в прежней упаковке уложены в "дипломат". Остаться в нагретой осветительными приборами, непрветриваемой комнатке не было необходимости.

- Духота, - сказал Шатохин. Вынул из бокового кармана пиджака носовой платок вытереть вспотевший лоб. Никелированный ключик, прицепленный к брелочку, на котором было оттиснуто мелкими буквами "Г-ца "Тверь" и ниже крупно "286", лежал в том же кармане, что и платок, он выпал, звякнув об пол. Поспешно Шатохин наклонился, подобрал ключ.

- Спасибо за снимки, - поблагодарил он и вышел на улицу.

Пешком, с задержками у киосков "Союзпечать", с заходом в сувенирный магазин "Тверские умельцы", он через час добрался до гостиницы.

- Мужчина, - окликнула его дежурная, не успел он одолеть и пяти ступенек, поднимаясь к себе на второй этаж, - вы из двести шестьдесят восьмого?

- Да, - Шатохин повернулся к ней в ожидании, что за этим последует?

- Нарушаете правила, - продолжала дежурная. - Ключ сдавать положено, когда уходите. Учтите в следующий раз.

- Учту, - буркнул Шатохин. Взглянул на часы, хотя отлично знал, рано. Если даже все складывается как хотелось бы, все равно пока рано.

В номере, не снимая пиджака, он сел в кресло, положил "дипломат" на пол, придвинул ближе к себе телефонный аппарат. Ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу сорочки и с четверть часа сидел неподвижно с прикрытыми глазами. Потом, достав фотографии, принялся перебирать их. Прилично сделано. Только вот пользы от снимков, если...

Телефонный звонок нарушил тишину.

Звонил лейтенант Изотов. После прощания с Шатохиным фотограф вскоре покинул свою каморку в Верхневолжском переулке. В рощу не возвратился, на трамвае поехал в свой флигелек. И пока не выходил оттуда.

Семнадцать часов. С минутами даже. Если и через полтора часа, самое большее через два, ему ничего не сообщат, то зряшной, пожалуй, была и встреча в Березовой роще, и пересъемка. Нужно будет на ходу изобретать что-то другое.

Что? Не надо заранее настраиваться на плохое. Лучше сходиться перекусить, с утра не ел. Он спустился вниз.

С дежурной по этажу, командно-хозяйский тон которой запомнился, вступать в разговор не хотелось и можно бы избежать, но сейчас поговорить нужно.

- Ужинать иду, ключи тоже обязательно сдавать? - спросил он, кивнув на дверь в ресторан.

- Из гостиницы совсем не уходите? - справилась дежурная.

- Не уйду.

- Тогда при себе оставьте, - разрешила дежурная. Заметно: она была довольна постояльцем, внявшим ее поучениям.

Он пил пиво с кальмарами, официантка поставила перед ним второе, когда знакомая фигура фотографа-индивидуала появилась вдруг в дверях.

Обведя взглядом просторный, наполовину свободный зал, КОРТУНОВ прошел между столиками. ШАТОХИН не сомневался: в поисках его фотограф заглянул в ресторан.

Он не стал делать вид, будто не замечает появления недавнего своего знакомого. Резал на кусочки запеченный в тесте шницель и поглядывал на приближающегося КОРТУНОВА. Радоваться преждевременно, но события развиваются по разработанному заранее в кабинете у ЗАЙЧЕНКО плану.

Фотограф остановился перед ШАТОХИНЫМ, ногой пододвинул свободный стул, сел.

- Не помешаю? - спросил он.

У него в руке была сумка, не прежняя, а небольшая, из мягкой кожи. КОРТУНОВ положил ее на край столика.

- К вам... По делу, - сказал он.

ШАТОХИН не спешил уделять внимание фотографу. Неторопливо съел кусочек шницеля, налил себе полстакана пива, отхлебнул глоток. Лишь после этого спросил приглушенным голосом и с раздражением:

- Кто-то кому-то задолжал?

- Нет, - поспешил с ответом КОРТУНОВ.

- Тогда еще какое дело? И нашел меня как?

- Вы перед тем как уйти, помните...

- Мм, - ШАТОХИН покривил губы. Вынул ключ, подержал его на ладони и положил обратно в карман пиджака. - Понятно. Ну, и дальше?

- С предложением к вам.

- С предложением?

- Да. Хочу показать икону. - КОРТУНОВ дотронулся до сумки.

- А зачем?

Ответ явно обескуражил КОРТУНОВА. Такого оборота он не ожидал, не сразу нашелся, что сказать.

- Зря вы так.., - выдавил, наконец, из себя.

Легкое беспокойство, как бы не перегнуть, не испортить удачно начавшуюся игру, овладело Шатохиным. Следовало ослабить возникшую натянутость.

- Как ты думаешь, зачем мне иконы? - спросил он.

- Ну, собираете их, - после заминки ответил Кортунув.

- Будем считать, угадал, собираю. Но не все подряд.

- Не видели моей, а говорите - "подряд". Эта, - Кортунув придавил ладонью сумку, - старше ваших.

- Вот как. Ты что же, хорошо разбираешься в них?

- Немного... У вас из всех пяти самой старой полтора ста лет от силы.

- А твоей?

- Семнадцатый век. Начало.

Шатохин покосился на короткопалую, покоившуюся на сумке, руку собеседника.

- Хм. Ладно. Подожди немного, поговорим.

Через четверть часа они сидели в номере.

- Показывай, - сказал Шатохин фотографу, и тот, расстегнув "молнию", вынул из сумки, передал из рук в руки Шатохину икону.

Из скита Афанасия! "София - Премудрость Божия". Из тысячи одинаковых Шатохин узнал бы, выделил ее. Икона эта в числе других, наиболее ценных, была на слайдах уртамовского фельдшера, и Шатохин имел возможность изучить, запомнить ее. На афанасиевской - крылатая, с огненным лицом София имела характерную отметину: краска на кончике левого крыла была отбита, а в дереве на этом месте - глубокая ромбовидная вмятина. Рассказывали предание о ее происхождении. Много веков назад, когда староверы общиной продвигались на восток в дикий край, на них напал отряд сибирского князя. Мета на иконе - след наконечника смертоносной стрелы. Перед тем, как Шатохину вылететь в командировку в Калинин, фельдшера пригласили в крайцентр для консультации, и он обратил внимание майора, в частности, и на эту деталь...

Слабо верилось, что пригодятся подробности, тонкости, а вот ведь держит в руках именно "Софию" с отметиной.

Строго-настрою Шатохину было запрещено поддерживать, а тем более самому заводить разговор о достоинствах и содержании икон, при случае лишь молча рассматривать. Сейчас он мог позволить себе, ничем не рискуя, чуть-чуть нарушить инструкцию.

- София. Символический образ Божьей премудрости, - проговорил он, разглядывая шпонки на обороте. - Сколько за нее?

- Две.

- Полторы, - назвал Шатохин свою цену.

- Если бы вы согласились, - осторожно начал Кортунов, - если бы вы согласились, - повторил он, - можно в долларах. Двести семьдесят...

- А ты уверен, что умеешь ими пользоваться? Не попадешься? Да и не тянет эта за доллары. Другое нужно. Еще есть?

- Есть.

- Приноси, посмотрим. А за эту - советскими.

Знакомый раскрытый желтый бумажник, пока Шатохин отсчитывал пятнадцать сотен, помаячил перед глазами фотоиндивидуала и исчез.

Раздался телефонный звонок. Пожалуй, не ко времени. Шатохин хотел бы ответить: "Я не один, перезвони позднее", и это выглядело бы вполне естественно. Но откровенное любопытство: чей звонок? о чем будет разговор? - уловил Шатохин в глазах фотографа и переменял решение.

- А, Сергей Иванович, - Шатохин заговорил в трубку с улыбкой, непринужденно. - Уже собираюсь... Конечно, как договорились... - Пакет с неубранными со стола кортуновскими снимками попался на глаза. Разговаривая, он вынул из пакета одну фотографию, приподняв, смотрел на нее. - Лучше об этом при встрече. До скорого.

"Не переборщил, вроде бы", - подумал, взглянув на Кортунова.

- Что у нас еще? - спросил.

- Насчет встречи не договорились, - напомнил Кортунов.

- Да-да. Нынче не получится. Давай завтра в полдень. Кстати, к тебе как хоть обращаться?

- Игорь. А вас как зовут?

- Дмитрий Дмитриевич... Все. Мне некогда.

5

"София - Премудрость Божия" из скита Афанасия лежала на тумбочке. Шатохин, чуть наклонившись, всматривался в ее лик.

Победа! И еще какая. Принеся икону, этим Кортунов подтвердил предположение о том, что оружие старшего брата перешло-таки к нему. Участвовал ли Игорь лично в нападении на скиты? Пока твердо сказать нельзя. Но если и нет, хорошо знаком с грабителями. Наверно, все-таки был в Нетесовском районе. Сомнительно, что за прокат автомата с ним расплатились одной из самых дорогих икон. А сколько всего их у него? Немало, если участники ограбления по ровну поделили добычу. Вопросы важные, но нужно занять автомат. Он должен быть у него где-то рядом. Захочет, нет ли продолжить деловое знакомство Кортунов, а оружие, приятелей-налетчиков найдут. Почему бы и не появиться

завтра Кортунову? Должен. Уж очень доллары для него притягательны...

Нужно передать "Софию" в местное управление, пусть посмотрят отпечатки на ней. Заодно сдать на хранение в УВД иконы, которые переснимал Кортунов.

В сумерках, около одиннадцати, Шатохин подкатил к гостинице на такси. Едва захлопнул дверцу машины, как из полумрака, где в тени деревьев стояли скамейки, его окликнули. По голосу Шатохин узнал старшего лейтенанта Валиулина.

- Заставляете ждать Сергея Ивановича, - тихо, с наигранной укоризной сказал старший лейтенант.

- Что-ничудь случилось? - спросил Шатохин.

- Случилось. - Валиулин начал докладывать.

Покинув гостиницу, фотограф вскоре оказался на центральном переговорном пункте. Звонил в Коломну, 7-93-73 телефон. Возможно, предпоследняя в номере - шестерка. Кортунов настойчиво уговаривал собеседника что-то отдать ему. Готов купить или позднее возместит другим. В разговоре Кортунов называл имя - Ефим. Судя по тому, с каким лицом вышел, как хлопнул дверью, покидая переговорный пункт, Кортунов ни до чего не договорился. Сразу уехал домой...

Нужно навести справки в Коломне. Лучше туда самому съездить. Вместе с Валиулиным. Шатохин прикинул, если ничего не переменится - завтра во второй половине дня.

- Возьми два билета до Коломны, Витя, - сказал Шатохин. - Позвони утром в восемь.

- Понял. - Валиулин поднялся со скамейки, не прощаясь, ушел.

Кортунов появился на другой день в назначенное время с двумя иконами. Иконы старые. Значит, все в порядке, нет причин для беспокойства.

За последние дни Шатохин перевидел множество икон, снимков и фотокопий с них. Он не собирался торговаться. Недолго подержал одну, другую, сказал:

- Меня лично не интересуют.

- Не берете? - спросил переминавшийся с ноги на ногу в ожидании Кортунов.

- Оставь, - Шатохин поглядел на гостя, на иконы. - Есть интересующиеся люди, покажу.

Кортунов заколебался. Все-таки две иконы, стоили недорого, вместе, пожалуй, подороже "Софии-Премудрости", вот так запросто оставить их незнакомому человеку...

- Оставь, - повторил Шатохин. - Не пропадут. И протянул Кортунову две пятисотрублевки.

- Вот. В залог.

С видимой неохотой КОРТУНОВ взял.

- Во вторник приходи в... - ШАТОХИН чуть было не сказал: "В девятнадцать". Вовремя остановился.

- Приходи в семь вечера, - продолжал ШАТОХИН. - Там решим с твоими досками.

- Буду.

- Буду, - передразнил ШАТОХИН. - Носишь по чайной ложке. Чувствую же, есть еще.

- Ну, может, и есть, - после продолжительного молчания сказал КОРТУНОВ.

- Дело хозяйское, распоряжайся как хочешь. Но, если есть желание в люди выбиться...

- Сколько бы вы могли купить?

- Это не разговор. Подумай сам, что имеешь, что предложишь. До вторника есть время. Тогда обо всем и переговорим.

6

Владельцем телефона 7-93-73 в Коломне оказался старик лет восьмидесяти. Кроме врачей, которым он сам о себе напоминал, давно все про него забыли. Аппарат с номером, отличающимся от номера пенсионера единственной предпоследней цифрой, установлен в соседнем подъезде в квартире портнихи швейного ателье Творожниковой. Женщина одна воспитывает малолетних сына и дочку, муж на принудительном лечении от алкоголизма.

Никаких деловых отношений с этими людьми у калининского фотографа, конечно же, существовать не могло. Оперативники заметили, что КОРТУНОВ, когда связывался с Коломной, первый раз поговорил очень коротко, скорее всего, просил позвать нужного ему человека.

- Соседей Творожниковой знаете? - спросил ШАТОХИН у участкового инспектора после того, как тот закончил свой рассказ о престарелом пенсионере и портнихе.

- Всех, - уверенно ответил участковый. - С мая двадцать первый год на одном участке.

- Всех не нужно...

ШАТОХИН подробно описал приметы Романа и КЛИМА.

- Зимаев, - назвал фамилию участковый. - У него глаз косит.

- В одном подъезде с портнихой живет?

- Дверь в дверь.

- Чем занимается Зимаев?

- Гравером работает в мастерской.

- Не видели случайно Зимаева в компании с этим парнем? - Валиулин показал снимок Игоря КОРТУНОВА.

- Нет. Не приходилось.

- Есть у нас один знаменитый Ефим, - вмешался замести-

тель начальника горотдела, в кабинете которого шел разговор.

- Домовладелец. Похож на второго разыскиваемого. За тридцать ему, высокий...

Увидев, что Валиулин записал в блокноте "Ефим Домовладелец", поспешил пояснить:

- Лоскутов-фамилия. Ефим Леонидович Лоскутов. "Домовладелец" - это между собой прозвали. Дома покупал. Под Рязанью, под Липецком. Присматривал, в которых иконы. Подыщет, что требуется, обязательное условие ставит: он, дескать, человек суеверный, вывозить из избы можно что угодно, а только домовые иконы не трогать, иначе счастья в таком жилье не будет. Для вящей убедительности осенит себя крестом, так старухи к нему со всем почтением. Оставляли, естественно. А через месяц-другой Лоскутов дом продавал. Без икон, разумеется.

- Знаток?

- Да уж наверно, если статьи о древнерусской живописи печатает.

- Так даже? Шатохин обменялся взглядом с Валиулиным.

- Не в нашей газете. В более солидных изданиях.

- И чем кончилось?

- Ничем. Как говорится, что не запрещено - разрешено. Во-вторых, на тетушек оформлял свои домовладения. Предупредили, что, в случае повторения, возбудим дело.

- Лоскутов в Коломне живет?

- В Коломне работает. Рисование и черчение в школе преподает.

- Давно его домовладельческую деятельность прикрыли?

- В прошлом году. В октябре.

- А что с иконами?

- Продал.

- Не выясняли - кому?

- Зачем? Не все же иконы - сверхценность. Просто предупредили.

- Больше не встречались?

- Нет.

- Важно все-таки выяснить, кому Лоскутов продал иконы. Вообще основное внимание сосредоточить на нем. Где был, с кем, какие отношения с гравером.

Шатохин хотел перечислить все, что требуется проделать, но при участковом не стал.

Легко было сказать: основное внимание сосредоточить на Лоскутове. В городе его нет. Уехал еще в июне, после прощального школьного звонка. Так и не появляется. Ни на работе, ни с соседями планами не делился. С женой в полуразводе: несколько месяцев назад жена, забрав сына, уехала в Брянскую область к родителям. Может, и Лоскутов там

сейчас, а может... Куда только ни отправится тридцатилетний, не обремененный заботами мужчина-отпускник.

Интерес к учителю рисования у Шатохина увеличился, когда полюбопытствовал, о чем конкретно пишет Лоскутов в своих статьях по искусству. Одни названия говорили за себя: "Стиль старообрядческих икон", "Сокровища таежных скитов". Вчитываться особенно недосуг, но и по беглому просмотру нетрудно понять: о скитах Лоскутов знает непонаслышке.

Хотелось успеть сделать как можно больше, завтра обязан возвратиться в древнюю Тверь, выезжать утром. Но в заботах день сгорал с быстротою тоненькой свечки на шандале.

Успели установить: что с гравером Зимаевым Лоскутов знаком (насколько близко, пока осталось под вопросом), и в Коломне в дни ограбления скитов гравера в Нетесовском районе не было. Накануне событий на болотах был свободен: в мастерской три человека, и сменяя друг друга, работают в месяц по десятидневке. Сейчас Зимаев заступил на свою очередную вахту, по полсуток не выходит из мастерской.

- Сходи к нему. Пусть какую-нибудь надпись черкнет на этой штуковине. Слова придумаешь по пути, - Шатохин протянул Валиулину купленный в сувенирном магазине портсигар.

Старший лейтенант понял что к чему. Ушел и вернулся через час.

- На добрую память Алексею Михайловичу в день рождения, - сказал, возвращая завернутый в газету портсигар.

- Спасибо, - буркнул Шатохин. - У меня в октябре этот день...

7

- С тебя причитается. Как будешь расплачиваться? - такими словами встретил фотомастера Шатохин.

Недоуменное выражение возникло на смуглом лице Кортунова.

- Проданы твои доски. Хорошо проданы. - Шатохин сделал шаг к гостю, вложил в руку незапечатанный конверт. - Половину получил, теперь вторая половина. Доволен?

Шатохин знал, что делает. По заключению специалистов обе взятые под залог иконы принадлежат к псковской школе и написаны во второй половине восемнадцатого века. Музейная комиссия определила бы цену каждой в пятьсот-семьсот рублей. А уж на черном рынке могут дать и в два, и в три, и в пять раз больше. В зависимости от того, кто и кому продает. Хочешь - не хочешь, нужно со всем этим считаться. Пока у Кортунова не пропало желание побыстрее перевести иконы в деньги.

И без слов видно: КОРТУНОВ доволен, еще как!

- Так что, Игорь, шампанским угощаешь? - подсказал ШАТОХИН, какого именно расчета ждет.

- Да, да, конечно. - КОРТУНОВ вдруг засуетился, сунул конверт в один карман, вынул, переложил в другой.

...В ресторане заняли тот же столик, за которым разговаривали четыре дня назад.

КОРТУНОВ не скупился, к закускам заказал три бутылки вина. ШАТОХИН затевать деловой разговор не торопился. Он знал, что ни в воскресенье, ни в понедельник, ни нынче, несмотря на погожие дни, в Березовой роще фотограф не появлялся. Провел вчера полдня на фабрике, потом в обществе двух девиц был на пляже. КОРТУНОВ откупорил бутылку и разлил по бокалам вино. Поднял свой бокал, предложил тост: "За вас".

Он был в настроении, ему все нравилось. Чем дольше сидели, тем уютнее чувствовал себя КОРТУНОВ.

ШАТОХИН решил, что самое время возобновить прерванный им в воскресенье разговор.

- Так, Игорь, - начал он, - в прошлый раз не договорили. Не забыл, надеюсь, о чем?

- Нет, конечно, - быстро отозвался КОРТУНОВ.

- И сколько можешь предложить?

С ответом фотограф медлил.

- А если я скажу: двадцать? - вопросительно посмотрел на ШАТОХИНА.

- Хм. Однако же... Откопал ты где-то золотую жилу.

ШАТОХИН делал вид, будто его удивило такое количество. Грабителями взято семьдесят шесть икон. У КОРТУНОВА - почти треть. Значит, поделили поровну? Четвертого в доле не было?

- Солидно - двадцать, - продолжал ШАТОХИН. - Хорошо бы и эти были не хуже последних трех.

- За это будьте спокойны, - КОРТУНОВ легким щелчком выбил из пачки сигарету, - лучше есть.

- Лучше?

- Даже намного.

- Тогда, может, смотаемся, посмотрим?

- Далеко ехать.

- Такси возьмем.

- Да не в городе они.

- Хорошо. До завтра, до второй половины дня отложим.

- Не получится. Через две недели, не раньше.

- Шутишь? Мне уезжать, а ты - через две недели.

- Все равно раньше не выйдет. Сейчас не добраться туда.

- А через две недели дорогу достроят, - съязвил ШАТОХИН.

- Ягода созреет. На вездеходах ездят за ней.

- Слушай, Игорь, - Шатохин подался вперед, - а может, никуда и ехать не надо? Более выгодного покупателя ищешь?

- Нет никого, и не ишу. Был один деятель, да сплыл.

- Что, в ценах не сошлись?

- Теперь во всем сошлись. - Глаза Кортунова злорадно вспыхнули. - С любовницей катался под газом, "КамАЗ" его поддел так, что с моста навернулись...

Нужно было "сворачивать" деловую часть. Фотограф может насторожиться.

- Немного подвел ты меня. - Шатохин отодвинулся от стола. - Досадно, конечно.

- Как подвел? - недоуменно спросил Кортунов.

- Да ты ни при чем, - махнул рукой Шатохин. - Сам поспешил. Рассчитывал, у тебя запасец есть. Договорился уже. На завтра.

- Но можно попозднее? - Кортунов поерзал на стуле. - Сам привезу, куда скажете.

- Можно. Не переживай, - покровительственным тоном сказал Шатохин. - И хватит пока о делах. Давай лучше выпьем.

8

Кто тот человек, который попал в автокатастрофу, на личной, очевидно, машине столкнувшись с "КамАЗом"?

В Калинин и области дорожно-транспортных происшествий, похожих на описанное Кортуновым, ни в прошлом, ни с начала нынешнего года не зарегистрировано.

На следующий день с первым автобусом Шатохин выехал в Москву, а спустя четыре часа после прибытия в столицу держал в руках материалы с нужными сведениями: 28 июля текущего года в 22 ч. 10 мин. на мосту через р. Оку при въезде в гор. Серпухов управлявший в нетрезвом состоянии автомашиной "Волга" гр. Тандетников Виталий Васильевич, 1936 г. р., кандидат наук, старший преподаватель Московского строительного института, совершил столкновение с грузовым автомобилем "КамАЗ", следовавшим в Тулу. В результате удара "Волга", разрушив ограждение моста, упала в реку и затонула. Вместе с сидевшим за рулем гражданином Тандетниковым В. В. погибла находившаяся в машине гражданка Гольцова Виктория Степановна, 1967 г. р., студентка третьего курса МИСИ.

Тандетников проживал в центре Москвы, на Кропоткинской улице. Теперь квартиру занимала вдова. Был домашний телефон, и Шатохин позвонил.

- Татьяна Ильинична?

- Слушаю. - Женский голос молодой, усталый.

- Это из милиции. Майор Шатохин. Хотел бы встретиться с вами, поговорить о вашем муже.

- Разве еще есть о чем говорить? - после продолжительной паузы послышалось в ответ.

- Есть о чем. Подъеду сейчас ненадолго.

- Хорошо, - не имея желаний встретиться, согласилась вдова.

Тандетникова - стройная худощавая женщина с карими глазами жестом пригласила Шатохина в гостиную, показала на кресло, сама села в другое.

Шатохин хотел начать с выражения сочувствия. Тандетникова опередила его.

- Так что вы еще собираетесь выяснить? - спросила она.

- Погибли два человека...

- Что ж из того? Вы читали заключение?

- Моя обязанность еще раз проверить.

- Дело закончено. Виновность Виталия Васильевича доказана, родители этой несчастной Вики смирились. И вот - вы. Словно у милиции нет других забот, как копать в очевидном.

- Еще раз потребовалось перепроверить, - повторил Шатохин.

- По заявлению Елены Викентьевны - вдова поглядела мимо Шатохина. - Неужели до нее так до сих пор и не дошло, что она хоть и косвенно, но причастна к гибели сына.

- Как?

- Сколько Виталию Васильевичу лет было? - тоном экзаменатора спросила Тандетникова.

- За пятьдесят, - ответил Шатохин.

- А его подруге?

- Около двадцати.

- У нас дочери двадцать семь... Кроме погибшей Вики, у Виталия Васильевича были и другие. Такие же молоденькие. В его возрасте - дорогое удовольствие. Мотели, бордели, подарки. Получай он в десять крат больше - и этих не хватило бы. Спасибо матушке...

- У него состоятельная мать?

- Наверно, если финансировала сына. Ничего о ее доходах не знаю. С первых дней знакомства с Виталием сторонила ее. Она кичилась своим происхождением.

- То есть?

- Не из простых. Отец с размахом занимался фрахтом судов на Черном море. До революции. Потом все рухнуло. Было, может, что-то припрятано с того времени. Не интересовалась. Это их с сыном тайна.

- Дайте мне адрес Елены Викентьевны, телефон, если есть. - попросил Шатохин.

- Телефон? - удивленно проговорила хозяйка.

- А что?

- У нее ни адреса, ни тем более телефона.

- Как?

- Вышла на пенсию - и удалилась от мира, поселилась в глуши. Елена Викентьевна стала Великонидой.

- Великонида? - Шатохин кашлянул в кулак, чтобы не выдать волнения.

- Да. Старуха с причудами. Из Москвы - на самый край света, в таежный тупик...

Тандетникова о свекрови говорила едко, зло и охотно. Можно было расспрашивать еще и еще. Но пришел-то он за сведениями, касающимися автомобильной катастрофы. И Шатохин перевел разговор.

9

Две новости ждали Шатохина в Твери. На иконе "София-Премудрость" криминалисты обнаружили отпечатки пальцев. Они совпадали с теми, что оставлены на пустой консервной банке и на расколоте деревянной чашке. Один и тот же человек - не Игорь КОРТУНОВ, не Петр ЗИМАЕВ - прикасался ко всем трем предметам. По-прежнему оставалось загадкой - кто? Но и не ЛОСКУТОВ: учитель рисования с начала отпуска безвыездно по сей день живет в двадцати километрах от Коломны, в дачном местечке на речке Северке помогает строить дом приятелю-москвичу. Это абсолютно точно, в перепроверке не нуждается.

Еще недавно такая стройная цепочка выстраивалась! Едва не каждое звено в ней высвечено. Фотоиндивидуал и гравер - друзья: родители Зимаева давным-давно в разводе, и он с детства попеременно жил то у матери в Коломне, то у отца в Вышнем Волочке. Зимаев в свою очередь связан с учителем рисования, а тот - судя по публикациям - тонкий знаток старообрядчества, иконописи; пути в глухие таежные скиты ему хорошо известны - бывал не однажды.

Совсем недавно Шатохин был искренне убежден, что дело подвигается к концу, остается лишь найти Лоскутова, теперь недоумевал, как ему могло прийти в голову посчитать учителя рисования главарем разбойной группы. Изобретательный мошенник - да, но ни в коем случае не вооруженный налетчик.

Сейчас, после встречи с вдовой Тандетниковой, выясняется, что связь КОРТУНОВА с погибшим сыном Елены Викентьевны Тандетниковой - Великониды - не случайна. Но фотоиндивидуал, скорее, лично не был знаком с погибшим, а вот третий, Роман, чьи отпечатки так щедро представлены, не мог не быть в кругу тех, с кем регулярно общался Виталий Васильевич Тандетников.

Полковник Пушных выслушал короткий доклад о разговоре с вдовой Тандетниковой.

Имя Великонида он услышал сегодня второй раз. Лейтенанту Хромову удалось-таки отыскать свидетеля, который накануне ограбления скитов видел, как по охотничьей тропке, пересекающей район с востока на запад, шли четверо. Свидетель узнал в рассветных сумерках одну лишь старицу Флору, что делит кров с Великонидой. Большого Хромову выведать не удалось, но рассказ Шатохина о Елене Викентьевне Тандетниковой, о ее сыне, о какой-никакой его связи с Кортуновым вносит существенное дополнение. Есть о чем подумать.

- Считаю, товарищ полковник, выбрались они из наших краев налегке. Основную часть добычи спрятали до лучших дней. Решили вернуться, когда многолюднее на пристанях, станциях будет - за ягодами, грибами наедут.

- Резонно. Что про автомат думаешь?

- То же. Считаю, не рискнули брать с собой.

- Какие у тебя еще дела с Кортуновым?

- Пока все. Распрощались вчера. На восемнадцать дней. Завтра могу приступить к поискам Романа.

- Нет. Другие займутся этим. Возвращайся.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Поездка в Коломну, как оказалось, была хоть и необходимой, но напрасной. Вслед за Лоскутовым отпал, как участник ограбления, гравер. Участковый ошибался, зрение у Зимаева в порядке; впечатление, будто один глаз косит, создавалось из-за того, что при работе гравер постоянно пользовался моноклем, выработался специфический прищур. Но даже не это главное: у Зимаева, как и у учителя рисования, твердое алиби.

А подлинные имена тех, кого называли Романом и Климом, установили спустя два дня после возвращения Шатохина из командировки. На сей раз ошибки быть не должно. Роман - это Игольников Ефим Александрович. Тридцать два года, архитектор Союзкурортпроекта, выпускник архитектурного отделения того самого института, в котором работал погибший Тандетников. Мастер спорта по самбо и кандидат в мастера по легкой атлетике. Клим - двадцатипятилетний, без определенного рода занятий Магнолин Сергей Юрьевич. Вот у него легкое косоглазие впрямь заметно. Даже на фотографии, где снят вполоборота.

К снимкам Магнолина и Игольникова был приложен цветной фотобуклет под названием "Знаменитости на Ваганьковском".

- Обратите внимание на фамилии авторов буклета, - ска-

зал Шатохину и Хромову начальник уголовного розыска. - Похоже, "десантники" за иконами - они же.

На обороте буклета внизу мелкими буквами было написано: "Текст и худ. оформление Е. Игольников. Фото И. Картунова, С. Магнолина".

- Сам же Магнолин продает буклеты, - добавил Пушных.

- А отпечатки? На чашке, банке, "Софии"? - спросил Шатохин.

- Нет, не его. А архитектор в недельной командировке, - ответил полковник.

Шатохин положил на стол самодельный буклет, взял снимки предполагаемых налетчиков.

- Агафья не согласится говорить? - спросил у Хромова.

- Бесплезно. Не подступиться к ней. К остальным потерпевшим - тоже, - ответил лейтенант.

- Жаль. Может, Иона Парамонович возьмется быть посредником?

- Его можно попросить, - Хромов кивнул.

- Мы слетаем завтра в Уртамовку? - спросил Шатохин разрешения у полковника.

- Не возражаю, - сказал Пушных. - И побывайте в обители Елены Викентьевны Тандетниковой - Великониды. Взгляните на нее, на Флору. Предупредите: соседей ограбили, и вы начеку будьте. Культовые свои предметы не раскладывайте. Снимки заберите, отдайте размножить.

Уртамовский фельдшер Корзилов помочь милиции согласился охотно: но отправиться в скиты сегодня же не мог - его ждали больные. Прием отменить или перенести никак нельзя.

Шатохин решил показать для опознания фотографии Захару Магочину, подвозившему Агафью на мотоцикле до поселка. Магочин не узнал никого - не до разглядывания было. А вот дежуривший на причале "Ореховый Мыс" сержант Шкалик уверенно выбрал из многих снимков фото архитектора:

- Он садился на "Ракету".

- Когда?

Сержант назвал дату. Если ничего не путал, получается, что Игольников уплыл на следующий день после начала поисков.

- Появился примерно за полчаса до прибытия "Ракеты", - потирая лоб, медленно вспоминал сержант, - купил билет и в ожидании сидел на берегу. Курил, читал газету. Во что одет? Прилично, в костюме темный. Портфель кожаный был. Он еще, чтоб не ставить портфель на землю, постелил несколько лопухов.

Кассирша тоже запомнила высокого, одетого в темно-серый костюм мужчину с портфелем.

На соседней от Орехового Мыса пристани Куролино милиционер рассказал о парне в вельветовых джинсах и свитере. Появился он за считанные минуты до того, как пришвартоваться "Ракете". Парень тоже был с легкой поклажей, и на пристань пришёл в сопровождении местного пасечника Борило. Оживленно разговаривали, и пасечник нес в сетке две банки меда, которые передал парню. Думал - родственник Борило.

Шатохин допросил пасечника. "Зашел в избу, попросил продать меду с таежных трав. Потом до пристани попросил поднести: ключицу он недавно ломал, тяжести таскать нельзя пока..."

Взглянув на снимки, пасечник ткнул пальцем в фотографию, на которой был КОРТУНОВ... Можно было догадаться - третий ускользнул, переодевшись, или из Куролино, или с Орехового Мыса.

Сам виноват. Сам отдал приказ: искать, задержать троих в брезентовых куртках с рюкзаками. Проверять документы у всех без исключения отъезжающих молодых мужчин - не додумался. Дежурные сотрудники инициативы не проявили, выполнили распоряжение точь-в-точь.

2

Вдова Тандетникова явно пристрастна была к свекрови, объясняя одними причудами отъезд Елены Викентьевны из Москвы в таежную глухомань на постоянное жительство. На самом деле все обстояло иначе. В шестидесятилетнем возрасте Елена Викентьевна вдруг заболела такой формой туберкулеза, которая более известна как скоротечная чахотка. Врачами ей было отмеряно несколько недель, в лучшем случае, месяцев. Тогда она приняла решение покинуть столицу.

Нетесовский район выбрала не случайно. После гражданской войны вся семья Тандетниковых выслана была в эти места на поселение. Елена Викентьевна прожила с родителями в забытом Богом селении с малолетства почти до совершеннолетия. Умирать ли, в поисках ли исцеляющих средств вернулась в края детства и юности - неизвестно, только через полтора года от болезни не осталось следа, а еще через два Елена Викентьевна стала Великой.

Обо всем это рассказывал оперативникам уртамовский фельдшер. Лечил Великониду не он. Случилось это четверть века назад, у него тогда не было ни столь богатой практики, ни опыта. О том, что у Великониды есть сын, и в гостях у нее бывал не однажды, Иона Парамонович слышал, но встречаться с ним не приходилось.

"Амфибия" катила к обители Великоницы по пологому склону холма между соснами, подминая беломшаник и густо-густо разросшийся брусничник, обсыпанный зреющей ягодой. Спустившись с холма, миновали длинное кочковатое болото. Наконец показалась впереди опушка. За ней виднелся неширокий разнотравный луг, а дальше - кедры, кедры. Между кедрами мелькнул домик с тесовой крышей.

- Великоницын, - указал на домик Поплавский.

- Останови, пешком дойдем, - велел Шатохин водителю, и машина встала, мотор заглох.

- Грибов-то сколько, - Хромов указал на мелькавшие там и сям в траве около вездехода коричневые шляпки подберезовиков.

- А орех и здесь не уродился, - из-под ладони всматриваясь в кедры, проговорил шофер.

- Им хватит, - Поплавский кивнул на одинокий дом.

- То им. Им в любой неурожай шишек под порог вдо-сталь нападает. Пожить бы, как они, месяца три хоть. Что-бы ни дежурств тебе, ни начальства. Сам себе хозяин.

- Нашел кому завидовать.

Шатохин в разговор не вмешивался, смотрел на дом. Представительной компанией идти туда ни к чему, лучше вдвоем.

- Евгений, - позвал с собой Поплавского и, раздвигая высокую траву, зашагал к уютившемуся возле кедров небольшого домику.

Трава вокруг жилища тщательно, под самый корень, была срезана. Пользовались серпом. Несколько их висело на бревенчатой стене. А вся стена снизу доверху была затянута связками сушившихся грибов. Иные в пору уже снимать, иные - совсем свежие, раннеутреннего сбора.

Шатохин постучал. Ответа не дождался, отворил дверь, переступил порожек.

Высокая, не очень полная, но и не худая старуха, с ног до головы одетая в черное, стояла посреди комнаты. В левой руке у нее была трость, на которую она чуть опиралась. Голубые глаза на светлом, не очень дряблом для ее возраста лице смотрели на вошедших строго и вопрошающе.

Шатохин поздоровался.

В ответ прозвучало сдержанное и негромкое:

- Здравствуйте.

У Шатохина не было никаких сомнений, что перед ним - мать погибшего в автомобильной катастрофе преподавателя московского вуза. Но все же уточнил:

- Здесь живут Елена Викентьевна Тандетникова и Ольга Ивановна Ожигова?

- Нет. - Старуха еле приметно отрицательно повела головой.

- Хорошо. Пусть будет по-другому, - сказал Шатохин. - Здесь живут Великониды и Флорида?

- Здесь. - За словом последовал наклон головы. - Великониды перед вами.

- Майор милиции Шатохин. Из краевого уголовного розыска.

Начальника районного угрозыска старуха знала, он бывал в здешних скитах. Шатохин тем не менее представил и его:

- лейтенант Поплавский.

Взгляд Великониды оставался вопрошающе строгим, выражение лица спокойно-хмурым.

- Разрешите присесть? - спросил Шатохин.

Справа от двери у стены была скамейка, и Великониды указала на нее:

- Прошу.

Сама, опираясь на трость, прошла к окну, медленно, тяжело опустилась на стул.

Скит Великониды отличался от всех других, в которых Шатохину довелось побывать по долгу службы. Полы покрашены и застелены самотканными дорожками; стол, комод, тумбочка, несчетное количество полочек, на которых помещались образа, - все покрыто белыми скатертями и салфетками; печь и закуток за ней закрыт плотной полотняной занавесью. И что совсем не ожидал увидеть в подобном жилище: лимонное или апельсиновое дерево в кадке. За деревом тщательно ухаживали. Солнечный свет лился в окна, каждый листик был высвечен, и ни на одном - ни пылинки. Шатохин отметил и безупречную белизну скатертей и салфеток.

Всматриваясь в непроницаемое лицо Елены Викентьевны, Великониды, пытался понять: известно, нет ли ей о том, что стряслось с ее сыном? На похоронах, по крайней мере, не была... Сын в последний раз навещал мать позапрошлым летом. Прожил меньше недели. До этого не часто, но бывал. Всегда один. Переписывались, но на какой адрес шла почта для Великониды - пока не установлено.

- А где Флорида? - спросил Шатохин.

- Занемогла, лежит.

- Встать не может?

- Сестра Флорида, - крикнула Тандетникова.

- Я-аа, - отозвался слабый голос из-за полотняной занавеси.

- Покажись.

Зачем это еще? Нездоровится мне, - голос звучал жалобно.

- Покажись, покажись, - добродушно, однако не без повелевающих ноток сказала Великониды.

За полотном послышалось шевеление, ткань отодвинулась, и из-за нее выглянула низкорослая сухая старуха, курносая, с глубоко посаженными мелкими глазками.

- Ну вот она я. Хворая я... - запричитала Флорида.

- Ложись, коли болеешь, - Тандетникова лишь махнула рукой, и Флорида моментально исчезла за занавеской.

- По делу к вам. - Шатохин устремил взгляд на Великониду. - Известно, наверно, об ограблении домиков на Тангауровских болотах?

Тандетникова на вопрос не ответила. Поднялась, опираясь на трость, прошествовала в дальний от двери угол, где почетное место занимали внушительных размеров икона и складень. Подняв к ним лицо, перекрестилась. Неразборчивым шепотом звучали слова молитвы.

- Обязательно найдем преступников. Иконы будут возвращены, - сказал Шатохин, когда наконец старуха отодвинулась от образов.

- Дай Бог...

- Ищем и найдем. Но заехали не за тем, чтобы это сказать, - продолжил Шатохин. - У вас много икон. Налеты могут повториться. Так что, просил бы быть предусмотрительнее.

Великонίδα вернулась к стулу, но усаживаться на него не спешила, стояла, опираясь на трость.

- Спасибо. Я поняла, - промолвила она.

Шатохин, а вслед и лейтенант Поплавский поднялись.

"Все-таки известно или нет об участии сына?" - в который раз за короткие минуты общения подумал Шатохин, глядя в непроницаемое по-прежнему лицо Великониды.

- Кстати, вы бы могли нам помочь, - сказал он.

- Чем это?

- Передать соседям то, что я сказал вам.

- Нет. Сестра Флорида недомогает. Сама не могу.

- Жаль... - Шатохин еще раз глянул на занавеску, за которой скрывалась вторая жилища, на Великониду. - Нам пора. Не забывайте, о чем предупредил.

- Не забуду... - Великонίδα сделала два шага вслед уходящим оперативникам.

- Болеет бабка Флора, как же, - первым заговорил Поплавский, когда отделились от дома. - Просто струхнула, спряталась. Свежие снизки грибов заметили?

- Заметил.

- За час, может, до нашего приезда собраны, подвешены. Бабкой Флорой. Она у Великониды, как служанка у госпожи. И обстирывает, и варит, и все-все. От зари до зари вертится. И Великонίδα ею же и помыкает.

Шатохин и без Поплавского был хорошо информирован о Флориде. С малолетства глубоко набожная, она на государ-

ственных предприятиях не могла удержаться, потому что по религиозным праздникам не выходила на работу. Мыкалась с места на место, изгоняемая за прогулы; Тандетникова много лет назад взяла ее к себе в домработницы. За возможность молиться и иметь немногие свободные дни Флорида считала хозяйку благодетельницей и угождала как могла. А уж после того, как Елена Викентьевна решила удалиться от суетного мира, посвятить остаток жизни Богу, и позволила Флориде быть рядом с собой, почитание переросло в преклонение.

Вопрос о том, осведомлена или нет о сыне Великониды-Тандетникова, не переставал занимать Шатохина. При встрече так и не выяснил.

- Великонида всегда такая? - спросил он у лейтенанта.

- Какая?

- Угрюмая. В черном.

- Зимой заезжал. Тоже в черном была. И встретила также. Все они тут "весельчаки".

- Понятно, - сказал Шатохин, хотя ясности слова лейтенанта не прибавили ни на йоту.

Они подошли к вездеходу, возле которого сержант-водитель и лейтенант Хромов, не тратя зря времени, собирали грибы. - Сколько здесь домиков, Женя?

- Еще семь.

- Придется объехать все, предупредить о покушении на иконы. Нужно быть последовательными.

3

Свидетелем того, как бабка Флора и еще три человека на рассвете шли по охотничьей тропке, был лесничий Мохов. Он же, спустя несколько часов в том же месте, у Метляева озера, видел Флориду уже одну. От села Пышкино-Троицкого до Тангауровских болот около ста двадцати километров. Лесничий видел старуху-отшельницу в пятидесяти километрах от Пышкино-Троицкого. Значит, Флорида могла провожать лишь часть пути. Кто вел дальше? Хромов и Поплавский считали, что вахтовик-железнодорожник из Наровки Анатолий Бороносин. У него обнаружена подробная самодельная карта района, он находился в день ограбления близ скитов и не мог вразумительно объяснить: зачем. Он знаком с Великонидой и Флорой. Все это свидетельствовало отнюдь не в пользу поездного электрика. Однако и веских улик, указывающих на его причастность к ограблению, тоже не было.

Сейчас нужно попасть в Уртамовку. Иона Парамонович Корзилов, наверно, уже повстречался с пострадавшими староверами, о чем просил его Шатохин. Потом обязательно побывать в селах Отяево и Боровки. Ближайшие к дому Ве-

ликонида селения, где есть почтовые отделения. И Великонида, если вела переписку с сыном, получала и отправляла письма в этих отделениях связи. Кто знает, вдруг до происшествия Виталий Васильевич Тандетников отправил письмо матушке. Учитывая, что письма в отдаленные села идут долго, а приходят за ними обитатели скитов не каждый день, может что-то лежать на почте для Елены Викентьевны интересное и оперативникам.

Фельдшера, когда приехали в Уртамовку, дома не застали; как отправился на болота к старообрядцам-потерпевшим, так пока не возвращался. Шатохин распорядился, чтобы Поплавский и Хромов ехали в деревни за почтой для Великониды. Он так и выразился: "За почтой для Великониды". Сам остался в доме у Корзилова в обществе Веры Георгиевны, жены фельдшера.

Иона Парамонович вернулся лишь к полуночи.

Просьбу Шатохина он выполнил, а задержался потому, что пришлось заезжать на хутор Марковку. Молодая женщина родила месяц назад. Роды прошли трудно, и до сих пор чувствует себя неважно.

Долго еще не укладывались спать. За самоваром говорили о старообрядцах, иконах, листали журналы.

Около восьми утра Шатохина позвали к телефону. Звонил Хромов, он уже на поддороги к Уртамовке. Новости есть, но разговор не телефонный.

- Жду в кабинете участкового, - сказал Шатохин.

Как предполагал Шатохин, под новостями подразумевалось письмо. Только не для Великониды письмо, а адресованное в Москву.

Опустили его либо вчера поздним вечером, либо рано утром. Заведующая Отяевским отделением связи всегда перед закрытием заглядывает в почтовый ящик. Вчера в двадцать часов ничего не было.

Не требовалось даже вынимать письмо из конверта. Ясно, что о трагедии на мосту через Оку Великонида не оповещена. Адресовано Тандетникову В. В., указано почтовое отделение и абонентский ящик - № 1742. На месте координат отправителя только крючковатая неразборчивая подпись.

На тетрадном в клеточку листке довольно твердой рукой было написано:

"Мальчик мой дорогой!

Пишу, а на душе смута. Нынче поутру приезжали двое офицеров из органов. В два часа пополудни пишу, а все не могу сердце унять. Приезжали якобы лишь предупредить, чтобы опасались воров, прятали ценности. Но офицер, который давал такой совет, двоекратно сказал, что ищут и найдут. (Ты знаешь, о чем это). Спроста ли сказал? И нужно

слышать, с какой твердостью. Дай Бог, чтобы слова остались словами. Не ведаю, что им известно.

Будь здоров, мой голубчик.

Молюсь за тебя”.

Все. Ни подписи, ни даты.

Заверяя Великониду в том, что налетчиков ищут и найдут непременно, Шатохин не преследовал никакой цели. Он даже не помнил, что произнес обещание дважды. Что ж, тем лучше. Как знать, возможно, не будь сказаны эти слова, не было бы и письма.

- Взяли подписку об ответственности за разглашение у заведующей?

- Так точно, товарищ майор, - отчеканил Хромов.

- Часто посылают по этому адресу письма?

- В прошлом году одно. Так же в ящик было опущено. Больше не помнит заведующая.

- А получают?

Ни разу... Мы же только в Отяево были. Может, в основном через Боровки идет переписка.

- Да, и в Лиственничное нужно съездить. Тоже...

- Не нужно, - прервал Шатохин. - Ни в Лиственничное, ни в Боровки. Почта оттуда все равно мимо райцентра не идет.

В раздумье Шатохин помолчал. - А вообще, совсем ничего не нужно. Сейчас же выезжаем в Нетесово. Всякую работу по этому делу прекращаем.

4

- Я - Тимоненко Алла. Работаю проводницей.

Женщина лет тридцати вошла в кабинет Шатохина буквально следом за ним.

- За что вы хотите посадить Анатолия?

Женщина была настроена решительно. Голос ее звенел от волнения и раздражения. Не назови она своей профессии, Шатохин едва ли понял бы, что речь о Бороносине.

- Посадить я вообще никого не могу. Не в моей власти.

- Ну да, судит суд. А вы только подозреваете, обвиняете.

Можно было одернуть проводницу, прекратить разговор в таком тоне. Но что-то ведь ее привело. Просто выплеснуть раздражение в уголовный розыск не ходят.

- Сядем, поговорим спокойно, - предложил Шатохин, указывая женщине на стул. - Вы Бороносину кем приходиться?

Любовницей, - с вызовом ответила проводница.

- Мг... Ваш друг не подозреваемый и не обвиняемый. Свидетель.

- Не надо... Сама была свидетельницей. И никто в меня, как в Толю, мертвой хваткой не цеплялся.

- А в него кто вцепился?
- Вы! Поезд наш вчера вечером ушел в Кисловодск. Толя за три часа до отправления велели оставаться в ремонтной бригаде. Я у Померанцева выудила, что из милиции звонили, рекомендовали его пока в рейсы не посылать. А сегодня Толя мне признался, что его из аэропорта выпускать не хотели.
- Кто конкретно не выпускал?
- Поплавский.
- А звонил по месту работы?
- Он же.
- А говорите - я.
- Вы - это милиция. Вот я как говорю.
- Понял...
- Да что вы поняли, - проводница с досадой махнула рукой. - Толя рассказывал, из-за чего все это. Как вы допрашивали его, тоже рассказывал. Только что называли свидетелем, а подразумевали-то: он тоже... Толя говорит, если настоящих преступников не найдете, на нем отыграетесь.
- Это зря.
- Не зря, - возразила проводница. - Теперь и говорят, и пишут о таких случаях. Ну, он сидел, ну, не для всех он хороший... Понимаете, все эти староверы, иконы - он о них говорит много. Но они для него безразличны.
- Безразличны, а говорит много, - заметил Шатохин.
- Ну и что, так разве не бывает? Считал бы иконы ценностью, с бабкиными бы так не поступал.
- Как?
- Прошлой зимой в сенцах стекло разбилось, он дыру иконой прикрыл, чтоб снег не летел. Приколотил гвоздями. Другую раньше за так Померанцеву отдал. Еще одна была, я забрала. Жалко ведь... Люди на нее молились.
- В сенях приколотил, это в Нарговке? - спросил Шатохин, про себя отмечая, что при встрече начальник поезда о подарке Бороносина не упоминал.
- Где ж еще, у меня сенцев нет.
- Так там до сих пор?
- Ну да.
- А Померанцеву дарил при вас?
- Какая разница... Вы лучше скажите, почему Толю не пустили в Кисловодск?
- Посидите, пожалуйста, в коридоре. Я позову. - Шатохин взялся за телефонную трубку.
- Через минуту в кабинете был Хромов.
- Известно, что Поплавский позвонил руководству Бороносина и рекомендовал до поры не выпускать его в поездки? - спросил Шатохин.

Лейтенант знал об этом: начальник Нетесовского районного ОУРа звонил в его присутствии.

- Надеяться, что вахтовик быстро из свидетелей передвинется в обвиняемые? Дальше бы все шло законным путем, так? - Шатохин говорил тихо и зло.

Хромов отмалчивался.

- Потом напишешь рапорт, а сейчас... - Шатохин открыл дверь, пригласил проводницу, спросил у нее: - С другой бригадой можете в рейс выехать?

- Хоть сейчас. Людей не хватает.

- Вот и поезжайте. С Бороносиным вместе. Если он, конечно, нужен будет как работник в другом поезде.

- Нужен. - Живые огоньки вспыхнули в глазах проводницы.

Оставшись один, Шатохин раскрыл деловой ежедневник, которым почти не пользовался, начертил прямую линию, поставил на ней три жирные точки. Под каждой написал названия: Пышкино-Троицкое, Метляево озеро, Тангауровские болота. В сторонке, выше линии, крестиком обозначил скит Тандетниковой.

Налетчики добрались рейсовым пассажирским автобусом до села Пушкино-Троицкого. Дальше дорог нет, шли пешком. В Пышкино-Троицком или где-то поблизости их поджидала бабка Флора. Встретились, и вчетвером проделали путь чуть дальше Метляева озера. Прямоком. С Великониной не встречались: незачем попадаться на глаза староведам-соседям Елены Викентьевны, да и пришлось бы делать лишний крюк.

Итак, грабители расстались с бабкой Флорой за Метляевым озером. Кто же дальше взял на себя роль провожатого?

Написал: "Бороносин". Тут же зачеркнул фамилию вахтовика-железнодорожника, поставил вопросительный знак. Подумав, зачеркнул и его. Поднялся из-за стола и пошел к Пушных.

- Слушаю внимательно, Алексей Михайлович, - жестом приглашая Шатохина сесть, сказал Пушных.

- Помните, вчера докладывал: Иона Парамонович показывал потерпевшим снимки трех купленных у Кортунова икон? Своей признали только "Софию-Премудрость", две другие - чужие. Но тоже, по мнению специалистов, старобрядческие. Не в других ли поселениях взяты?

- То есть, грабили и раньше?

- Именно! И не раз, не два. Профессионалы. Специализируются на ограблениях скитов.

- Но ни одного подобного преступления не зафиксировано.

- Чему удивляться? Тандетников перво-наперво усвоил,

что к властям старожилы не обращаются ни при каких обстоятельствах. Детально знал их жизнь, даты их религиозных праздников. И в этот раз все сошло бы с рук, если бы не взбунтовалась Агафья.

- Предложения?

- Нужно проверить, не осталось ли после Тандетникова сына сбережений. Мне почему-то думается, он не все истратил на девочек.

- Заодно доходами Игольников, Картунова, Магнолина поинтересуйтесь. А что наш искатель болотных трав?

- Сейчас разговаривал с его подружкой. По-моему, Бороносин к этому делу не причастен.

5

Поступили, наконец, данные дактилоскопической экспертизы: расколотую миску, икону "София-Премудрость Божия", консервную банку держал в руках Роман - Ефим Александрович Игольников. Это было, безусловно, важно. Но куда важнее оказалась новая информация о погибшем сыне Великониды.

На абонентский ящик № 1742 в московском почтовом отделении связи поступала корреспонденция для Виталия Васильевича Тандетникова не от одной матери. В ящике было обнаружено письмо. Без обратного адреса. По штемпелю - из Архангельска. Неизвестный из портового города, подписавшийся скромно буквой "Т", сообщал о затяжных дождях и обострении ревматизма из-за скверной погоды, о том, что нужно поехать основательно полечиться на Водах, что обойдется недешево. Несмотря на недомогание и стесненность в средствах, он тем не менее рад будет встретить у себя старого приятеля 14 августа. Заранее предупреждает, что потратить на покупки более 75 рублей для него большая роскошь. Надеется, что Виталий Васильевич не будет настаивать на покупке сверх означенной суммы. Также установили, что Виталий Васильевич Тандетников был заядлым бильярдистом, в ставках не мелочился. 29 июня, за месяц до трагического дня, проиграл пятьдесят тысяч.

В сбербанке, расположенном неподалеку от его квартиры, обнаружили всего один вклад на двенадцать тысяч рублей. Но должны быть еще, и немало. Судя по тому, что даже у несостоявшегося продавца буклетов на кладбище Магнолина, недавно купившего "Жигули", в четырех сберегательных кассах хранилось облигаций еще не на одну такую машину. А Сергей Магнолин пешка по сравнению с сыном Великониды.

Сотрудники столичной милиции истолковали письмо из Архангельска так: написано постоянным партнером Тандетникова. Упомянутые семьдесят пять рублей - это, конеч-

но, учитывая хотя бы сумму проигрыша на бильярде, семьдесят пять тысяч. Если отбросить витиеватую преамбулу о погоде, ревматизме, лечении на Водах, выйдет: куплю товара на эту сумму, и ни на копейку больше.

Тандетников пытался договориться с архангельским корреспондентом о более крупной сделке? Других поселений староверов, обладателей древних икон, у Тандетникова не было на примете, и проигрыш вынудил пойти на рискованный шаг - отправить группу в Нетесовский район, грабить в непосредственной близости от пристанища матери?

Картина прорисовывалась все четче. Единственное, что оставалось загадкой: прежние маршруты "десантников" за старинными образами.

- Виктор Петрович, мне кажется, в Коломну ездили незря, - сказал Шатохин.

- Вот как? - Пушных посмотрел вопросительно.

- Помните Ефима Лоскутова?

- Который дома покупал, статьи писал?

- Да. Я еще, когда первый раз просматривал его статьи, обратил внимание, как он подробно описывает свои путешествия в скиты. Вот. Теперь выписки сделал. - Шатохин положил лист на стол полковнику.

"...В Мадогэ - окраинном населенном пункте района, где всего двенадцать жилых домов и куда хоть с трудом, но можно добраться автотранспортом, - пересаживаемся на коней. Едем верхом до Ергайского ельника, там спешиваемся. Теперь путь пешком, но уже недолгий, семь километров на северо-запад", - прочитал Пушных первую выписку.

"В Мадогэ", "до Ергайского ельника", "семь километров на северо-запад" - было подчеркнуто.

Текст из другой статьи: "...Трудовая пчелка" - отделение колхоза. Нарекли его так потому, что занимаются здесь исключительно пчеловодством. Сюда уже от центральной усадьбы колхоза нет летом пешего пути, а нашей этнографической экспедиции и от этого тупикового местечка шагать да шагать напрямик через Весеневское болото до "Маяка" - фосфоресцирующего в темноте догнивающего ствола дерева с единственным суком-обрубком..."

- Прямо-таки путеводитель по скитам, - прочитав вторую выписку, сказал Пушных.

- Я думаю, если скиты и там ограблены, может оказаться, что он ни при чем. Только не нужно было так конкретизировать.

- Почему, собственно, не нужно? - не согласился Пушных. - Были в экспедиции, на своей земле.

- Вы же сами сказали: путеводитель, - напомнил Шатохин.

- Сказал. Но если он обязан шифровать, то для чего мы?

Ладно. По всем этим местам, описанным Лоскутовым, делаем срочные запросы.

Ограбления в старообрядческих поселениях, путь к которым с точностью описал учитель рисования Лоскутов, были. В трех из пяти. В Тюменской и Пермской областях. Воссоздать в деталях, как разворачивались события, кто налетчики - не удалось; потерпевшие тоже с милицией разговаривать не пожелали, на снимки посмотреть отказались. Но в близлежащих деревнях кое-что сказали. По рассказам, в предыдущих ограблениях участвовали в двух случаях по три человека, а однажды - это было неподалеку от угодий "Трудовой пчелки", - вчетвером орудовали.

- Еще и четвертый в честной компании. Сам Тандетников, конечно, не мог быть, - получив эту вест, сказал Пушных утвердительно.

- Даже при желании, - поддержал Шатохин. - Он дальше чем до гаража, полкилометра по асфальту, пешком не ходил.

- Кстати, напомни, Алексей Михайлович, как ты вышел на Лоскутова?

- Фотоиндивидуал позвонил по межгороду Зимаеву, а тот знаком с учителем.

- После твоего предложения принести иконы, позвонил?

- Да. Сразу.

- Зимаев, Зимаев, - повторил полковник фамилию гравера из Коломны.

- Может, зря с него так быстро сняли подозрения, - сказал Шатохин.

- Может быть. У тебя до встречи в Калинин с фотографом десять дней.

- Вдруг Кортунов в другом месте взять иконы рассчитывает?

- Еще один налет?

- Да.

- Не так просто его организовать. Тем более теперь, без Тандетникова. Да и дрожат за оставленное. Вдруг пожар в тайге, дожди проливные... И все они еще под бдительным наблюдением.

6

Участковый Сергей Красников пошел на болота проведать так и не встававшего бывшего кузнеца Василия.

Километрах в двух от Василиевой избы участковый заметил в траве и поднял тонюсенькую, сантиметров тридцать щепку. На ребрышке потемневшая от времени краска. Нетрудно было догадаться, что щепка от иконы.

Красников не знал что и подумать. А вот для лейтенанта

Поплавского и для прилетевшего в Уртамовку Шатохина находка загадки не составляла: скорее всего, среди тех немногих икон, которые налетчики унесли-таки с собой, была и крупная по размерам. Появиться с ней, даже завернутой, на людях, - значит привлечь к себе внимание. Икону, по всей видимости, раскололи поперек и вдоль. Предпочли разломать, но унести. Значит, стоила того.

Что за икона?

Иона Парамонович Корзилов долго изучал находку. Измерял, через лупу рассматривал красочный слой, пролистывал свою тетрадку с описанием икон.

- "Богоматерь - Умягчение злых сердец". От нее осколок, - сказал он.

- Из скита Агафьи, Настасьи? - уточнил Шатохин.

- Да. Точных размеров иконы не знаю. Примерно шестьдесят пять на пятьдесят сантиметров.

- На слайдах и в числе четырнадцати ее нет.

- Любимая Агафьяна. Рассматривать разрешала, а прикасаться, фотографировать - ни под каким видом. Я упоминал об этом образе. Забыли?

- Забыл, - признался Шатохин.

- Древнейшая икона. Говорят, в старину находилась в Иветском остроге. - Иона Парамонович пояснил: - Между Куролино и Ореховым Мысом стоял острог. Казаками-первопроходцами основан был. Как все официальные остроги Российского государства имел даже свой герб с изображением расомахи. По преданию, первый воевода получил одну из икон в дар из рук самого царя.

Помолчав, фельдшер сказал:

- Жаль. В особенности бабку Липу и Афанасия. Как такую потерю переживут... Да и Агафья. Хоть бы в чем перед кем вина у них была...

Сделай свою находку молодой участковый Сергей Красников раньше, когда еще в тайге шел поиск грабителей, расследование повели бы по-иному. Спрятанные образа, возможно, были бы уже найдены.

Решение разрубить на части ценнейшую икону налетчики приняли, когда поняли, что все награбленное им не унести. Значит, остальное спрятано поблизости от места, где валялся отщепок от иконы? Разговоры вокруг ограбления староверов уже поутихли, и налетчики должны вскоре вернуться за своей добычей.

А как будут добираться до Нетесовского района, до своего тайника?

Невозможно предусмотреть, как будут складываться события, пусть прежде столичные "гастролеры" приедут в крайцентр, там яснее станет; но обязательно нужно дать им возможность забрать из тайника иконы. В этом отношении

наиболее важные для оперативников точки: Пышкино-Троицкое, Куролино, Ореховый Мыс, Тасеевский луг.

- Сушь сейчас, товарищ полковник. Лесоавиаохрана летает. Нужно договориться, чтобы в том районе не кружили, - высказал предложение Шатохин.

- Добро, - Пушных сделал пометку на листке. - Еще?

- Транспорт нужен. Вездеход, - добавил Хромов.

- Это само собой. Вот где место для него определить?

Тем временем, когда в кабинете начальника краевого уголовного розыска проходило оперативное совещание, в московском аэропорту "Домодедово" заканчивалась регистрация билетов на самолет, вылетающий в краевой центр. Известно было, что в Сибирь отправляется лишь один из прежних участников ограбления скитов - Ефим Игольников. Напарники - Картунов и Магнолин - остались, но их места в ТУ-154 займут, составят компанию архитектору Союзкурортпроекта некие Мустафин и Середец.

- Сколько же их всего?! - спросил следователь Тиунов, когда полковник объявил об этом.

- Мафия настоящая. - Лейтенант Хромов хлопнул рукой об руку.

- Не знаю, как насчет мафии, но солидная компания...

Пушных рассказал: в абонентский ящик № 1742 на имя Тандетникова поступило еще одно письмо, теперь из Казани. А вечером того же дня взломали ящик, забрали письмо. Забрал приезжий из столицы Татарии. Похоже, сам автор письма. С большим опозданием узнал, что Тандетникова нет в живых и поспешил явиться за своим посланием. Приятель из Казани, в отличие от архангельского, был краток: вложить пятьдесят-сто рублей в искусство он не против.

- Настоящая мафия, - повторил Хромов.

- Может, майору вообще не стоит принимать участие в захвате? - сказал Тиунов.

- Почему? Фотограф не прилетает, - возразил Шатохин.

- Да, но вы уверены, майор, что Игольников не видел вас вместе с Картуновым? - Тиунов взял со стола снимок архитектора. - Или не знаком заочно, по фотографии, как вы с ним?

- Уверен. Картунову выгодно иметь своего покупателя, не афишировать его.

- Даже если не так, - вмешался полковник, - не вижу причин выводить Шатохина из операции.

7

Роман, он же архитектор Союзкурортпроекта Ефим Игольников, и два его приятеля Мустафин и Середец, сведения о которых пока исчерпывались тем, что оба прописаны в Мытищах, прибыли в крайцентр в 20.20 по местному

времени, а в 00.15 уже покинули город на пассажирском поезде, идущем на север края. Билеты до конечной станции. Семь часов езды. Там - пристань. Успевают на "Метеор", отплывающий в 8.00, проходящий через Куролино и Ореховый Мыс. На одной из этих пристаней должны высадиться. Могут проплыть до Лосинога Брода, который связан автобусом с Пышкино-Троицким. Но если и устремятся на Пышкино-Троицкое, то уже забрав все спрятанное в тайге.

Сопровождающий группу налетчиков сотрудник из Москвы передал в аэропорту снимки Середца и Мустафина. Обоим мытищинцам немногим более двадцати, лица у обоих неброские, незапоминающиеся.

Все прошло гладко, без задержки в пункте пересадки на "Метеор".

Северные жители возвращались из летних отпусков, горожане катят поглуше в тайгу с корзинами, ведрами да берестяными коробами за созревшими ягодами. Билеты на Лосинобродский рейс проданы на неделю вперед. Игольников и компания примчали к пристани на легковой машине частного, когда начиналась посадка. Штурман в рупор предупредил не имеющих билета, но желающих уплыть, чтобы не мешали посадке: сколько мест на судне, столько человек и уедут, ни одного больше не возьмут. Инструкция предписывает. Уже итак "Ракету" заменили на более вместительный "Метеор".

Московские "гастролеры" заметались между билетной кассой на высоком берегу и дебаркадером, где швартовался "Метеор". Деньгами сверх стоимости билета северян не удивишь. Любой из толпы остающихся согласен переплатить, лишь бы не торчать здесь.

- Уехать хочешь? - небритый мужик в рабочей куртке с эмблемой монтажника на рукаве опустил на плечо Игольникова пятерню, дохнул в лицо перегаром.

- У тебя билеты есть?

- Есть.

- Бутылку и деньги гони, уедешь. До Оскобы, - назвал монтажник остановку перед Лосиным Бродом.

- Три билета нужно.

- Три бутылки и... - хмельной рабочий оглянулся. - И тридцатку за три билета.

- Спирт пойдет? Ректификат.

- Годится.

Рыскавшие по пристани спутники Игольникова уже стояли тут как тут. Один из них сунул плоскую литровую фляжку и деньги спецмонтажнику.

Прежде чем отдать билеты, он отвинтил пробку фляжки, понюхал.

- Порядок, - Фляжка скользнула в боковой карман куртки.

Билеты, наконец, были у Игольников. Все трое заспешили к "Метеору".

После шестичасового плавания налетчики высадились на пристани Ореховый Мыс. В село не входили. Направились в лесок близ пристани. Оперативники другого и не ожидали. Они сидели в томительном ожидании на заимке около Уртамовки. Им сообщили по рации, что Игольников и его спутники высадились три часа назад. Теперь, если расчеты верны, они должны появиться на Тасеевском лугу.

Появились! Прошли по лугу, и в середине его устроились на отдых. При них ли автомат? Ружье охотничье есть - точно. А про автомат неизвестно. Может, в рюкзаке спрятан. А может, просто не углядели. Луг слишком велик. И стожков много поставлено, мешают обзору.

- Шустро ноги переставляют, - заметил Поплавский.

- Спешат до темноты попасть к тайнику, - согласился Хромов.

- Не успеют. Дальше болото, труднее топать.

- Тренированные, успеют. Если тайник в том районе, где Красников щепку нашел. Третью, даже больше, прошли уже.

Шатохин слушал разговор лейтенантов рассеянно. Мысли были заняты предстоящей операцией. Пока развитием событий он был доволен, ждал продолжения.

А уходить с Тасеевского луга "десантники" не спешили. Минул час, другой, третий - все оставались на месте.

- Чего торчат? - первым не выдержал Поплавский.

Шатохин сам давно недоумевал: что-то замыслил Игольников. Что? Важно было разгадать, пока архитектор с подручными на лугу. Снимутся с места, проследить за их дальнейшим передвижением будет сложнее.

Шатохин смотрел на карту, где карандашом было очерчено и заштриховано предполагаемое местонахождение тайника. От луга приблизительно двадцать пять-тридцать километров. Теперь не успеют, а могли бы при желании засветло быть там. Что же задерживает? Если предположить, что первая цель Игольникова - не тайник? Что же? Скит Великоницы? Вполне возможно. У Тандетниковой самые лучшие иконы в здешней округе. Взять - никакого риска. Защиты у Елены Викентьевны теперь, после смерти сына, нет. Все так, но жилище Великоницы и Флоры почти за сто пятьдесят километров от Тасеевского луга, и если туда стремление попасть, то не отлеживались бы в молодом сене на солнышке, а шагали бы да шагали. А может, причина задержки самая что ни на есть прозаическая: кто-то из троих натер ногу, не может пока идти? Нет. С ними такого не случится. Мустафин и Сереец профессионалы. Несомненно. Как фо-

тоиндивидуал и торговец с кладбища, как сам архитектор. Почему все-таки Игольников не приехал с прежними своими партнерами? Объяснение было простое, как бы убедительное: архитектор опасался, как бы Кортунов и Магнолин не примелькались. А если что-то другое?

Шатохин сидел прямо на земле около вездехода, на котором приехали на заимку, напряженно вглядывался в карту. Нервничал. Стоило усилий подавить нетерпеливое желание справиться по рации, не произошло ли каких перемен на лугу?

Уже перед закатом, когда уже не ждал новостей, вдруг сообщили: Игольников и его спутники покидают луг, держат путь к болоту.

- Именно к болоту? - переспросил Шатохин.

- Именно к болоту! В бинокль хорошо видно. Быстро, без останки, без оглядки идут. Вот-вот исчезнут из поля зрения в кустарнике. Уже исчезли, - доложил участковый инспектор Красников.

Еще раз Шатохин посмотрел на карту, где в центре заштрихованной площади краснел крупный овал - место, на котором Сергей Красников нашел отщепок иконы. Мысленно, в который раз, прикинул расстояние между Тасеевским лугом и строениями на островках среди болота. Кажется, он разгадал замысел Игольникова. Скиты в Нетесовском районе - первое, единственное место, где преступная группа получила слабое, но сопротивление староверов. Тайник где-то поблизости от домиков. Доброго новая встреча не сулит. В пору сбора ягод на болоте встреча особенно вероятна. Игольников хочет избежать ее, приблизиться к тайнику ночью, забрать спрятанные иконы и тотчас же уйти, чтобы на рассвете быть уже далеко от скитов. И уходить от тайника будут тем же путем, каким пришли. То есть, вернуться на Тасеевский луг. Не могут же они, черт побери, знать всех болотных троп, свободно разгуливать по ним в темноте! Бросок в пятьдесят-шестьдесят километров по зыбкой почве. За полсуток, ну, за четырнадцать-пятнадцать часов. Половина пути - с грузом. Солидно.

Лейтенанты Хромов и Поплавский, еще семь сотрудников Нетесовского райотдела милиции ждали распоряжений Шатохина.

- Через два часа выезжаем к Тасеевскому лугу. Утром, часов в девять-десять, они опять будут там.

- Хотите брать их на лугу? - спросил Поплавский.

- На лугу.

- А если не мешать им? - предложил Поплавский. - Дать возможность выбраться из тайги. На пристани или в "Ракете" взять?

- Нет, - твердо сказал Шатохин. - Где гарантия, что не столкнутся с кем-нибудь в тайге. Свидетели им не нужны. Довод для Поплавского, для всех был убедительным.

8

Расчет Шатохина оказался точным: четырнадцать часов спустя, в половине десятого утра Игольников, Мустафин и Середец вновь появились на Тасеевском лугу. Вышли из кустарника немного правее того места, где вечером скрылись, покидая луг. У каждого за плечами по рюкзаку. Автомат на груди у идущего впереди. Еще охотничье ружье несут. Очень медленно движутся, но не шатаются от усталости, не валятся с ног.

Глядя в бинокль, докладывал Шатохину по радиосвязи лейтенант Поплавский. Он, Хромов и милиционеры расположились в лесу на территории бывшего Иветского острога. А вездеход, в кабине которого Шатохин сидел вместе с участковым Красниковым и сержантом-водителем Болтиным, приткнулся в густом пихтаче недалеко от Тасеевского луга.

- Остановились... Сняли сапоги, портянки выжимают, - докладывал Поплавский.

Дверцы вездехода были распахнуты, мотор молчал с вечера, утреннее сентябрьское солнце грело не сильно, и все равно в кабине было жарко. Можно бы прыгнуть на землю, размяться. Шатохин хотел, и все медлил, смотрел на часы. Секундная стрелка очередной раз обожала циферблат. Снова слышался голос Поплавского:

- Поднялись. Идут.

- Понял...

События развивались как того хотелось. Компания вела себя предусмотрительно. Трава второго укоса на лугу высохла, лежит в валках да в рядках - в любое время могут приехать копнить сено бригадой. Так что лучше быстрее убратся с луга. Пройти километр лесом и оказаться на берегу реки.

- Где они? - выждав, справился Шатохин.

- На середине примерно.

- Прямо на засаду идут?

- Чуть правее забирают... Переместимся немного.

- Там вам виднее...

Через пятнадцать-двадцать минут операция должна быть закончена. Шатохин посмотрел на сержанта-водителя, на Красникова. Оба молчали, лица сосредоточены, спокойны.

- Проверь зажигание, - велел Шатохин водителю. -

Тот включил и выключил: в порядке.

- Товарищ майор, - голос Поплавского по рации зазвучал неожиданно и взволнованно. - Здесь дети!

- Какие дети? Где?

- Рядом с нами. Восьмиклассники. Из Куролино. У них сегодня день юного краеведа, и...

- Сколько их? - оборвал Шатохин.

- Пятнадцать. Вместе с учителем.

- Пешком пришли?

- Нет, автобус недалеко.

- Как ты их просмотрел?

- Они неожиданно приехали...

- Пусть садятся в автобус и немедленно уезжают... Подожди, дай Хромову связь.

- Трое детей куда-то отлучились. Он с учительницей искать побежал.

- А эта команда далеко?

- Теперь километра полтора будет, меньше даже.

- Краем луга идут?

- Почти по центру. Разрешите, товарищ майор, выдвигаться навстречу?

- Выйти на луг? Запрещаю категорически. Живей ищите детей. Без моей команды ничего не предпринимать. Связь держать непрерывно.

- Вас понял...

- Как нарочно! Какой-то день краеведа, - заговорил Красников.

- Мнения потом, жестко прервал Шатохин. - Ну, что там Женя? Где Хромов, дети с учительницей? - спросил нетерпеливо.

- Никто пока не появился.

- Ясно. Шум пока не поднимать, себя не обнаруживать. В крайнем случае будешь созывать потерявшихся через мегафон. Но не сейчас. Вспугнешь, икончики могут свернуть к лесу. Мы сейчас на луг выедем, к Игольникову.

- А нам что делать?

- Ждать. - Шатохин захлопнул дверцу вездехода. Сержант закрыл дверцу со своей стороны, вопросительно посмотрел на Шатохина.

- Давай!

Взревевший мотор после глубокой таежной тишины оглушил. Хвойные лапы застучали по кабине, по бортам. Машина, вгрызаясь в молодой березово-осиновый чащобник, прокладывая себе дорогу и выскочила на огромный переливающийся под солнцем Тасеевский луг.

Красников вытащил из-за сидения два скорострельных карабина, один положил на колени Шатохину.

Вот-вот должны появиться фигуры грабителей.

- Женя, далеко еще они? - спросил Шатохин по радию.

- Метров пятьсот. Чуть правее взять нужно...

Еще звучал голос Поплавского, а грабители уже появились перед глазами.

Игольников стоял лицом к несущемуся навстречу вездеходу. Автомат держал в руке.

- Гони, не сбавляй пока! - крикнул водителю Шатохин.

Сержант, крутнув руль вправо, мчал прямо на грабителей.

Считанные минуты - и окажутся рядом. Шатохин уже ухватился за ручку дверцы, готовясь выпрыгнуть возле Игольникова. И тут архитектор вскинул автомат.

Очередь выстрелов прозвучала негромко. Шатохин почувствовал, как мотнуло вездеход, как начал он терять скорость.

Игольников, выведя из строя машину прицельными выстрелами по колесам, тотчас скрылся за копной. Приятели тоже пропали из виду.

Вездеход продолжал еще инертное движение. Шатохин припал к рации:

- Хромов где?

- Здесь я, - ответил Хромов.

- Что с детьми?

- Двоих нашли. Говорят, третий на берегу, в палатке. Послал за ним.

- Игольников направляется в твою сторону. Предупреди людей, навстречу не выводить - метко стреляет.

- Понял, Алексей Михайлович... Смотрите, горит!

Шатохин увидел: валки сена, возле которых только что стояли Мустафин и Середец, охвачены пламенем. Вот оно что, они поджигали сено пока Игольников стрелял.

Горели пока два рядка, потом вспыхнул третий. Еще и еще. Архитектор и его приятели решили обезопасить себя, скрыться от преследователей, воспользовавшись завесой дыма и огня.

Расчет верный. Достаточно искры, чтобы пересохшая скошенная отава, положенная в рядки, запылала. А рядки тянутся по всему Тасеевскому лугу. Шатохин мог представить себе, с какой скоростью начнет распространяться огонь по лугу.

Нужно бы отдать распоряжение, чтобы отправляли автобус со школьниками. Майор выпрыгнул из подбитой машины.

Он бежал, увлекая за собой участкового и сержанта-водителя, туда, где занимался пожар. Красные языки пламени ползли по дорожкам из сена, взмывали вверх, и над этими языками клубился белесо-черный едкий дым.

Сделав глубокий вдох, Шатохин кинулся вперед. Рассчитывал на одном дыхании пробежать всю охваченную пожаром полосу. Но глотнул дыма, закашлялся - заслезилась глаза.

- Товарищ майор! - услышал рядом голос Красникова.

Молодой участковый показывал ему плоскую литровую фляжку. Из-под спирта.

Красников, наверное, хотел сказать, что сухое сено полили спиртом, чтоб лучше горело. Знаком Шатохин приказал: брось. Поискал глазами сержанта-вводителя - здесь, и продолжал бежать.

От огнедышащего жара, от быстрого бега все тело стало липким. Удушье вызывало желание сделать выдох и набрать новую порцию воздуха. Он пересиливал себя, зная, что будет еще хуже.

Наконец дым и огонь перед глазами пропали, и Шатохин выскочил на неохваченную пока пожаром часть луга. Появились следом сержант и участковый. У водителя горел на спине пиджак. Красников два раза хлопнул по его спине, сбить огонь не удалось. Сержант достал из карманов пистолет, документы, снял и кинул пиджак на землю.

Шатохин тем временем высматривал, где архитектор и его напарники. Они бежали от наступавшего огня. Середец и Мустафин - к месту засады, Игольников забирал в сторону, по лугу наискосок. Тоже к лесу, но туда, где оперативников не было.

- Ваши эти двое, - Шатохин указал на Середца и Мустафина.

- Товарищ майор, я с вами. У этих одна двухстволка, - попытался возразить Красников.

- Ты их карманы, рюкзак проверял? - парировал Шатохин. - Выполнять!

Архитектор бежал медленно, тяжело. Мешал груз, да и сказывалась усталость ночного похода по болоту. Шатохин быстро догонял.

Игольников обернулся, когда их разделяло около сотни шагов.

Увидеть за собой преследователя так близко он не ожидал. Однако среагировал тут же. С автоматом в руках всем корпусом повернулся к Шатохину.

В нескольких шагах от майора был небольшой стожок. Шатохин метнулся к нему, чуть упредив автоматную очередь.

Очень уж короткой какой-то была она. На слух Шатохин уловил это. Кончились патроны?

Он выглянул. Так и есть. Архитектор откинул пустую обойму и пытался достать запасную, опрометчиво засунув в вещмешок.

- Брось! Застрелю! - Шатохин кинулся к архитектору.

Тот подхватил рюкзак, побежал.

- Брось автомат! - Предупредительный выстрел прогремел в воздух.

Игольников не бросил, не остановился. Ближайшая от него копна метрах в сорока. Если спрячется, может успеть до-стать и переставить обойму. Нельзя допустить. Шатохин бежал изо всех сил.

Считанные шаги оставались Игольникову до укрытия, и столько же Шатохину до Игольникова. На бегу Игольников сумел-таки развязать тесемки рюкзака, вытащил запасной рожок. Оставалось только приладить его к автомату. Шатохин размахнулся, кинул карабин под ноги Игольникову.

Архитектор споткнулся, кувырком упал на землю, выпу-ская из рук обойму, рюкзак. Из раскрытого мешка посыпа-лись иконы. Но все это уже секундой позже. Шатохин ус-лышал выстрел. Левую ногу выше колена обожгло так, что он присел, обеими ладонями закрыв обожженное место. Между пальцами просочилась кровь.

Выстрелил его карабин. Как это могло случиться? Вроде, перед тем, как бросить, поставил на предохранитель.

Архитектор сидел в пяти шагах от Шатохина, тяжело ды-ша, смотрел на него мутноватыми от усталости и бессонни-цы глазами.

- Витя Войцеховский! Немедленно беги к реке. Беги пря-мо на солнце и выбежишь к реке, - зазвучал усиленный ме-гафоном женский голос, наверное, приехавшей учительни-цы. - Ты понял меня, Витя! Беги к реке. На Тасеевском лу-гу пожар.

Послышался и скоро пропал шум мотора. Должно быть, автобус уехал с территории бывшего Иветского острога.

Игольников посмотрел в сторону, откуда доносились зву-ки, потом взгляд его скользнул по карабину.

- А ну, отползи дальше, - Шатохин вынул из кобуры пи-столет, поставил на боевой взвод.

Игольников подчинился.

- Вот так... - Шатохин подвинулся вперед, подобрал ка-рабин. - А теперь вставай, пойдём.

Игольникову не нужно было повторять дважды.

Шатохин смог сделать несколько шагов. Острая боль в ноге повалила его около рюкзака.

- Подожди, - велел он.

Игольников обернулся. Страх промелькнул у него в гла-зах.

- Я не стрелял. Не я ранил. Я не виноват, - быстро заго-ворил Игольников.

Шатохин молчал.

- Я пойду... Пара минут - и все. Поздно будет. Видите, что творится, - продолжал Игольников. Глаза его смотрели то на бушующее невдалеке пламя, то на оружие в руке Ша-тохина. - Можно? - с опаской еще раз взглянув на пистолет,

не дождавшись разрешения, Игольников отступил, побежал прочь.

- Стоять! - голосом, которому нельзя было не подчиниться, остановил его Шатохин.

- Что, скучно одному? В компанию берешь? - овладев собой, сказал Игольников спокойно, даже насмешливо.

- Слышишь голоса?

- Ну?

- Туда и беги.

Игольников обрадованно кивнул, побежал. Шатохин с безразличием смотрел ему вслед.

- Алексей Михайлович! Товарищ майор! - звал теперь Шатохина в мегафон голос Хромова.

Можно было откликнуться выстрелами. Нет. Поздно! Даже если бы тут же сумели отыскать его, все равно поздно. Ему не помогут, и сами не сумеют уйти от огня.

Среди высыпавшихся из рюкзака икон сверху лежала икона Божьей Матери с прильнувшим к ней младенцем. Лик Богородицы был полон скорби.

Евгений МОРОЗОВ

НАЛОЖНИЦА

Из хроники личной жизни наркома Берия

ОТ АВТОРА

О личной жизни "сильных мира сего" всегда складывались легенды. Сначала рождались слухи. Потом они обрастали мыслимыми и немыслимыми подробностями. Это было хоть и любопытно, но все же бездоказательно. Слухи - они и есть слухи.

И вот, кажется, явилась редкая возможность познакомиться с личной жизнью одного из самых одиозных руководителей нашего государства с помощью чудом оставшегося в живых свидетеля.

Эту пожилую женщину привел в редакцию ныне покойный Николай Романович Хныкин.

- Вот, - сказал он. - Хочет поговорить с живым писателем.

И оставил нас вдвоем.

У женщины было умное, приятное, но очень грустное лицо. Седые локоны не старили, а скорее украшали ее. Редкого цвета глаза - голубые, с фиолетовым оттенком. Я ни разу не видел таких глаз. С минуту, наверное, она внимательно изучала меня. Не представилась и не спросила, кто я. Лишь расстегнула верхнюю пуговичку на шерстяной кофте.

Чуть помолчав, сказала:

- Хотите, я вам расскажу про Берия? Много лет ношу эту тайну. Уж немоготу...

Растерянно я взял со стола авторучку.

- Ничего не записывайте, - вздохнула она. - Это все равно не напечатают...

В то время, пожалуй, да. Не напечатали бы. Потому я и не торопился нести рукопись в газету или журнал. Но теперь, пятнадцать лет спустя, многое изменилось. Лишь история наша, подлинная, а не мнимая, осталась прежней. И право наше на ее познание стало реальным.

Записывать за ней было легко. Говорила она медленно,

тщательно подбирая слова и делая паузы, словно заново переживая каждый эпизод своей трагической судьбы...

Вот ее исповедь...

ОХОТНИКИ ЗА ТЕТЕРЕВАМИ

Я видела его еще в тридцать восьмом. Тогда мне было четырнадцать. Наш трудовой пионерский лагерь расположился на берегу узенькой Яузы. Кончался август, довольно теплый и сухой, лишь по ночам выпадали студёные росы. Много было в тот год кислых диких яблок, ежевики. На лесных полянках пламенели островками калина и шиповник. В зарослях прятались пушистые серые зайчата и молодые тетерева. А важные бородатые глухари даже не боялись нас, школьников. Кормились тут же в овражке отбросами кухни.

Задание у пионеров было несложное - запастись для аптек целебные ягоды и яблоки-кислушки, из которых потом на фабрике делали пастилу. Мы таскали свою добычу ведрами, сушили на расстеленном брезенте, и приезжавшая в лагерь полуторка почти ежедневно увозила дары леса в город.

В тот памятный воскресный день занялась в лесу стрельба, и завхоз пионерлагеря, старенький Ефим Евсеевич, тайно поведал:

- Сегодня за шиповником - ни-ни: охотники из наркомата понаехали. Насшибали тетеревов уйму. Сказывают, для Кремля. За речкой у них пир горой.

Никто из ребят и девчонок этому не удивился: охотники так охотники. У них своя жизнь, взрослая. У нас - своя.

Получился отменный день отдыха. Мы пекли на костре лесные яблочки, пили с сухарями заваренный травами и калиной душистый целебный чай. А к вечеру вдруг прикатили на черной легковушке развеселые военные, познакомились с нашей начальницей и врачом, и по лагерю прошел слух, что перед нами будет выступать небезызвестный дядя Петя Ермаков или "товарищ Маузер", который лично расстрелял царя Николая и всю царскую семью.

От этого сообщения стало не столько интересно, сколько страшно. Но попробуй кому признаться! Я дежурила по столовой, помогала мыть посуду, разносила обед по палаткам и сумела поближе рассмотреть гостей!

Самый важный из них - Лаврентий Павлович, с тонкими усиками и ростом совсем небольшой, в зеленом картузе, в мундире с карманами на груди и в пенсне. Почему-то он показался мне похожим на японца. А дядя Петя Ермаков все ходил и ходил нервно взад-вперед, как заведенный, и лицом

дергался. Он попросил у поварахи кружку горячего чая и сразу же ее выпил, как холодную воду. Мы даже удивились, как это он сумел.

Остальные гости - шофер Лаврентия Павловича и еще один военный, кавказец с хитрым лицом - ничего не пили и не ели. Шофер хотел закурить папиросу "Казбек", но Лаврентий Павлович сказал:

- Здесь нельзя. Дети...

На площадке, где весь день жгли пионерские костры, выстроились отряды. Дядя Петя Ермаков тяжело расхаживал туда-сюда. Его большие красные руки сжались в кулаки. Говорил он громко и резко.

- Каждый из вас должен быть беспощадным борцом за Советскую власть! Как мы, ваши отцы и деды. Царь Николай - наш классовый враг и потому, когда я навел на него маузер, рука не дрогнула. А царица вообще была немка!..

Отряды застыли, как неживые. В костре стрельнула головешка и полетели искры.

- А дети?

- Это кто спросил?! - дядя Петя вдруг перестал ходить и показался на фоне огня черным.

Из строя вытащили плачущего Гришку Коновалова и поставили перед строем.

- Вот, ребята! - указал на него большим пальцем дядя Петя Ермаков.

- Мальчик пока в младшей оздоровительной группе, - пояснила начальница. - И он не пионер...

Она пыталась объяснить, как младшие попали в трудовой лагерь, но Ермаков отрубил:

- Это не меняет дела!

Черная легковушка стояла под навесом около кухни. В ней сидели Лаврентий Павлович, военный и шофер. Военный что-то сказал.

- Поехали! - махнул рукой Берия.

- А Ермакова, что, не подождем? - спросил шофер.

- Пешком дойдет... Псих!

Заметно было, что Лаврентий Павлович не на шутку рассердился. Легковушка тронулась, пыля по наезженной дороге. Дядя Петя Ермаков сразу перестал выступать и кинулся за машиной. Но его так и не взяли.

Неподалеку от лагеря он разделся в ивовых кустах и, держа над головой одежду и сапоги, поплыл через холодную Язузу...

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

В июне сорок первого, с началом войны, я поступила на курсы медсестер. Как и многим, мне хотелось на фронт, хотя и не считала себя особо отважной. Скорее, наоборот. Боялась темноты и была суеверной. Но, говорят, стала красивой, да и фигуру Бог дал что надо. Правда, полноватую, не спортивную. Короче, бегать я не умела, не укладывалась в хронометраж, и тяжести поднимала плохо. Поэтому на медкомиссии меня забраковали, сказали:

- Потерпи годок, восемнадцать исполнится, тогда и посмотрим - готова ты к "труду и обороне" или нет.

Конечно, я понимала: они хотели меня уберечь - и пожилой военком, и врач, который назвал меня "голубоглазкой".

Мама, разделяя мои переживания, выхлопотала место медсестры на оборонном заводе. Москву осенью уже нередко бомбили, и на заводах случались убитые и раненые. Работы мне хватало. Я очень уставала, но была счастлива, потому что считала себя, как говорится, "в строю".

В середине октября нас стали спешно эвакуировать на Урал - и рабочих, и заводское оборудование. Мы с мамой сидели на узлах, ждали своего часа. От отца вестей давно не было, он пропал где-то под Смоленском. Стояли уже морозы, квартиры не отапливались, и в Москве стало голодно. Наконец с очередным эшелоном мы с мамой покинули столицу. И, как оказалось, навсегда...

В Свердловске уже хозяйничала зима. В казармах кровати в три яруса или просто деревянные нары. Я по-прежнему числилась медсестрой, а мама работала в сборочном танковом цехе и уставала безмерно.

Как раз ее-то цех и загорелся в январе сорок второго. План выпуска танков сразу упал. А чем это грозило в суровую военную пору, представить себе нетрудно. Со следственной комиссией НКВД приехал спецпоездом Берия. На пассажирской станции отцепили три наркомовских вагона и загнали в тупик. Местечко это называлось Холодной Балкой. Красноармейцы из батальона охраны, окружив вагоны живым кольцом, торчали на морозе день и ночь.

А Лаврентий Павлович и стройный молодой полковник Саркисов пришли на завод. Измученная бессонными ночами администрация во главе с высоким пожилым директором заранее трепетала. Парторг ЦК нервно морщился, у него отнялась рука, но в такой момент болеть никто не имел права.

- Диверсантов-либо найдут, либо нет, но пострадавших будет достаточно, - сказал он.

Каждый переживал ситуацию по-своему. Начальник танкового цеха сорвал с себя галстук.

- Господи, душно-то как...

Главный энергетик растерянно повторял:

- Почему загорелась проводка? Ведь новая линия!..

Главбух завода, толстый армянин с редкой фамилией Папасян, молча пил валерьянку.

- Катя, - попросил меня один из начальников вспомогательных цехов. - Принеси и мне что-нибудь успокоительное.

Нарком, не отогревшись с мороза и не посетив обгоревший цех, приказал всему руководству завода, включая парторга ЦК, сменных мастеров и даже бригадиров погоревшего цеха, выстроиться в коридоре в одну шеренгу. По ее краям встала охрана - рослые сержанты с алыми петлицами и нашивками на рукавах. А маленький, но очень важный Лаврентий Павлович в небрежно распахнутой утепленной шинели заложил руки за спину и, держа в них черные кожаные перчатки, ходил вдоль строя и немигающими глазами заглядывал каждому в лицо. Ничего не говорил. Лишь старался будто бы пронзить взглядом насквозь. За ним, как тень, неслышными шагами следовал полковник Саркисов. Под их взглядами люди неестественно напрягались, бледнели. Главбуха Папасяна резко качнуло, и он чуть не упал. На него первого и показал пальцем Берия.

- Взять!

- Вы арестованы! - повторил полковник Саркисов. И рослые военные тут же набросились на Папасяна, до хруста заломив ему руки за спину. В шеренге кто-то тяжело вздохнул, кто-то закашлялся.

Нарком подошел к директору:

- Стоит, понимаешь, как христосик!

- Вы арестованы! - повторил полковник Саркисов привычную фразу.

В первый день арестовали тринадцать человек. В число виновных попали не только управленцы, но и начальники цехов, даже те, кто не имел никакого отношения к аварии. Угодили под арест и сменные мастера, и бригадиры. Нарком не спрашивал, что это за люди и какую должность они занимают. Видимо, интуитивно решив, что они преступники, переубедить себя даже не пытался. Зачем? На второй день увезли еще восемь человек. Очевидцы из близлежащих к железной дороге поселков принесли на завод страшные вести. Из вагонов наркома НКВД слышались душераздираю-

щие крики и матерная ругань. В заснеженной Холодной Балке раздавались выстрелы. Кто-то видел, что трупы даже не хоронили, а забрасывали снегом. Но, со слов самих работников НКВД, стало известно, что для директора и главного бухгалтера муки еще не кончились: их повезут в Москву для особого расследования.

Завод жил в жуткой тревоге, в ожидании новых карательных акций. Рабочих мучили сомнения: виновно ли арестованное начальство? Об этом ходили тайные разговоры. Из тех, кого ставили в шеренгу, к концу недели осталось трое: главный инженер Тарасов, невысокого роста с лысинкой, невозмутимый человек - он смело и даже насмешливо смотрел наркому в глаза и этим, наверное, понравился Лаврентию Павловичу. Рядом с главным инженером неизменно находился парторг ЦК Гири́н. Выражение его лица было откровенно злым, парализованная рука висела, как плеть. Берия понимал, что в таком положении Гири́н - не работник, но парторгов ЦК без санкции товарища Сталина не очень-то арестуешь. Третьим счастливымчиком оказался молодой однорукий начальник термоцеха Георгий Ломако, успевший получить ранение на фронте. На груди его блестела звездочка Героя Советского Союза. Лаврентий Павлович долго смотрел на эту звездочку и затем, сделав два шага, остановился напротив Тарасова. Не мигая, как удав, с минуту изучал главного инженера.

- Теперь вы - директор.

- Спасибо за доверие!..

- Теперь можешь работать!

- Но с кем, товарищ нарком? - Тарасов, что называется, "держал марку".

- Тебе не кажется, что ты много говоришь?!

Лаврентий Павлович надел на маленькие холеные руки перчатки и быстро зашагал к выходу.

В тот же день нарком НКВД посетил заключенных, работавших на заводе. Среди них было много "политических", и они постоянно писали заявления с просьбой послать их на фронт - эту писанину необходимо было пресечь. Сталин по этому поводу как-то сказал: "Нам нужны танки, а не письма!" Наркому установка была ясна.

У заграждений комендатуры Лаврентий Павлович поранил палец о колючую проволоку. По этой причине привезли его в медпункт, где я осторожно достала обломок проволоки из пальца и, смазав ранку йодом, аккуратно наложила бинт. Сидя на табуретке, нарком внимательно смотрел на меня. Позади неслышно стояли полковник Саркисов и красноармейцы охраны.

- Где-то я видел тебя? - спросил Лаврентий Павлович. Улыбнувшись, я напомнила ему наш пионерский лагерь на Яузе, лесную охоту и товарища Ермакова.

- Ах да, было-было! - согласно закивал он. Память ему, вероятно, не отказала, и желтоватое лицо повеселело: - Как скачет время!..

...Час спустя меня арестовали. За мной приехал полковник Саркисов и приказал одеваться.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

...И вот я сижу в двухместном спецкупе наркомовского вагона на краешке застеленной полки. В купе жарко, но я в плюшевой маминной жакетке и валенках. С головы съехал козий полушалок. Пот капает с лица, но я словно его не чувствую. Состояние какое-то "подвешенное", в душе холодный страх. За что меня взяли?.. Поезд катит куда-то на запад, к Волге. Это я поняла по разговору за стенкой купе. Там находились Лаврентий Павлович и военные чины из команды НКВД. Кто-то громко смеялся, звенели стаканы, а я все слышу.

- Папасян на всех доносы написал. Я ему - "жить хочешь?" Он за чернила, - хвастался кто-то незнакомый. - А директор ни в чем не сознался, ничего не подписал. Дурак! Не курит, не пьет.

- Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет! - это голос полковника Саркисова.

- Так и поставили их всех рядышком в Холодной Балке вместе с Папасяном, - сообщил тот же незнакомый голос.

- Предварительно раздели? - справился нарком.

- Как приказано. Без штанов.

Лаврентий Павлович скупно засмеялся. Голос добавил:

- Этот Папасян все ползал на коленках и кричал: "Вы меня обманули. На Кавказе вас проклянут!"

- Да, Папасян - это не Баграмян! - с деланным сожалением произнес полковник Саркисов.

Лаврентий Павлович вдруг забеспокоился:

- Бумаги должны быть в порядке. "Сам" может их спросить.

- Понятно, товарищ нарком.

- Пора нам идти, - засуетился Саркисов.

- Да, товарищу наркому надо отдохнуть.

Слышно было, как военные поднялись, зашаркали сапогами.

- Спокойной ночи, Лаврентий Павлович.

Хлопнула дверь. За окном купе черная, как деготь, темень. Мне стало жутко. "За что арестовали?" Вопрос не давал покоя. "Кто я теперь? Куда везут?"

Лаврентий Павлович по-хозяйски вошел в купе, расстегнул китель и сердито посмотрел на меня.

- Раздевайся!

Я сделала вид, что не расслышала.

- Раздевайся, здесь топят, - повторил он.

Я послушалась.

- Есть хочешь?

- Воды бы...

В горле у меня пересохло. Волосы на висках - хоть выжимай. Он подал стакан холодной воды:

- На! Охладись!

Вагонные колеса глухо стучали, пол под ногами покачивался. Я страшно волновалась и никак не могла взять себя в руки. Зачем я ему? Что он задумал?

Лаврентий Павлович вновь посмотрел на меня темными с поволокой глазами. Он был заметно пьян.

- Ты умница?..

- Не знаю.

- Почему?

- Как его измеришь, ум...

- Раздевайся! - повторил он. - Будем мерить.

- Так я же раздетая.

- Раздевайся совсем.

- Зачем?

- Значит, ты дура?

Я пожалала плечами. И тут вдруг озарило: на мне были исподние марлевые, стеганные ватой, штаны. Это мы, медработники, так приспособились. Стало ясно, что кто-то меня продал: штаны из ворованной в военное время марли. Тут уж ничего не попишешь! Преступление налицо. Я испуганно прижалась к оконному столику. Не знала, что сказать и как поступить. Значит, вот почему меня взяли! И что теперь будет?!

- Ты жить хочешь? - спросил Лаврентий Павлович.

- Хочу.

- Тогда раздевайся.

Как последняя трусиха, я стянула с себя заношенное платье. Отвернулась от наркома: все-таки не так стыдно. Сорочки на мне не было, только отцовская майка. Мешковатая, сиськи наружу, и эти греховные марлевые штаны. Затыкая выпавшими приколками волосы, я испуганно оглянулась не него.

- И это все сними! - показал он на штаны.

Он, наконец, добился своего. Я по-прежнему отвернувшись, стояла перед ним в чем мать родила. И наивно думала: хорошо хоть он не обратил внимания на марлевые штаны. На вязанные, опять же из заводской ваты, чулки. Вся сжавшись, я старалась не смотреть на него. Когда же оглянулась, с ужасом увидела желтоватое лицо Лаврентия Павловича в довольной улыбке. Он тоже раздевался. И, странно, стал похож на подростка: тонкие руки и слабая шея. На груди черный клок шерсти. И до меня только теперь дошло: вот, значит, зачем я понадобилась. Мне стало еще страшней, чем прежде...

Дальше был ужас. Мне показалось, что я уже не на земле, а где-то там, в четвертом измерении. Он спяну совсем очумел... Ни сил не было, ни воли, чтобы сопротивляться. Расскажи кому - не поверят: ведь это нарком. Член правительства. Культурный, должно быть, человек... Кто бы увидел, что он творил со мной!

...Уже под утро, окончательно пьяный, он столкнул меня на пол и начал требовать чего-то еще. Я дико испугалась и стала кричать. Тогда он сильно ударил меня по лицу, выругавшись не по-русски...

НЕТ ПРАВИЛ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЙ

До сих пор не знаю, что меня спасло. Участь моя казалась предрешенной. Скотина, и та понимает, когда ей конец, а человек...

Днем за стенкой спального купе Лаврентий Павлович вновь принимал подчиненных. А с утра появился парикмахер-массажист, розовый, толстый, небольшого роста кавказец с куцыми, как у Берия, усиками (это уже подражание), и побрил, помассировал наркому лицо. Через плечо кавказца было перекинута теплая мягкая полотенце, и он весело угождал, зыря на меня темными глазками.

- Ты харашо выглядишь, Лаврентий, хотя провел медовую ночь!

Нарком молчал и казался строгим.

Тогда массажист вновь поймал мой взгляд. Руки его проворно тискали мягкую, с пучками волос спину Берия. А по моему состоянию он, вероятно, пытался понять, что же произошло ночью?..

- Девачка маладой, к культуре неприученный!

Нарком тоже покосился на меня.

"Боже, они еще говорят о культуре!" - подумала я, закрыв лицо ладонями, и, конечно, не сдержала слез.

- Мингрел тоже всегда должен быть молод! - отозвался неожиданно бодрым голосом Берия.

- Я тоже мингрел, но мне это не удастся, - льстиво пожаловался массажист. Его звали Ваню. Теперь он массировал наркому дряблую шею.

- Каждому свое! - согласился Лаврентий Павлович.

- Это еще в древнем Риме заметили.

- Люди живут на земле давно. Кто-то патриций, кто-то плебей. Так распорядился всевышний.

- Но у нас Бог - Верховный!

- Не возражаю! - косо улыбнулся нарком.

За разговором незаметно поднималось настроение Лаврентия Павловича. Обо мне собеседники как бы забыли или сделали вид, что меня нет. Ваню помассировал руки Берия, катая их между своих ладоней, затем помял ноги выше колен и под коленями, протер мягким влажным полотенцем узкую разруганную спину и, забрав со спальной полки смятые, в пятнах крови простыни, достал новые, жестко накрахмаленные (все это проделал он быстро) и, кивнув на меня, осторожно спросил:

- Ей надо помыться?

- Не надо, - отозвался нарком.

Я поняла, что женщина ему больше не нужна.

За окнами по-прежнему мела поземка. Поезд шел медленно. Иногда стоял, пропуская вперед фронтовые эшелоны с техникой, с теплушками, набитыми пополнением - молодыми и не очень молодыми солдатами. Из распахнутых дверей высывались красноармейцы в зеленых бушлатах. Командиры и комиссары - в полушубках. Директивы товарища Сталина соблюдались строго, не было исключения на перегонах даже поезду наркома. На душе у меня стало тоскливо: почему я не попала на фронт? Я отчетливо понимала, что судьба моя висит на волоске. Именно тогда я дала себе зарок: если только Бог спасет меня от расправы, я сделаю все, чтобы люди узнали подлинную сущность наркома Лаврентия Берия.

Мне не стыдно признаться и в другом: да, я комсомолка (а это слово было для меня не пустым звуком), но я встала в этом тесном купе на колени и молилась Богу со слезами на лице, и била поклоны, и просила у него милости.

Днем я задремала тревожным чутким сном, сидя на заправленной полке, кутаясь голым телом в накинутое платье. Очень хотелось есть. Ощущалась слабость. Были даже какие-то видения: черный липкий паук ползает по мне, и я никак не могу его стряхнуть.

Очнулась опять от звона стаканов, от разговоров в сосед-

нем купе. Сначала произносились тосты: "За отца родного, товарища Сталина! За Родину! За Победу! За здоровье наркома..." Наверное, водки было много. Кто-то хвалил свежую говядину - по карточкам такую не дают. А потом Лаврентий Павлович (он заметно был во хмелю) сказал:

- Где этот русский парень из роты охраны, поэт. Возьмите у старика Ваню гитару, и пусть он нам споет свои стихи.

Хрипловатая песня простуженного красноармейца наркому понравилась. Он захлопал в ладоши. Один куплет запомнился и мне:

Скачет Терек, как джигит -

На лихом коне,

Ты, кавказец, помоги

Разобраться мне.

Почему характер твой,

Как у Терека весной...

Красноармейцу налили стакан водки и выпроводили за дверь.

Потом слышно было как кто-то плясал лезгинку. Кто-то азартно подбадривал:

- Асса! - И подсвистывал.

Потом, видимо, настроение у Лаврентия Павловича испортилось, потому что собутыльники вдруг затихли.

- Хозяину плохо!

Пытались понять, отчего. Я с ужасом услышала, как полковник Саркисов, поскрипывая сапогами, осторожно спросил:

- Может, что-то веселое надумать с этой русской девкой?

Нарком не ответил.

- Не пора ли пустить ее по кругу? Я это заслужил первым.

Кто-то в угоду засмеялся, однако вновь стало тихо:

- Нет, Саркис, пока не будем пускать по кругу, твердо сказал нарком. - Где мы еще в дороге найдем такую куколку?

- Не найдем! - согласился кто-то.

- Ну, это как хозяин, так и мы, -- нашелся полковник Саркисов. В голосе его было разочарование.

Постепенно шумное застолье в купе за стенкой угасло. По движению воздуха чувствовалось, что там проветривают помещение. А ближе к обеду пришел за мной толстый и старый парикмахер Ваню и бесцеремонно, как ребенка, взял за руку.

- Пойдем, - тихо произнес он. - Примешь душ, переоденешься...

Никогда не забуду эти минуты блаженства. Теплая, как

парное молоко, вода придала силы. Я будто заново родилась. Толстый Ваню порылся в шкафу. Там на крючках висело множество чьих-то платьев, сорочек с тесемочками. В ящиках было полно туфель, резиновых бот и другой женской обуви. И старик Ваню нашел что-то подходящее: шелковую светлую сорочку и добротное платье - голубое с белым горошком.

- Вот это, пожалуй, будет как раз, - сказал он. И даже нашел однотонный пояс. И кожаные тапочки, тоже моего размера. Глазомер у Ваню был отменный.

- Теперь нада тебя покормить, а то вон как живот подвело, - кивнул он. - Начальство не догадается покормить. А сытый голодному не товарищ.

Он открыл ножом стеклянную баночку рыбных консервов и оторвал кусок белой мягкой лепешки.

- Это лаваш. Ты никогда такой не ела.

И, погладив меня отечески по мокрым волосам, вдруг воскликнул:

- Господи! Лишь бы дьявол не унес твою душу!

И растерянно засуетился, заваривая чай.

Я жадно ела консервы с лепешкой и запивала горячим сладким чаем. Конечно, торопилась, и на меня, наверное, смешно было смотреть. Но Ваню, деликатно отвернувшись к окну, украдкой наблюдал за мной и, вздыхая, покачивал головой.

- Совсем дитя! - вырвалось у него. И снова загрустил. Что-то этот добрый старый кавказец не договаривал. И еще... Откуда и почему в его шкафу столько женского платья, обуви? Чья это одежда? Кто носил ее?

Я понимала, что лучше ни о чем не спрашивать. И не думать о том, что со мной будет. Нынешний день - мой, и слава Богу.

И все-таки я не утерпела, доверилась старому кавказцу. Вопрос даже самой показался несдержанным:

- Что это он, нарком, персидский шах, если у него столько жен? Тут одежда, а где люди?!

- Э-э! - замахал руками Ваню. - Много в жизни лучше не знать, целей будешь. Мы маленькие люди, наше дело смотреть на жизнь вот так!

И он глянул на меня сквозь пальцы.

Потом меня снова отвели в спальное купе, а за стеной к вечеру опять началось застолье. Обмывались сводки Совинформбюро о зимнем наступлении под Москвой. "Как неожиданно Верховный собрал силы в кулак!" - восторгался полковник Саркисов. Нарком не был уверен, что успех удастся развить. "Придется еще помучаться, чтобы поставить Гит-

лера на колени, - говорил он, - Но инициативу товарищ Сталин не должен упустить”.

Вообще в прогнозах Лаврентий Павлович был осторожен: немцы летом и осенью очень напугали все наше руководство. Затем Саркисов за что-то ругал товарища Мехлиса. А Берия уже смешивал кавказские и русские слова.

- Давайте выпьем, - надоедно предлагал Саркисов. - За то, чтоб товарищ Мехлис всегда перед Верховным был плахой, а мы топором.

Уже поздно вечером опять пришел невозмутимый Ваню, заглянул ко мне, набрал полных бутылок вина и понес их за стенку:

- Осталось только сухое вино.

- Райский напиток! - услышала я голос наркома.

Разговор пошел обо мне.

- Понимаешь, Лаврентий... Эту русскую девочку кудесник создал. Что природе под силу, и большому мастеру не дано.

- Что ты хочешь сказать? - перебил нарком.

- У Лаврентия вкус есть, хачу сказать. Я такой стан не видел, а цвет глаз... Он же не просто галубой, а с фиолетовым оттенком ночи.

- Гляди-ка, он все увидел. Ай да старый Ваню! - вмешался Саркисов. Но тут же осекся - нарком не поддержал шутки.

- Что ты хочешь сказать? - повторил он вопрос старику Ваню.

- Для девачки нада сделать исключение.

Зазвенела тишина. Запели на замороженных рельсах колеса - поезд делал разворот.

- Может, и нада, - согласился Лаврентий Павлович.

Всю ночь он проспал в купе мертвецки пьяный. И только под утро вспомнил обо мне. Сдернул одеяло. И, как лысый бычок, долго рассматривал обтянутое сорочкой тело. Потом, шумно засопев, лег рядом...

ЖИВЫ БУДЕМ - НЕ УМРЕМ

На оцепленном охраной НКВД вокзале в Куйбышеве нарком, уже одетый в зимнюю генеральскую форму, сказал Саркисову:

- Ты помнишь, где была квартира в прошлый приезд?

- Так точно!

- Вот там и оставь эту куколку. Продуктовые карточки ей

пробей, спецпособие и срочную прописку. Действуй от моего имени.

- Значит, "исключение"? - косо усмехнулся полковник.

- Ваню сказал: Лаврентий имеет вкус.

- Этот Ваню всегда был фантазер.

- Тебе не кажется, что ты много говоришь? - строго покосился на него Лаврентий Павлович.

- Так точно! Виноват, товарищ нарком! - вытянулся "в струнку" Саркисов.

Над городом висело низкое серое небо. На товарной станции гулял резкий запах нефти. Цистерны с горючим чередовались с составами свежеспиленного соснового леса. Стратегический груз - на блиндажи, на мосты, на переправы. Окутываясь паром, то и дело гудели паровозы. Было морозно. И грузовые вагоны, и теплушки, из которых сортировщики формировали новые составы, казалось, катились не по рельсам, а по битому стеклу. Такой был колючий звук, что пугались вороны. Чего только не поставляла железная дорога на фронт: и горючее, и металл, и строительные материалы. Из комфортабельных пассажирских стояли только оцепленные охраной наркомовские вагоны.

В черной легковой машине меня покатали вдоль путей, затем долго везли по расчищенной дороге. Снегу было столько, что казалось по бокам сугробы метра по три и больше высотой. Сначала этой же машиной доставили в обком Лаврентия Павловича. В Куйбышеве еще находилась немалая часть правительства, которое выехало сюда в конце прошлого года, когда немцы стояли под Москвой. Ходили тайные слухи, что здесь строилось какое-то оборонное сооружение лично для товарища Сталина. Но что это такое - никто не знал.

Из обкома полковник Саркисов заехал в комендатуру города, и мы с шофером прождали его больше часа. И лишь потом меня повезли куда-то на окраину. Мимо бежали заполненные до отказа людьми старенькие трамваи. Краска на них потрескалась и облупилась от морозов. На подножках висели подростки и в таких же стеганых фуфайках и ватных штанах женщины. Все в одинаковых серых шапках, и потому не сразу определишь, кто какого пола. И еще народ казался низкорослым, худым - одежда на всех висела мешком. Смрадно пахло прокеросиненным дымом, который стелился по-над дорогой. Снег вдоль путей почти везде был грязным, даже черным, должно быть от угольной сажи и литейной пыли. Навстречу прошла колонна новеньких "ЗИСов" с секретным грузом - кузова плотно обтянуты брезентом. Очень низко пронеслись друг за другом три звена

"Илов". Рев от моторов как бы падал с неба. Два раза у полковника Саркисова проверяли документы.

Я поняла, что тут военный тыл организован еще строже, чем в Свердловске. И люди также готовят для фронта оборонную технику. И, наверное, у них такой же продолжительный, по двенадцать-четырнадцать часов, рабочий день и нет выходных. И, конечно, так же трудно и голодно в городе, как и в Сибири. Рабочим людям везде и всегда несладко живется. Но зачем тут нарком Берия? Неужели и в Куйбышеве что-то случилось, и беда будет оплачена чьей-то кровью?

На распечатанной от пломбы, нетопленной квартире в кирпичном двухэтажном доме полковник Саркисов оставил меня.

- Лучше будет, если не высовывать нос за дверь, - сказал он мне, проверяя пломбы на окнах и балконной двери.

Потом привезли в полуторке парикмахера-массажиста Ваню. Он же оказался и завхозом. С ним прикатил в красноармейской форме повар, тоже кавказец и тоже ростом, как и все - небольшой, не выше Лаврентия Павловича. Весь штат подобран будто по одной мерке. С полуторки стали сгружать в коробках и мешках продукты. Все озябли. Саркисов, растирая себе красный нос, сказал:

- Русская зима совсем спятила с ума, даже уши вянут.

И командовал:

- Нужно привести все в порядок. Подключить тепло и приготовить хороший обед. Нарком после нервной работы придет сюда отдыхать.

- А что тут случилось? - спросил наивно Ваню.

- Много будешь знать - скоро состаришься! - ответил полковник.

- А все-таки? - заупрямился Ваню. Солдатская шапка на голове сидела боком. Полушубок не сходился в талии, и потому не застегивался.

- Сгубит тебя темперамент, Ваню, - предупредил полковник Саркисов и почесал лоб. - Случилось то, чего не надо бы!

Он снял папаху, стряхнул с нее снег.

- Диверсия на железке. Какие-то твари отвинтили рельс. Паровоз и вагоны с рабочими завода упали с насыпи...

- Есть жертвы?

- А то нет!..

Полковник укатил на легковушке. А Ваню разводным ключом подсоединил батареи к общей сети отопления, и они, потрескивая, начали наполняться паром. Комнаты постепенно прогревались. Холодные окна сразу запотели, и я

не попевала протирать их полотенцем. К тому же затопил голландку с плитой повар, натаскав откуда-то березовых дров. Я, подогрев воду, начала уборку: вымыла полы, протерла пыль на мебели, на вещах. Красноармеец-повар подглядывал за мной из кухни темными кавказскими глазами, довольно улыбался и торопливо чистил картошку, напевая что-то по-своему. На плите в большом чугушке и в кастрюлях уже весело булькала вода, и вкусно пахло говядиной с приправой...

Вскоре приехал с Саркисовым Лаврентий Павлович. Он был очень злой, с серым волчьим лицом. Губы дергались. Глаза остро сверкали через стекла пенсне. Лучше бы не попадаться ему на глаза. Он прошагал грязными сапогами и вытоптал вымытый мною пол, даже не заметив чистоту и уют в комнатах. "Где он нашел грязь и глину - на улице зима и такой мороз?" - почему-то подумала я. А подчиненные и слуги в квартире молчали, словно набрали в рот воды. Даже полковник Саркисов молчал. Один Ваню угодливо и проворно суетился возле наркома:

- Лаврентий, где так испачкался? - взялся он за сапоги. - Давай помоем! Пол чистый. Девочка навела порядок.

Взгляд Берия потеплел:

- А-а, - глянул на сапоги. - В бункер товарища Сталина ходил. Ни черта не готово! - закусил он губу, даже не заметив, что выдал сверттайну.

Полковник Саркисов, насторожившись, смотрел на него.

- Обед подавать, Лаврентий? - спросил окончательно осмелевший Ваню. - У нас нынче азу.

Берия отрицательно и грустно помотал головой.

- Нет.

И посмотрел на наручные немецкие часы. Одна бровь его поднялась.

- Верховный срочно вызвал в Москву. Зачем?! - озадаченно пожал он плечами. - Самолет уже готовят на заводском аэродроме.

- А мы как? - спросил полковник Саркисов.

- Ты полетишь со мной. Команда поедет поездом.

Потом он глянул на меня.

- Куколку, Ваню, оставь тут. Так надо.

Нарком опять посмотрел на часы и стал одеваться.

Вот так неожиданно прояснилась моя судьба. Я даже не знаю, кого за это благодарить. Уже через день я жила в наркомовской квартире одна, с непривычки пугаясь тишины и просторов помещения.

ЖЕНЩИНА НАРКОМА

После отъезда наркома в дом прибыла охрана: два рослых красноармейца НКВД с нашивками на рукаве и майор Самсонов, по-видимому, из местных тыловых органов. Лицо его не имело ни малейших признаков интеллекта, поросячьи глазки широко расставлены, брови и ресницы - белые. Алея румяными с мороза щеками и сняв шапку, как бы желая похвастаться лысиной с тремя волосинками на макушке, он многозначительно произнес:

- Та-ак!..

И стал выделять около меня петушинные круги, слегка подталкивая меня плечом:

- Хэк!

И крутил удивленно головой.

Только эти два слова и запомнились мне. Естественно, майор сразу вызвал подозрения у Ваню, и тот тихо сказал ему:

- Слушай, дарагой "хэк"! Эта женщина наркома... и возможна пострадать даже за одно слово. Ты понял меня?

Майор Самсонов исчез как-то моментально, словно его прошиб понос. И с тех пор я не могу разобраться, кто же по званию старше - майор НКВД или парикмахер наркома?

Во второй половине дня опять произошло событие большой важности.

Старик Ваню куда-то ушел, кажется, на базарную толкучку. Ему нужны были инструменты для стрижки и бритвы. Вернувшись, он принес немецкую бритву "Золинген" и запасные части для машинки, которой стригут волосы на голове. Мне он принес комнатные тапочки.

Лицо у Ваню после городской прогулки было очень встревоженным. Он зашел в мою комнату и прикрыл за собой дверь.

- Ты тайну беречь умеешь? - спросил он.

- Умею, - твердо сказала я.

- Я тебе верю...

Он посмотрел мне в глаза тоскливым болезненным взглядом и вынул что-то из кармана.

- Я по-русски читаю плохо. Только печатный слово, - признался он. - А ты прочитай мне вот эту записку.

И подал смятый бумажный шарик.

Я расправила его и с трудом разобрала строчки. Они прыгали и наползали одна на другую. Записка писалась, наверное, на весу или на чьей-то спине. И писавший торопился. Некоторые буквы были продавлены, слова плохо раз-

борчивы, вероятно, от сырых пятен на листочке. "Отец, - писал кто-то. - Нарком тут, и ты, наверное, тут. Вытащи меня из подземных работ. Может, у тебя получится? Скажи Лаврентию, буду молчать до гроба. Я же понимаю, бункер - это большая тайна. Если надо, буду немой. Слово мингрела! Жить охота, а мы тут все смертники".

Подписи на записке не было. Однако старик Ваню от напряжения весь затрясся, вытер кулаком слезы. И скомкав клочок бумаги, спрятал ее в брючный карман. На старом морщинистом лице отразилась боль.

- Наркому ни слова о записке! - приказал он. - Ты мне ничего не читала. Иначе обоим будет плохо.

СЕАНС ОДНОВРЕМЕННОЙ ИГРЫ

В Куйбышеве я жила уже неделю. Однако письмо матери мне отослать не разрешили. С почты пришла пожилая женщина в форме и сказала:

- Никаких писем и никаких гостей, ты под домашним арестом, - и показала мне служебное удостоверение.

Лишь через полтора месяца старший лейтенант НКВД привез мне из Свердловска паспорт и трудовую книжку. На вопрос: "Как там мама?" ни слова не ответил. Даже взглядом не удостоил. До слез было обидно: что за высокомерие! Хотя и сам нарком, Лаврентий Павлович, который спал со мной, ни разу не спросил даже, как меня зовут.

Я попыталась поступить на оборонный завод, который был поблизости, но мне вежливо отказали, хотя рабочих рук не хватало. Больше того, на заводе нужна была медсестра. Что же это? Чей-то приказ не брать меня? Или просто случайность? Объяснить себе это я не могла. Тогда я стала тайком ездить по утрам в тыловую госпиталь, расположенный в старинном здании в центре города. Пропадала там сутками, делала перевязки, убиралась в забитых битком палатах. Надо сказать, что среди таких добровольных чернорабочих госпиталя я была не одинока. Не последнюю роль играло бесплатное питание при госпитале и крыша над головой. Многие вдовы женщины и девушки здесь жили. И в конце концов меня официально зачислили в штат. Никто никаких претензий к моему оформлению на работу не имел.

Шли месяцы. Казалось, органы НКВД обо мне забыли. Дома никто не тревожил, ко мне никого не подсаляли, хотя жила я довольно просторно, в двух комнатах с отдельной кухней.

Соседки по дому судачили:

- Раньше-то жилье пустовало, печатывалось. Теперь туда уборщицу нашли...

Такие разговоры меня устраивали.

Но однажды вдруг снова заявила начальница почты со своим особым удостоверением:

- До меня дошли слухи, что ты работаешь?..

Однако теперь я была уже посмелей.

- Вас кто прикрепил ко мне? - сердито спросила я. - Майор Самсонов?

- Да, - призналась она.

Это мне и нужно было.

- Идите вы вместе с Самсоновым, знаете куда?! И чтобы духу вашего...

- Хорошо, я доложу! - постращала она.

- Доложите... Только назовите вашу фамилию? - Я достала из сумочки блокнот и карандаш.

Начальница почты не ответила, но поторопилась уйти. После этого я стала еще смелей, пальца в рот не клади. А в госпитале у меня появились тайные подруги, с которыми мы в свободную минуту пили морковный чай. Но о себе: кто я и зачем в Куйбышеве, конечно же, не рассказывала. Не только потому, что был устный приказ полковника Саркисова "молчать как рыба", но и потому, что стыдно было кого-то посвящать в свои интимные связи. Кто я после всего, что со мной случилось? Обыкновенная "прости господи" - хотя и не по своей вине.

Лишь через четыре с половиной месяца за мной приехала в госпиталь знакомая черная легковушка, в которой находился полковник Саркисов. Он заметно отъелся на тыловых харчах. Меня сняли с дежурства и повезли домой.

- Тебе кто разрешил работать?! - сразу же напал на меня полковник.

- Я сама.

- Но тебя предупреждали?

- Нарком не предупреждал.

- Это что же... Ты палагаешь, нарком будет тобой заниматься?! - от волнения его кавказский акцент стал еще заметнее...

- Пока занимается.

- Слушай... Ты маладец! Больше сказать ничего не могу! - развел он картинно руками. Шофер от души хохотал за рулем.

На квартире Лаврентия Павловича не было. Но черноглазый кавказец-повар уже приготовил обед. На плите дымился ароматный плов, бормотал в кастрюле жирный рассольник и густо пахло компотом.

- Какой же у нас сегодня праздник? - спросила я. Мне хотелось увидеть старика Ваню. Я соскучилась только по нему, доброму и, скорее всего, несчастному, как и я, человеку. Но Ваню не было. И мне никто не мог сказать, где он.

В дальнейкомнате, за проходным залом, где я все эти месяцы спала, сидела очень красивая светловолосая девушка лет двадцати. Лицо ее было курносое, с большими зеленоватыми глазами. Она заметно нервничала, ходила из угла в угол и хрустела пальцами рук. Одежда ее была неброской, но черная юбчонка подчеркивала ее ладную фигурку, а белая блузка и розовая кофточка фабричной вязки делали лицо девушки строгим и умным. Ее большие испуганные глаза глянули на меня с надеждой.

- Ты кто? - спросила она.

- Катя Репнева, - ответила я как можно дружелюбнее.

- Ты здесь живешь?

- Да.

Она подошла к окну, глянула вниз. Там толпились красноармейцы охраны. Девушка заметно напряглась.

- А ты кто? - спросила я.

- Я Вера Локоткова. С топливного завода. Не знаю, за что-то арестовали и привезли сюда.

- Ничего, узнаешь! - горько улыбнулась я.

Был какой-то тревожный день. Военное лето сорок второго вообще выдалось трудным. Немцы ломались на Кавказ. Над Куйбышевом постоянно появлялись ночные самолеты-разведчики. Ходили слухи, что на топливном заводе ЧП - сгорела емкость с горючим. Однако не только по этой причине прибыл сюда нарком НКВД. Приезд, вероятно, был связан с окончанием строительства бункера для товарища Сталина. Я догадывалась, что там имелась резиденция и для наркома Берия.

Однако при всей своей занятости Лаврентий Павлович не мог обойтись без женщин. У меня было нехорошее предчувствие. И мучил вопрос: зачем нас двое?

Откровенного разговора с Верой не получилось. Меня уже научили не доверять людям, и потому я осторожничала.

Лаврентий Павлович приехал вечером. Как обычно с наркомом был полковник Саркисов. Лаврентий Павлович таскал его за собой, как хвост. Одеты они были в этот приезд неряшливо, хотя Берия любил опрятную, порой щегольскую одежду. Большое московское начальство сопровождали два местных мордастых майора! В званиях я уже научилась разбираться. Мы с Верой стояли у окна и, конечно, обе нервничали.

- Ну вот, - грустно сказала я. - И для нас наступил праздник.

- Какой?! - испуганно спросила Вера, инстинктивно запахнув кофточку. - Что будет?

Я не ответила. Не хотелось говорить...

Естественно, за стол нас не пригласили. У кавказцев не принято делить трапезу с женщинами. Тем более с пленницами. А нас, арестованных ни за что ни про что девченок, Лаврентий Павлович и не считал за людей.

На этот раз пир был не долгим и не шумным. Напряженная обстановка на фронтах не позволяла расслабляться и крупным начальникам. На окнах - светомаскировка, над заводами - аэростаты заграждения. И Лаврентий Павлович обреченным голосом протянул:

- Довоевались!

Затем разговор касался лишь работы НКВД. О нас, пленницах, никто не произнес ни слова.

- Как топливный завод? - спросил нарком.

- Шумит.

- Все арестованные подписали признание?..

- Нет, никак не выьем, - отозвался один из майоров. - Этот начальник заводской охраны - железный старик.

- Как вы работаете! - Лаврентий Павлович зазвенел вилкой. - Нада бистрей, а вы церемонитесь...

За столом стало тихо.

- Люди-то разные, товарищ нарком, - выдавил из себя тот же майор. - Все руки отбил о черепа. Зубов только с сотню выбил.

- Ничего. Я тебя к награде представлю, - пообещал Берия. - А теперь хватит сидеть. Всем на отдых.

Первым шумно поднялся из-за стола молчаливый в этот день полковник Саркисов.

- Завтра явиться к восьми?

- Да, будем искать этого беглеца из бункера, - сказал нарком и выругался, - козлы, а не стража!

Снова стало тихо.

- Приятного отдыха, Лаврентий! - пожелал полковник Саркисов.

Нечасто он называл наркома по имени. А мы с Верой сжались в соседней комнате в два беспомощных комочка. Значит, пришло наше время...

Нарком не спешил. Накинув китель, проводил гостей и, вероятно, проверил часовых. Вернувшись, запер дверь на задвижку.

- Иди сюда! - резко позвал он.

- Вы кого, меня? - выскочила я в просторную кухню.

- Да, - сказал он. - Сними с меня сапоги.

Я, наверное, сильно потянула и чуть не стащила наркома со стула. Он недовольно выругался на своем языке. Подставил другую ногу. Прошагал в спальную комнату в тонких вязаных белых носках. На ходу снял китель, повесил привычным движением на вешалку. И бесцеремонно стал расстегивать галифе. Мы обе, Вера и я, широко раскрытыми глазами смотрели на него.

- Чего ждете? Раздевайтесь! - приказал он. - И готовьте постели.

Кроватей было две. Я как-то невольно глянула на них и спросила:

- Зачем же обоим раздеваться?!

- Значит, вас двое? - притворно удивился Лаврентий Павлович. - Ай, какая новость! Их двое!

Он вяло улыбнулся.

- Я не буду раздеваться! - сказала Вера. - Хоть убейте!..

- Убить можно, - нарком снял пенсне, протер стекла полкой майки и, посадив оптику обратно на нос, нацелил взгляд на Веру.

- Кто тут не хочет раздеваться? - строго спросил он, и вдруг начал смеяться громко и как-то неестественно. Потом, все так же хохоча, начал приседать, хлопая ладонями о колени, и крутить головой.

- Ой, держите меня, я же упаду!

Мне стало страшно, и я быстро сказала:

- Раздевайся, Вера, иного пути нет.

- Она права, - показал на меня пальцем Лаврентий Павлович.

- Я не хѳчу! - продолжала сопротивляться Вера.

- А тебя кто спросил?! - Лаврентий Павлович вдруг перестал смеяться. Эта перемена не предвещала ничего хорошего. - Ишь, цаца из Кутаиси!

Что означала эта фраза, мы не поняли, Вера решила не испытывать судьбу и нехотя сняла кофточку, потом блузку. Черная юбка туго шла в бедрах. И Лаврентий Павлович хлопал ее по задку. Вера машинально ударила его по руке.

- Ого! - удивился нарком. - Меня никто никогда не бил! - поднял он указательный палец. - Лишь однажды в детстве Серго Асхи расквасил мне нос. Тридцать два года спустя я нашел Серго Асхи, учителя школы. Мои люди поставили его к стенке. Я гаварю, извинись, Серго, и я отпущу тебя. Но он, падлец, так и не извинился.

Он почти ласково смотрел на Веру, полураздетую, застывшую в оцепенении:

- Слушай, снимай штанишки, не стесняйся!

Вера посмотрела на меня, уже сидевшую голой в постели, готовую ко всему и, покраснев до ушей, предстала перед маленьким наркомом в первозданном виде.

- Вот так, - довольно сказал он. - А то упрямисься. Великие балерины считали за честь переспать со мной. И я им делал "нартюрмод", как маладой.

- Они же боялись! - отозвалась Вера.

- Конечно, боялись. Все боятся, но ложатся...

И вдруг Вера бухнулась перед ним на колени.

- Пожалейте! Мне так страшно. Очень прошу вас!..

- Конечно, пожалею. Зачем стоишь? Лажись, жалеть буду...

Всклипывая, Вера послушалась. Лаврентий Павлович стянул с себя майку и трусы.

- Ну, чем не джигит?! - похвалился он.

...Но терзал ее долго, с остервенением. Закрыв ладонями глаза, Вера стонала и кусала себе губы.

Это Лаврентию Павловичу не понравилось.

- Ты что ноешь? Тебя режут? - обиделся он. - Ей приятное делают, а она ойкает!..

Вера отвернула лицо к стенке и затихла. Будто ее не стало. А нарком, казалось, сошел с ума.

Я словно потеряла рассудок. У цинизма нет границ - это понятно. Но наблюдать подобную сцену оказалось еще трудней, чем быть наложницей. Я взмокла вся, издергалась, сердце готово было выпрыгнуть из груди.

- Может, погасить свет? - предложила я.

- Не надо! - горячо отозвался Лаврентий Павлович. - Я хочу видеть ваши глаза, ваши слезы. Ишь, обиженные, ко-ко-ко! Для чего же вы тагда есть? Кто-то должен вас топтать.

Он еще что-то ворчал, прихватив трусы и удалившись на кухню, но слов я не рязобрала. Потом он отдыхал, сидя за столом. Ел соленые греческие маслины, звонко бросая косточки в тарелку. Этих маслин, как и водки, и вина, в вагоне наркома был хороший запас. Как мужчина, он всегда быстро набирался сил.

- Боже мой... Боже мой... - стонала Вера. И каталась по постели, завернувшись в простынь. Я ей сочувствовала: и по мне когда-то проехали трактором. И слезы сопереживания бежали по моему лицу.

А потом и мне досталось "по первое число". Хотя надо признаться, было полегче, чем в поезде. Душу он мне уже развратил и, казалось, теперь все равно, что со мной происходит. И я даже пыталась ему угодить, чтобы скорее отстал. Он же понимал это по-своему.

- Вот видишь, какая ты умница, - он даже поцеловал меня. - Мы с тобой будем жить-не тужить!

И горячо, по-хмельному, дышал мне в грудь. А меня до- нимала шальная мысль: "Хорошо, что он маленький, не бугай и не лезет с поцелуями".

Впрочем, не обошли нас с Верой в ту ночь не только "сеансы одновременной игры", но и другие извращения, милые сердцу наркома. И оставшись утром одни, мы до сыта наплакались и плевались до рвоты. Стыдно и горько было...

На Вере не было лица. Я гладила ей, как маленькой, голову:

- Успокойся. Этим себе не поможешь.

- Что с нами будет? Разве этот упырь оставит живых свидетелей?.. - подумала вслух Вера.

Мне нечего ей было ответить.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВАНО

Вскоре прикатили с железнодорожной станции на пол- уторке Ваню и молоденький повар-кавказец. Кажется, его звали Гиви. Привезли мешки с картошкой, крупами и коробки с консервами, приправами. И еще заклеенный прозрачной бумагой портрет Сталина. Весь груз моментально перетаскали наверх, в квартиру.

Я не сразу его узнала. Личный парикмахер наркома ужасно похудел. Живот ему будто кто обтесал, а лицо стало дряблым и серым.

- Ну как жива-здоровая, девачка? - обнял он меня.

- Пока жива...

- А Ваню, видишь, совсем другой стал, совсем палавина от Ваню осталась.

- Жизнь не всегда мед, - согласилась я, с грустью глядя на старика.

Повар тут же принялся за дело - работы у него всегда выше головы, и разговоры разводить некогда. Его привозили, чтоб приготовить вкусный обед, потом выпроваживали. У каждого своя роль. По виду старика Ваню я поняла, что он хочет мне что-то сообщить. И потому схитрила:

- У нас кончились дрова, - сказала я. - Ваню, пойдете в сарай или вы устали?..

- Зачем устал! Нада, так нада, - обрадованно поднялся он со стула и заторопился за мной вниз по лестнице.

И вот мы сидим на березовых плашках и, поглядывая на распахнутую дверь сарая, из которой видны красноармейцы охраны, беседуем.

- Помнишь то письмо, бумажный шарик, - заторопился Ваню.

- Конечно, - киваю я, набирая на руку колотые поленья.

- Так вот... Лаврентий мне сказал. Гаварит, если Верховный узнает, что мы нарушили государственную тайну, знаешь что будет? Как не знать! - вытер мокрые глаза Ваню. - Но сын есть сын!..

Расстроженное состояние его передалось мне. Я роняю из рук поленья и набираю их вновь.

- Хоть знаешь что о сыне?

- Недавня узнал... Вывели всех эзков еще зимой на лед. Заранее приготовили длинную прорубь. И сначала рабочих, прямо в фуфайках, в стеганых штанах - живых под лед. Потом охрану. Чтоб никаких следов, никаких разговоров про бункер. Исполнитель - какой-то майор Самсонов из НКВД. Вчера полковник Саркисов расстрелял его. Чтоб никаких следов, - повторил тихим голосом Ваню.

С минуту он сидел неподвижно. Затем взял у меня из рук поленья.

- Все-таки убежал кто-то из охраны. Из памошников майора Самсонова. Теперь его ищут.

Это я уже слышала из разговоров наркома со своей командой. И потому поверила Ваню, каждому его слову.

Он неторопливо нес дрова и дважды сильно покачнулся.

- Что ж, нада жить дальше, - сказал он тихо. - Увлечлись мы. Охранники вон подозрительно смотрят.

- Пусть смотрят, - равнодушно отозвалась я.

И тоже понесла поленья, забыв замкнуть на задвижку дверь сарая. Ветер уже баловался ею, и ржавые петли поскрипывали.

ЖЕРТВА МИНОТАВРА

Как-то раз в течение тех трех дней, пока нарком находился в Куйбышеве, мы опять остались с Верой в квартире на какое-то время одни. Я пошла в магазин отоваривать хлебные карточки. Мне такие отлучки разрешались. Казенных продуктов, конечно, хватало, но не пропадать же трехсотграммовому иждивенческому пайку. Без московских гостей я жила не очень-то сытно. Если бы не помогал тайными подачками старик Ваню, вообще, наверное, сложно было бы выжить. Военное время на Волге было страшным и голодным. Но одно ценное преимущество есть у женщин - они мало едят. Поклюют, как курочки, и ладно.

Вернувшись, я, к удивлению своему, обнаружила, что ох-

раны нет, квартира на замке. Значит, нарком со своей свитой укатил в Москву. Но куда же делась Вера Локоткова? Я открыла квартиру личным ключом, который всегда носила при себе, походила по комнатам: ни записки, ни какого-нибудь намека на то, что тут случилось. Я подумала, что сбежать Вера не могла. Скорее всего, отдал ее Лаврентий Павлович, как многих, "по кругу". Мне сразу стало душно в квартире. Я распахнула окно и долго сидела неподвижно на стуле. Как-то очень скоро мы сумели подружиться: две подруги по несчастью. Да и что нам было делить? Издевательства наркома? На двоих их доставалось все-таки меньше. Я, грешным делом, еще надеялась, что когда команда Бария уедет в Москву, мы останемся вдвоем. Веселей будет жить в этом чужом для меня городе, в этой домашней тюрьме.

От нашего здания спускалась к реке Самарке ухоженная аллея. Вероятно, до войны она была любимым местом отдыха местных жителей. По слухам, народ собирался здесь в воскресные летние дни семьями. Под березами серели брошенные, давно не крашенные беседки и скамейки, еще не разрушенные окончательно песочные горки. Этим летом березки и клены уже успели зарости бурьяном. Выходные дни в военном тылу давно отменили. И аллея казалась безлюдной. Лишь изредка искали там первые летние грибы одинокие голодные старухи, которые по ветхости своей не могли работать ни на заводе, ни в подсобных хозяйствах. Чего только они не ели в войну и чем не перебивались - и разные травы, и корешки сусака - из него получалась каша, из крапивы варили витаминные щи. Бабка Авдотья, что жила в тесной каморке на первом этаже, неделю назад получила похоронку на внука и не знала куда себя деть. Вернувшись с аллеи, она несдержанно шумела:

- Что творится у нас, бабы! Военные из НКВД затащили девку в черную легковушку и дерут по очереди, что кобели. Она орет, сердешная, а энтим тыловым бандюгам хоть бы хны.

Бабка поставила на крыльцо пустую плетеную кошелку, стащила с седой головы платок.

- Вот защитнички, мать их в душу! Ни креста на них, ни совести.

Надо в комендатуру заявить, может, поймают когс...

Сбежался народ, в основном женщины и детвора. Мальчишки, что повзрослей, мелькая босыми ногами, помчались смотреть, что за представление там в аллее. Вернувшись вскоре, доложили:

- Уехали! И девку увезли! Она тока в кофточке, а юбки нет. На лице кровь. Губы разбиты.

Мальчонка помоложе стращал:

- Один военный с усами кричит - кышь отсюда, мелюзга!
И наган достал. Тут уж давай Бог ноги...

Я не помню, как оказалась в деревянном сарае. Заперлась на крючок. Тело все тряслось, как в лихорадке. Перед глазами радужные круги. Теперь-то, конечно, я поняла, куда делась Вера Локоткова. И, упав на колени, стала креститься на дощатую дверь:

- Господи, помоги, избавь от лютого надругательства, лучше убей сразу.

Таким было мое потрясение.

Молитва не помогла. Я нашла в углу тонкую грязную веревку. Расправила ее, сделала петлю и, шаря глазами по стропилам, нашла перекладину, за которую привязала другой конец веревки.

Теперь не застанут меня врасплох. если начнут искать, успею уйти от них навсегда.

Я просидела в сарае до утра...

...Команда наркома так и не появилась. Вероятно, Лаврентий Павлович, как всегда, неожиданно укатил в Москву и забрал всех слуг с собой. Но пропала куда-то бабка Авдотья. Никто ее с того вечера, когда она шумела во дворе, не видел. И я только пожимала плечами: кому старуха-то понадобилась? Незапертая ее камсрка с неделю пустовала. Затем пришел местный участковый с начальником ЖКО, и комнатка была опечатана. А через день уже обитали в ней новые жильцы: какой-то одноногий инвалид в застиранной гимнастерке с тихой женушкой.

Я никак не могла оправиться от страха. "Как просто и бесследно уходят люди, - растерянно думала я. - И никому до этого нет дела". Все-таки меня не оставляла надежда: может, Веру подобрали и отвезли в какую-нибудь ближайшую заводскую клинику? Я обошла несколько таких лечебниц, но нигде никто не видел белокурую девушку. Одиночество и беспокойство души терзали меня. Я не могла спать, без причины плакала. И конечно же, отправилась в госпиталь. Однако на работе меня не восстановили. С наркомом НКВД связываться никто не хотел. Начальник госпиталя, пожилая женщина в полковничьем мундире и накинута на плечи халате, почти никогда не расставалась с папироской. Поморщив лоб, она посмотрела на меня и коротко сказала:

- Не могу, голубушка!

И поллюбопытствовала, сунув папиросу в пепельницу.

- Вы что, родственница Лаврентию Павловичу?

- Да, вроде этого, - отозвалась я с иронией.

Возвращалась из госпиталя униженная, разбитая, словно

в полубреду. "Зачем такая жизнь! Мое позорное положение никогда не кончится, а если все-таки оборвется, то, наверное, как у Веры. И никто не узнает, куда я денусь".

Я так задумалась, что проехала до конечной остановки трамвая. Тут, у рельсового кольца собралось много людей, в основном детворы и пожилых женщин. Меня привлек их общий разговор:

- На Самарке, на отмели, женщину нашли. Полуголую. Только в кофточке. Вроде, молодая, светловолосая... Убитая выстрелом в затылок...

- Почему вы решили, что убитая, - спросил какой-то интеллигентный старичок.

- Так целый пучок волос на затылке выгорел. Я - фронтовичка. Знаю, когда это бывает... Коренастая женщина опиралась на посошок и заметно хромала.

Меня как ветром сдуло с остановки. Не помня себя, кинулась по чахлому тут лесочку к реке. На берегу ещё не разошлась толпа. Люди подходили к самой воде, где торчали зеленые камыши, и на что-то смотрели. Затем отходили. Участковый, уже знакомый мне пожилой мужчина, который печатывал квартиру бабки Авдотьи, спрашивал подходивших людей.

- Может, опознает кто погибшую?! Ни документов, ни одежды... Откуда только она тут взялась?!

Я приблизилась к мокрому распластанному телу. И едва не упала. Люди подхватили меня, усадили на выброшенную рекой лесину. Конечно же, я сразу узнала Веру, но сказать об этом - значит подписать себе смертный приговор. Стиснув зубы, я молчала, не в силах ничем помочь своей случайной подружке.

ПОКУШЕНИЕ

После войны началось что-то невероятное. Беспощадно снимали с должностей заслуженных людей - директоров заводов. А ведь многие из них спасли страну, создавая в тяжелейших условиях оружие победы: легендарный танк Т-34, знаменитую "Катюшу" и штурмовик Ил-2, родина которого - город Куйбышев. Дошла очередь и до директора подшипникового завода. На этом предприятии я работала последние три года. Мне было искренне жаль его. Он исчез так же тихо и бесследно, как исчезли многие в то смутное время...

Единственным гостем в квартире, где я жила как пленница, был портрет Сталина, который я то вешала на стену, как икону, то убирала в чехол. Я не знала как поступить:

портрет вождя привезли еще в сорок втором Ваню с поваром Гиви и оставили в углу. Я пыталась угадать, где же место великого человека теперь? В нашей стране всегда было сложно с разгадками. Сегодня человек "на коне", а завтра - "враг народа". В местных газетах и по радио склоняли имя еще одного директора - авиационного завода - Михаила Сергеевича Жезлова, Героя Соцтруда - и ему был предопределен тяжкий путь в неизвестность.

В народе бытовало мнение: у товарища Сталина вырос большой зуб на директоров-евреев. Истинных причин репрессий никто не знал. Вероятно, для того, чтобы придать репрессиям видимость законности и как-то документально подтвердить обвинение целой группе врагов народа, в Куйбышев опять прикатил Берия. О бункере уже не было никаких разговоров, словно о нем забыли. Пришла Победа. Убежище товарищу Сталину не понадобилось. И напрасными оказались средства, потраченные на подземное величие, напрасно были казнены сотни безвестных строителей.

С наркомом прибыл полковник Саркисов и еще какой-то довольно молодой полковник, которого я видела впервые. Новая форма с генеральскими погонами делала Лаврентия Павловича неузнаваемым. Он казался даже выше ростом и свежей лицом: исчезли мешки под глазами и желтизна щек. Усов тоже не было...

- Что-то ты постарела, - сказал он, оглядев меня с ног до головы. - Опять работаешь?!

- А чем жить? - отозвалась я.

- Я пособие назначил, - напомнил он.

- Я от него отказалась еще в сорок втором. Руки есть, ноги есть, зачем пособие?

- Ну и зря, - сказал он. И внимательно, с подозрением посмотрел на меня. - Учти, я старух не жалую...

Мне сразу стало не по себе.

"Пустит по кругу... и конец!" - подумала я.

Лицо мое, наверное, побледнело, и Лаврентий Павлович не стал добивать мои надежды на завтрашний день. Однако времени на канитель со мной у наркома тоже не оказалось. Он вскоре уехал по делам в управление области и пробыл там до позднего вечера. А ближе к ночи на него было совершено покушение.

Когда легковушка катила к Машстрою мимо заросшего лесом оврага, кто-то выстрелил в заднее стекло. Грузовик с охраной обычно следовал в некотором отдалении, этот фактор был использован. Из машины даже видели промелькнувший за кустами под мост "Харлей", но не слышали выстрела и не придали мотоциклу никакого значения. Тем бо-

лее, дороги в овражек для автомобиля не было, и это покушавшиеся тоже учли. Пуля их все-таки нашла Лаврентия Павловича. Он всегда таился на заднем сиденье, и вот - касательное ранение: ему поцарапало сверху ухо и задело висок. Снайпер ошибся на сантиметр.

Окровавленный и злой Берия готов был выпрыгнуть из ботинок и, сверкая белками глаз, орал на охрану:

- За что кормлю вас, олухи! Никакой бдительности! Это должно было случиться!..

Я смазала ему царапину на виске и ухе йодом и залепила марлевые тампончики лейкопластырем. Он продолжал рвать и метать. Столкнул с подоконника горшок с цветами. Затем вышел на балкон и хищно, пригнувшись, смотрел в темень. Я молча собрала веником на поднос землю, глиняные черепки и протерла пол мокрой тряпкой. Полковник Саркисов с подозрением следил за мной.

- Кто это мог быть? - спросил Лаврентий Павлович, вернувшись с балкона. - Он знал путь следования и мое место в машине.

Полковник Саркисов лишь пожал плечами.

- Такого хамства не было, Лаврентий. Была война, но был порядок...

- Мне уйти? - спросила я. - У вас разговор.

- Нет, - отозвался нарком.

Затем Лаврентий Павлович несколько успокоился.

- Пусть стрелок думает, что промахнулся. Мы ничего не видели, не слышали, выстрела не заметили...

Однако гонял охрану:

- Искать, искать! Землю рыть, если нада!

Весь придорожный лесной массив был обшарен. Из городской комендатуры привезли несколько собак, немецких овчарок. Ни одна из них не взяла след. Ночь выдалась безлунной, темной. А потом, словно нарочно, пошел проливной дождь.

Лаврентий Павлович никак не мог утихомириться, и все боялись его.

- Французы гаварят: предают только свои, - вспомнил он чужую пословицу. - Кто решил помочь директорам?.. Я его из-под земли дастану! - рычал он. Мне было непонятно, почему он связал покушение с репрессиями против руководителей.

- Может, нада выпить?.. - спросил полковник Саркисов.

- Никаких пьянок! - обрезал Лаврентий Павлович. - Ты стал совсем бездельник!

Всю ночь он колготился. Оставшись со мной, заперся и

захлопнул балконную дверь. Погасив свет, долго смотрел в окно. Потом разволновался:

- Никому не верю... Все прохвосты! - кричал он.

Я спала отдельно, на другой кровати, и он неоднократно подкрадывался и стаскивал одеяло.

- Что там гудит? - спрашивал он.

- Это на заводе.

- Там всегда гудит?

- Да.

В такой панике я его еще не видела.

Лишь под утро, когда начало светать, он приказал мне раздеться. Но, как оказалось, это было ни к чему. Лишь измусолил меня всю. Я поняла: Лаврентий Павлович также, как и я, постарел, износился и ослаб. Не в порядке у него и с нервами. Вероятно, наркома не на шутку испугала попытка покушения.

Завернувшись до пояса полотенцем, он раздраженно ходил по квартире, хлопал дверьми и требовал от меня маслин.

- Где же я возьму, Лаврентий Павлович, - мирно отозвалась я, а в глазах почему-то стояла Вера в одной блузке, без юбки, и я никак не могла избавиться от этого видения.

Затем нарком вышел на балкон и позвал:

- Саркис, где ты?..

Уже совсем стало светло. За окном пели горихвостки и кричали вороны. Из распахнутой балконной двери пахло свежей росой. Полковник Саркисов, тоже напуганный стрельбой по наркому, спал в легковой машине. Он тяжело поднялся на второй этаж и, козырнув, справился:

- Разрешите доложить, товарищ нарком?.. Стекло на машине заменили, пулевое отверстие заделали...

- Я не то, Саркис... Панимаешь, помоги мне, что-то расклеился Лаврентий, - сказал о себе Берия. И кивнул на меня.

Жутким моим снам не суждено было кончиться. Полковник Саркисов торопливо раздевался, нервно бормоча:

- Давно я... мечтал... об этом...

С животной страстью набросился он на меня, вцепившись потными, липкими руками в голые плечи. Но в самый горячий момент Лаврентий Павлович осадил его.

- Довольно. Астанавись! Теперь я сам... Ты, кажется, раздражил меня.

Утром я поняла: нарком ко мне охладел и сегодня же

отдаст на круг, а потом придется разделить участь Веры Локотковой. Убираясь привычно в комнатах, я как бы спотыкалась о ее слова: "Свидетелей этот упырь не оставит".

Каждая клеточка моего мозга работала в одном ключе. Что делать? Как бежать? Да и возможно ли это? Я слишком много видела и столько лет знала эту команду. И тут я вспомнила спрятанную в сарае веревку. Это единственный шанс. Как мне туда незаметно выбраться? Слезы душили меня, к горлу подкатывался горячий ком. Надо найти в себе силы! Надо уйти из этого грязного мира.

Повар Гиви и полковник Саркисов следили за мной волчьими глазами и, конечно, ждали решения наркома. Только вот непонятно было, почему Лаврентий Павлович тянул с моей казнью? Глаза его были отрешенны, ухо и правое веко опухли. Никто не мог знать, на кого обрушится в любую минуту его гнев. Дело заметно шло к взрыву. Вот он постоял на балконе, потом вошел в комнату и увидел портрет товарища Сталина в прозрачном чехле. И сразу взвинтился:

- Что это значит? Кто мне объяснит?!

Из кухни выскочил Гиви. Узкое лицо его было бледным.

- Это Ваню принес еще в сорок втором. Вы приказали доставить из поезда.

- Помню! - заорал Берия. - Это нужно было повесить в бункере, в моем кабинете.

Гиви почти прошептал:

- Но откуда бы Ваню не вернулся...

Нарком подошел к повару и в упор посмотрел на него.

- Это ты сам придумал или вместе с Ваню?

Лицо Гиви из бледного стало огненным.

- Умники-самоучки... Перехитрили самих себя! - угрюмо сказал Лаврентий Павлович. - Посчитали - нарком истукан. Ни о чем не думает, только командует. А я хотел, чтобы Ваню увидел сына! Там, в последний раз...

Он грустно вздохнул, расстегнув полы кителя.

Этим поступком Лаврентий Павлович потряс меня, хотя я и была очень встревожена. И даже черствый душой полковник Саркисов, казалось, удивился: уж чего-чего, а такого человеческого поступка никто от наркома не ожидал. И потому большие, навывкате глаза Саркисова вдруг часто заморгали, и он долго смотрел на портрет вождя.

Берия зашагал прочь от портрета.

ПОДАРОК ЦЕНОЮ В ЖИЗНЬ

Ближе к полудню, когда нарком уже дважды успел дать разгон поисковой группе, прикатил на полutorке старик Ваню. Он привез продукты и в двух плетеных корзинах бутылки с вином. Голова Ваню сильно побелела, и вообще он выглядел усталым и был небрит. Сгружая из кузова товар, он кого-то искал глазами на балконе и в окнах. Мне показалось, что меня.

- Доброе утро! - поприветствовал он всех. И сразу почувствовал напряженную обстановку.

- Что-то случилось?..

- Да, - сказал полковник Саркисов.

Нарком вышел на балкон и хмуро потрогал наклейку на виске. Я выглянула из-за его плеча.

Ваню, встретившись, наконец, со мной глазами, повеселел.

- Лаврентий, я маленький человек... Не имею права задавать лишние вопросы. Но что стряслось? - поднявшись в квартиру, переспросил он.

- Что стряслось?! Не видишь?! - как бы пожаловался нарком.

- Вижу. Но кто?..

- Ищет охрана, кто. Найдет. А ты, если приехал, садись к столу.

Разговор не клеился. У Лаврентия Павловича было не только озлобленное, но и неопределенное состояние. Мирное время оказалось для него несколько не спокойней военного. И, возможно, впервые он почувствовал, как дотянулась до него карающая рука. Безропотное терпение людской толпы кончилось. На ноги были подняты все местные органы НКВД. Дело пахло большой кровью.

А Ваню спокойно выпил стакан чая и посмотрел на меня.

- Я хорошо служил тебе, Лаврентий? - спросил он.

- Да, - кивнул нарком. Помятое лицо его занемело и насторожилось. Он пытался уловить ход мысли своего верного "прислуги за все".

- Ты мингрел и я мингрел.

- Это так.

- Ты помнишь, я попросил - верни сына? Ты сказал - не могу. Любую просьбу обещал выполнить, но после войны.

- Помню.

- Война кончилась...

- Это так, Ваню.

- Ты можешь мне подарить ее? - кивнул он на меня.

Все от удивления разинули рты. Полковник Саркисов даже встал со стула. Я вообще словно окаменела от неожиданности.

- Ты хорошо подумал, Ваню? - помолчав, спросил нарком.

- Хорошо, Лаврентий.

- Вот уж никогда не знаешь, что хочет мингрел! - помотал головой Лаврентий Павлович. И вяло засмеялся. Полковник Саркисов смотрел на него глупыми и растерянными глазами.

- Я тоже заслужил! - сказал он.

Однако нарком даже не посмотрел на него.

- А зачем тебе нужна жена? Ты стар, - Лаврентий Павлович продолжал машинально улыбаться. И как-то озадаченно изучал Ваню. Дерзость старика, видно, пришлась ему по душе.

- Есть мингрельская поговорка: женщина нужна всем.

- Это так! - согласился Берия. - Ты вовремя пришел, и твоя чаша весов перетянула.

От нервного напряжения Ваню стало жарко, он снял заносенный китель и, повесив его на балконе, опять спросил:

- Ты отпустишь меня в отставку?

Нарком подумал и сказал:

- Да.

- Теперь мирное время, и старикам можно отдохнуть, - вытер лицо ладонью Ваню. И, выйдя на балкон, сел там на стуле, глядя в мое измученное лицо. - Не совсем мирное, Ваню. Как видишь, я пострадал, - сказал задумчиво нарком. И тронул пальцами заклею.

- Вижу, - кивнул Ваню. - Противникам твоим не поздаровится.

Нарком нахмурился. Лицо его побледнело. Лимит терпения моего был исчерпан, но я терпела свыше лимита. Мне не давали права голоса. За меня, как за домашнюю скотину, принимали решение солидные мужчины - руководитель страны и его слуга. О чем тут было вести речь?! Судьба моя висела на волоске.

- Кто примет у меня спецвагон? - спросил Ваню.

- Никто, - сказал нарком. - Я тебе верю.

- Людям верь, но проверь, - поднял лохматую бровь Ваню.

- Ты на что намекаешь?!

- Я не намекаю, это мингрельская поговорка.

- Ничего. На этот раз можно довериться. Забирай, что хочешь в приданое, и уводи эту куколку.

- Я бы не стал отдавать, - сказал полковник Саркисов.

- И мне жаль, но Ваню заслужил, - пожал тонкими плечами Лаврентий Павлович. - Нас товарищ Сталин награждал за работу, а Ваню ничего не получал...

Мы сели с Ваню в кузов полупортки. Я куталась в кофту и держала в руках узел, в котором поместились все мои вещи и документы. У старика был зеленый солдатский вещмешок с продуктами. Конечно, я понимала: тут какая-то жестокая игра. На запланированном этапе бегства нарком перекроет лазейку. Но в то же время была какая-то надежда избавиться от постоянного унижения и страха. Я не знала, как это произойдет, но ощущала эту свободу. Будто сняли с шеи петлю, будто распутали ноги и пустили в чистое поле погнаться...

Ваню хмуро молчал. Зеленая полупортка неслась по пыльному шоссе вдоль Самарки. Где-то на полпути к товарной станции Ваню забарабанил кулаком по фанерной кабине.

- Стой, стой! - кричал он шоферу.

Полупортка остановилась, и Ваню, сбрасывая вещмешок и мой узел, сказал выскочившему водителю:

- Ты езжай. Я вечером загляну в спецвагон. А сейчас нам с ней нада побыть вдвоем, - кивнул он на меня.

Мы спустились со стариком вниз к Самарке. Я распахнула кофту и несла узел, а он свой вещмешок. Все в нем он давно уже припас. Солдат-шофер смотрел нам вслед. На макушках старых берез и кленов резко кричали вороны. Старик Ваню остановился и понаблюдал за ними.

- Это не к добру! - сказал он.

Я тоже не верила ни в какую удачу.

У Самарки торчала одинокая привязанная в камышах к колышку лодка. В ней аккуратно были сложены весла. Я обратила внимание: лопасти были мокрые.

- Это чья лодка? - спросила я.

- Садись, ни о чем не спрашивай!

На душе у меня сделалось еще тревожней. Что затевает Ваню? Что у него на уме?

- Мы куда? - опять спросила я.

- На кудыкину гору. Тебе мать говорила так?

- Да.

- Вот и я скажу: сиди и молчи. А то сглазишь мою затею.

Мы переплыли мутную Самарку. Ваню загнал в косматый ивняк лодку и велел мне карабкаться на бугор по узенькой тропинке. Я ничего не понимала. Казалось, Ваню должен был взять меня в спецвагон, и оттуда бы мы уехали на Кавказ или еще куда. Но при чем эта бескрайняя степь с реденькими березами?

Мы прошагали, наверное, больше часа. Затем Ваню свер-

нул в лог, сбросил со спины тяжелый вещмешок и тяжело повалился на землю.

- Давно не ходил пешком! - вытер он рукавом лоб.

Мы развели небольшой костер, пожевали разогретых концентратов.

- Харашо! - сказал Ваню, оглядываясь вокруг.

- Да, птицы поют, - согласилась я. - Только вот комары кусаются.

- Чешись! - посоветовал Ваню, чем очень меня насмешил.

- Свобода для людей - главное, - показал он на меня пальцем. - Можно сказать, Бог дал нам удачу.

- Пожалуй так! - отозвалась я, а сама напряженно думала, что же будет дальше? Замысла Ваню я не понимала. Да и какая жизнь у нас получится со стариком? Костер погас и покрылся седым пеплом. Налетевший ветерок понес пыльное облачко в лог. И затих. Маленькая дикая пчелка запуталась в мокрых от росы травинках и жалобно тоненько гудела - никак не могла вылететь из плена.

- Если ей не помочь, она погибнет! - сказал Ваню. И загорелыми пальцами раздвинул траву. - Лети, радуйся жизни!

Потом он закурил трубку и замолчал. Крутой с зальсынами лоб его прорезали складки. Только теперь я заметила, что он сбрил усы, которыми подражал наркому. Но почему? Кавказцы ничего не делают случайно.

- Зачем ты усы сбрил?

- Скажешь, опять наркому подражаю?

- Нет, не скажу...

- Я сбрил усы раньше, чем Лаврентий. Еще в сорок втором, когда убили людей из бункера.

Я молча слушала.

В душе старика что-то кипело и не находило выхода.

- Думаешь, спятил старый Ваню с ума?

- Нет, я так не думаю.

- И правильно делаешь.

- Ты понял, Ваню, что я погибну, и потому пришел.

- Да, - признался он. И долго смотрел на покрытые пеплом угли. - Живи вместо сына.

Он затаился остатками душистого табака, выбил трубку.

- Двадцать лет не курил. Лаврентий не любил запаха дыма.

И поднял брови.

- Мне многое удалось. Даже не верил, что смогу спасти тебя. Лаврентий гад, каких свет не видел...

Я невольно глянула по сторонам. А Ваню достал из внут-

ренного кармана кителя толстую пачку денег, обновленных после сорок седьмого года сторублевок, и протянул мне.

- На. Хорошенько спрячь!

- Зачем?! - испугалась я.

- Бери, бери, так надо. И слушай внимательно. Тут есть дорога. Уезжай на попутке как можно дальше в село. Там можно жить без паспорта. Надежно спрячься. Если сумеешь, выйди замуж, поменяй фамилию.

- А ты как, Ваню? Ведь нарком будет тебя искать?

- Будет, - Ваню медленным движением вытер потное лицо. - На Лаврентии много крови. Это я сказал, где он ездит и где сидит в машине. Но человек, который дал мне бумажный шарик, письмо от сына... Помнишь, ты читала мне его... Промахнулся.

Я невольно вздрогнула.

- Да, да, я помогал недругам Лаврентия, - повторил старик Ваню. - И даже винтовку с оптикой достал.

- Как же они не нашли ваших? Они же рыскали всю ночь.

- Хе-хе, - грустно засмеялся Ваню. - Засаду готовили ни один день.

- Ну-у, вы рискованный народ! - удивилась я. - А что теперь?

- Наверна, Лаврентий вычислит меня. Он это может. Потому я и попросил отставку. Только бы успеть добраться до Кавказа. Я смотрела на него с искренним удивлением. А Ваню горько добавил:

- Вот такие мингрелы! Непредсказуемые люди...

ВОЗМЕЗДИЕ

Ваню отдал мне солдатский вещмешок, куда я сложила все свои пожитки, консервы и завернутые в тугий узелок чужие деньги. Помогут ли они мне? Спасут ли?..

На воле, под просторным небом, я чувствовала себя беспомощной. Будто выпустили меня, как канарейку из клетки, и живи как хочешь. На грунтовой пыльной дороге я боялась пробегавших мимо машин. Наконец подобрали меня экспедиторы ОРСа завода КАТЭК. Я даже руку не поднимала. Покрытый брезентом ЗИС вывозил рабочих на прополку заводских огородов в степное село Черновку. Молоденький паренек уступил мне место в кабине. И с шофером, инвалидом, бывшим фронтовиком с обожженной щекой, у меня завязался разговор. Короче, познакомились.

Шофера звали Костей Бурьяном. Он же сообщил, что у

них на КАТЭКе новый директор, прибыл из Свердловска, по фамилии Тарасов. Я заволновалась. Хотелось немедленно повидать директора, спросить, как там мама (в Свердловске мы были знакомы), но я тут же осадила себя. Теперь я уже боялась людей, не доверяясь никому.

В Черновке я встала на постой к одинокой старушке. Сначала попросилась на три дня, потом на месяц, и потихоньку жила, как пуганая ворона. На улицу лишний раз не выходила. Было боязно: во второй раз от Лаврентия не спасешься. В местном колхозе привыкли ко мне, считали, что я с завода. Узнав, что я медик, приходили со своими хворями. Я пыталась лечить даже дворовую скотину. Не всегда успешно, но другого доктора в Черновке не было.

Костя Бурьян зачастил ко мне. В каждый приезд баловал подарками: то пряники, то кастрюльку или алюминиевый чайник из города подбросит. Однажды предложил расписаться.

- Костя, ты же меня не знаешь! - растерялась я.

- А что знать? Ты человек и я человек...

Голубое небо закружилось перед глазами. Я смеялась и плакала: неужели вот так, просто, можно жить и никого не бояться? Медленно отходила я от рабского мироощущения.

В ЗАГСе по месту жительства Кости нас расписали. Мне поменяли паспорт, и я наконец-то лишилась былой прописки и прежней фамилии. Будто гора свалилась с плеч. И все-таки жестокой ко мне оказалась судьба. Спустя два месяца и семь дней Костя утонул в Самарке, на том самом месте, где когда-то нашли и Веру Локоткову. Костя ловил с заводчанами рыбу сетью и запутался в ней.

Я поступила на КАТЭК, тихо жила в Костиной каморке. Редко выходила на улицу. Берегла Костины немногие фотографии и орденские документы. Иногда мне везло, и на душе вспыхивал праздник, если хоть издали удавалось увидеть директора завода Тарасова. Судьбы наши казались мне связанными одной ниточкой. Мы оба были из того страшного времени. Но открыться ему я боялась...

Когда признали преступником и расстреляли наркома Берия, невозможно рассказать, что творилось со мной. Было какое-то шоковое потрясение, я никак не могла успокоиться, много плакала и была очень злая. В тот день я сама услышала по радио сообщение, несколько раз потом перечитывала газетную информацию, а слезы по-прежнему бежали из глаз. Сколько крови и горя принес этот человек. Все-таки есть, наверное, на белом свете справедливость. Расправы над невинными людьми не прощаются.

В день, когда сообщили о расстреле Берия, я написала

письмо маме. Через одиннадцать лет она, наконец, узнала, что я жива.

Затем я навестила тот дом, где нарком держал меня наложницей. Начальница ЖКО рассказала, как привезли туда после моего исчезновения старика-кавказца со связанными руками. Соседи слышали, как его избивали и нарком истерично кричал:

- Ты куда дел эту куколку?..

- Ты сына моего, Резо, не спас... Пусть она, куколка, живет вместо Резо...

- Мои люди вышли на тебя. Ты готовил покушение...

- Нет, я брил тебя!

- Что ты хочешь этим сказать?

- Только то, что мог зарезать тебя без всяких подготовок.

А твои люди - шакалы. Привыкли сочинять преступников. Это легче, чем искать.

Начальница ЖКО уверяла, что женщины этот разговор передали ей дословно. А старика-кавказца расстреляли под старыми кленами в аллее. Потом с почестями похоронили. Даже устроили поминки.

- Пойдем, я покажу его могилу! - сказала она.

И вот мы стоим у потускневшего обелиска со звездочкой.

Передо мной, словно наяву, всплывает образ доброго и отважного Ваню, ценою собственной жизни спасшего меня от лютой расправы. Низкий поклон тебе, мингрел...

И здесь, у его могилы, я даю себе клятву в том, что люди обязательно узнают от меня правду о кровавом наркоте. Лучше умереть, чем допустить хоть на минуту возврат к преступному беспределу того многострадального времени. Оно не должно повториться!

Илья Рясной

ГАШИШ С ВОСТОКА

Повесть

Рустам Абдураззаков остался бы жив, если бы... Если бы не был так самоуверен, беспечен, если бы привык хорошо обдумывать свои поступки. Ну и, конечно же, если бы не был так жаден и падок на деньги.

Цену деньгам он знал с детства. Отец умер, когда Рустаму, самому младшему в семье, не было еще и восьми. Мать осталась с пятью детьми на руках без средств к существованию. Если и раньше жили небогато, то теперь Абдураззаковы узнали, что такое нищета, голод. И вот однажды мать пришла к своему брату, упала на колени и зарыдала.

- Возьми Рустамчика, умоляю. Нечем кормить.

С этого дня у Рустама началась новая жизнь. Кем он был в своей новой семье - нахлебник или слуга - ему и самому не было понятно. Он знал лишь, что между ним и его двоюродными братьями есть разница, проявляется она во всем - в еде, одежде, в отношении. И хотя теперь Рустам не испытывал нужды, голода, у него навсегда засел в душе страх перед ними. И с малых лет ему хотелось иметь все - машину, дом. Стать таким же уважаемым человеком, как дядя, таким же богатым, независимым, владеть, как и он, тремя женами, из которых только одна - официальная.

Несмотря на безмерное самодовольство, дядя все же не был злым человеком. Взявшись устраивать судьбу племянника, он теперь чувствовал определенную ответственность за его будущее. Когда мальчишка немного подрос, дядя стал давать ему различные мелкие поручения, к исполнению которых племянник относился добросовестно и аккуратно. Потом, что-то решив про себя, дядька пристроил его на обучение к корейцу Паку - мастеру кун-фу.

От армии Рустама дядя выкупил - денег не пожалел. А потом привел племянника к Хозяину. Тому парнишка пришелся по душе, и таким образом Рустам оказался пристроенным к денежному делу.

Дальше все складывалось для Рустама удачно. Он заслужил уважение среди людей, с которыми приходилось работать. Теперь он получил, что хотел: у него имелись своя машина, дом.

С детства ему вдалбливали почтение к старшим, богатым, тем, кто занимает высокое положение. Теперь повелителем для него был Хозяин. И Рустам был послушен, верен ему, как пес. А как же может быть иначе? Хозяин - человек высокоуважаемый, лишенный самодурства, все делает мудро: когда необходимо - жесток, а когда надо - добр. Он отвечает за своих людей, но может от них потребовать ответа. Для Рустама это было в порядке вещей. Как должное он воспринял, когда влип по-серьезному с девчонкой, неожиданно оказавшейся несговорчивой, что Хозяин, заплатив немалые деньги, выручил его. Но как должное принял и то, что потом на глазах Хозяина его телохранители долго били Рустама, втолковывая, как надлежит вести себя человеку взрослому, занятому серьезными делами.

Относился ли Рустам предосудительно к тому, чем ему приходилось заниматься? Такого вопроса перед ним просто не стояло. Он делал свою работу, зарабатывая нелегкий хлеб. И в обозримом будущем его уже не страшили нищета и голод. О наркотиках он знал с детства. Знал, что многие его приятели балуются "дурью", знал, что есть люди, которые делают на этом большие деньги. Некоторые попадают, другие живут припеваюче. Когда Рустам сам стал торговцем зельем, то надеялся не попасться никогда. За его спиной надежная защита - Хозяин.

В этом рейсе с самого начала пошло все как-то не так. Может, это его ангел-хранитель подавал недобрые знаки. Около Ташкента сопровождавший его Тахир на своей машине вылетел на полосу встречного движения и врезался в грузовик. Рустам видел, как из превратившихся в безобразные обломки "Жигулей" равнодушные санитары в белых халатах вытаскивали окровавленное тело. Тахир был старым приятелем, но останавливаться, ждать, чтобы разузнать об исходе операции, Рустам не мог себе позволить.

Неудачи продолжали преследовать и дальше. То спустило колесо, то гаишник оштрафовал за превышение скорости. А когда прибыл на место, набрал нужный номер телефона, на том конце провода никто не ответил. Рустам всегда оставлял в запасе один день на непредвиденные обстоятельства. Завтра, как положено по договору, получатель должен быть на месте. Придется ждать. Ожидание это было для него скорее из разряда приятных...

С Наташей Рустам познакомился в свой первый приезд в этот город. На сей раз она не удивилась, когда он утром, без звонка, возник на пороге ее дома. Рустам оставил потре-

панный чемодан. С таким грузом колесить по улицам неразумно.

День, проведенный в мелких заботах, хождениях по местным магазинчикам, казалось, не предвещал ничего необычного, а тем более страшного. Любуясь на только что купленные в комиссионке золотистые японские часы "Ориент", Рустам даже представить себе не мог, что их стрелки неумолимо, с дьявольской методичностью отсчитывают последние минуты его жизни.

Он обследовал очередной магазинчик, не нашел там ничего интересного и вышел на привокзальную площадь. Там толпились приезжающие и отъезжающие, у стоянки такси выстроилась длинная очередь, шла бойкая торговля кооперативными пирожками, газетами с вызывающими фотографиями и не менее вызывающими названиями, среди которых Рустам с удивлением увидел новый полиграфический шедевр - газету "Задница". Он усмехнулся про себя, представив, с каким бы лицом это воспринял благочестивый Хозяин. С каждым приездом в этот город Рустам замечал, что кооперативных ларьков, газет и мусора становится все больше, а дома приобретают все более обшарпанный вид. В городе будто витал дух тления.

Подойдя к своей машине, Рустам увидел около нее трех парней. Высокий, с жиденькими волосами, едва прикрывающими розовую лысину, мужчина лет тридцати в куртке-варенке небрежно облокотился о капот. Рядом с ним, нервно насвистывая, мерял шагами асфальт плотный парнишка лет семнадцати в белых джинсах и кожаной, с металлическими заклепками, куртке. Взгляд у парнишки был рассеянный. Чуть поодаль зевал сутулый, краснолицый тип неопределенного возраста, держащий в руках большую спортивную сумку. Компания явно скучала. Рустам оценивающе обвел их взглядом, по привычке прикинув соотношение сил, и, открывая дверцу, кинул лысеватому:

- Э, братишка, поищи другую скамейку.

Лысеватый послушно отошел от капота.

- Слышь, друг, посмотри какая очередь на тачки. Подкинь до Савеловки. Недалеко, километров пятнадцать от города.

Он вынул сторублевку и потряс ею, улыбаясь при этом как-то заискивающе.

И Рустам соблазнился на эти несчастные сто рублей. Ничего не мог с собой поделывать. Пройти мимо "левых" ста рублей было выше его сил. Он никогда не задумывался над тем, что жаден. Ему казалось неестественным иное, чем у него, отношение к деньгам.

- Садись. Только дорогу покажешь.

Подобные компании подвозить не рекомендуется, но эти

ребята у него опасений не вызывали: прилично одетые, вежливые. Эх, если бы только Рустам знал, что на новенькие синие "Жигули" седьмой модели, прямо такие, как у него, поступил заказ.

Но ему это было неведомо... Он беззаботно перекидывался ничего не значащими фразами с попутчиками, смеялся над сальными шуточками, поддакивал и послушно нажал на тормоз, прижимаясь к обочине грунтовой дороги, когда лысеватый попросил остановиться. Солнце уже садилось за горизонт, красное небо и синий массив леса образовывали какое-то фантастическое сочетание. Рустам расслабленно откинулся на спинку сиденья и неожиданно услышал от сидящего справа, охрипшего от волнения краснолицего:

- Вылазь-ка, хмырюга, из-за баранки!

Рустама столько лет натаскивали боевому искусству, что среагировал мгновенно. От удара локтем краснолицый пороссячи взвизгнул, выронил нож и схватился за разбитое лицо. Потом...

Потом свет в глазах Рустама померк. Навсегда...

* * *

Для мая погода выдалась прохладная, но солнечная. Сидя в машине, Костыль задумчиво барабанил пальцами по рулевому колесу, обтянутому красной плетенкой. Он нервничал, и в голову лезли неприятные мысли. Человек должен был прибыть еще вчера. Если его уголовка повязала... Думать об этом не хотелось, а не думать не получалось. Тогда ведь след поведет прямо к нему. За спиной пять лет "зоны", жгучий холод, окрики конвоиров, подъемы ни свет ни заря, поздние отбои после работы. Нет, желания снова пройти через это у него не возникало... Куда же запропастился тот тип? Влип? Не дай Бог!.. Правда, сейчас Костыля взять не за что, даже если и наплетут про него, но ментам главное зацепку получить. Затаятся, будут ждать своего часа, а в удобный момент вопьются зубами прямо в глотку...

Костыль встряхнул головой, пытаясь избавиться от дурных мыслей, и толкнул Толика, уютно дремавшего на заднем сиденье "Волги".

- Пошли, Людоед.

Прозвище "Людоед" Толик получил за свою необычную внешность, большой, толстогубый рот скрывал острые, хищные зубы. На несговорчивых клиентов вид его оказывал потрясающее действие. Хотя в этой неразлучной паре истинным людоедом был все-таки Костыль, а не простодушный Толик.

Костыль вылез из машины, по привычке с размаху хлопнув дверью. Местечко было заброшенное, замусоренное: серый бетонный забор с колючей проволокой, за которым вид-

нелись утопающие в зелени желтые корпуса закрытого научно-исследовательского института, мусорные баки, трансформаторная будка с традиционными черепом, костями и надписью "Осторожно, убьет!", у забора приткнулся добротный, кирпичный гараж Гоши.

Костыль методично заколотил по металлической двери ногой. Вскоре что-то звякнуло, скрипнуло, дверь медленно отворилась, и на пороге возник Георгий Ступенко в промасленном сером халате, пропахший, как и все автомеханики, бензином и машинным маслом.

- Здорово, Гош. Это я, смерть твоя, ха-ха, - с привычной развязностью хохотнул Костыль.

- Здорово. Заходи.

Три яркие лампы освещали помещение, в котором были шкафы с банками, канистрами, домкратами, непонятное устройство с цепями, на полу валялся инструмент. Недаром на двери гаража висела табличка, извещавшая, что хозяин занимается ремонтом машин.

В просторном помещении стояли два "Жигуля". Одинадцатой модели, белая - Гошина. Новенькая, будто только с конвейера, синяя "семерка" с затемненными стеклами и противотуманными фарами - эта дожидалась нового хозяина.

- Красавица, - удовлетворенно сказал Гоша, потирая руки пробензиненной тряпкой. - Проверил. Двигатель - как часы. Все в норме. Классная машина!

- Хороша, - согласился Костыль, улыбнувшись. Но когда он внимательно присмотрелся к машине, лицо его непроизвольно вытянулось, и он судорожно закашлялся...

Свою синюю "семерку" Костыль не щадил, считал высшим шиком, когда визжат колодки и тормозишь резко, как на ралли. Окончательно добил он ее месяц назад, "поцеловавшись" со столбом. Хорошо, сам почти не пострадал и сумел откупиться от гаишников. Но остался без машины. Пришлось взять займы "Волгу". Тогда-то и решил обратиться к Гоше, славившемуся чудесными "превращениями" автомобилей. Впрочем, колдовства никакого не было. Просто он угонял лимузин такого же цвета и такой же модели, как и разбитая машина заказчика. И вот задание выполнено, новенькая "семерка" стоит в гараже. Остается заменить номера, перебить цифры на раме и двигателе - и Костыль за тридцать тысяч вместо двухсот достанется новый "Жигуль".

Старые номерные знаки Гоша еще не свинтил. Костыль же, с его прекрасной памятью на числа, помнил, что машина с этими номерами принадлежала курьеру из Узбекистана...

Николай Васильевич Кабанов - артист областного драмтеатра. Народный артист. Самый знаменитый артист в области. Земляки не раз могли видеть его на экранах кинотеатров и телевизоров. Гордость города.

Сергей Вадимович Губин - тоже гордость города. Только гордилась им публика иного рода. Да и только гордостью эти чувства не ограничивались. Тут и страх, и отвращение, и холопское благоговение.

Карьеру свою Губин делал не в цехах заводов и не в кабинетах министерств. Он прогрызал путь наверх, утверждаясь в жестоком, не терпящем слабости мире этапов, СИЗО, ИТУ, где все повернуто с ног на голову, и царят нравы жуткие, дикие. Если для добропорядочных обывателей Сергей Вадимович был пятидесятилетним вором-рецидивистом по кличке "Важный", то для своих коллег он являлся образцом законопослушания. Закон всегда был для него превыше всего. Правда, закон не обывательский, а воровской.

Несмотря на разницу в положении, Губина и Кабанова связывала прочная нить. Любимый лицедей области являлся одновременно банкиром преступной организации, а также, по возможности, прикрытием ее в неблагоприятных делах. Кто первым придумал держать знаменитых людей, принадлежащих к высоким сферам искусства, воровскими банкирами - неизвестно, но ясно, что идея эта принадлежала человеку мудрому. Ведь знаменитость никто не спросит, откуда у него такие деньги.

Сблизился Кабанов с Губиным вовсе не на почве преступных деяний. Просто интересно интеллигенту пообщаться с представителем загадочного преступного мира, и не с каким-то мелким воришкой, а с настоящим авторитетом. Артист же должен знать людей. А еще интереснее было обнаружить, что этот вор вовсе не вора и не похож, что личность эта неглупая, начитанная. Ну а потом... Потом не грех выполнить мелкие просьбы. Не отказывать же человеку, вместе с которым не раз пил коньяк. Далее идут просьбы посерьезнее, и вот уже возникают общие денежные дела...

В тот вечер Губин сидел в своем любимом глубоком кресле на первом этаже двухэтажного кирпичного дома с подземным гаражом, окруженного двухметровой высоты бетонной оградой. Формально дом числился как дача Кабанова, но фактически являлся собственностью Губина. Его штаб-квартирой. Сергей Вадимович прихлебывал чай и по многолетней привычке просматривал свежие газеты - надо быть в курсе того, что происходит в мире. Так, Горбачев укатил в Японию и встречается там с императором.... Воркута все ба-

стует.... Из Армении старший лейтенант угнал в Турцию вертолет МИ-8... У поселка Мартунашен армянские боевики обстреляли наряд внутренних войск, ранили пять человек.... В Цхинвали возобновились боевые действия... Да, мир 1991 года, казалось, сошел с ума и летит в тартарары. Все катится к чертям, рушится, и в этой ситуации нужно обладать недюжинной цепкостью, чтобы не потерять себя, удержаться на плаву. Важный считал, что пока ему это удавалось.

Обязанности вора в законе он снял с себя перед последней отсидкой. "Должность" нелегкая, хлопотная, опасная, порой балансируешь на грани... Тогда угрозыск затеял какую-то свою хитрую игру с ворами, в результате этого по указке Губина прирезали как стукача вовсе не виновного в этом неблагоприятном занятии парня. На сходке было решено, что Губин действовал по их закону, его не осудили, но он решил тогда уйти в "свободное плаванье" и к "руководящей работе" больше не возвращаться. А потом вспомнил молодость - погулял всласть. До сих пор МУР гадает, кто обчистил квартиру искусствоведа на Бронной, где два золотых пасхальных яйца Фаберже и полотно Репина. А они давно ушли по диппочте во Францию. Красивое было дело. Ювелирная работа - без крови, насилия, угроз.

По выходу из колонии Важный не мог решить, чем заняться. Лазить по квартирам - года уже не те. Решил немного отдохнуть, осмотреться, но тут заявился старый знакомый - Костыль. Он находился в самом дурном расположении духа, рука его была перевязана.

Для огорчений у Костыля имелись веские причины. Бригада, в которой он заправлял, состояла из "качков", дзюдоистов. Начинали, как все, - сперва помогали выбивать долги, потом начали трести фарцовщиков на пяточке у гостиницы "Русь", затем настал черед дам легкого поведения, кооператоров. Естественно, это была не единственная шайка такого рода, и вскоре ее интересы пересеклись с интересами других бойких ребят.

За неделю до визита Костыля к Губину одного директора коммерческого магазина, исправно платившего его компании за охрану, затолкали трое кавказцев в синий "Мерседес", отвезли в лес, долго били, закопали по грудь в землю, стреляли у уха из пистолета. И таким образом "убедили", что платить надо вовсе не Костылю, а Седому Гоги.

Конечно же, Костыля такой расклад не устраивал. Разборки назначили на двенадцатом километре северо-западного шоссе. В положенное время Костыль со своими парнями подкатил туда. Вскоре появилась вереница машин во главе с роскошным "Мерседесом", принадлежащим Гоги. Разговор получился короткий. Кавказцы выскочили из машин, у них было три автомата. Хлестнули очереди поверх голов.

- На землю, суки, не то всех положим! - заорал Гоги.

Остался стоять лишь Костыль, налившимися кровью глазами глядя на своего противника, - затянутого в кожу, в черных очках мускулистого грузина.

- Сейчас вас всех, козлы, отпетушим. Еще раз сунетесь к гостинице, - гробы заказывайте. Ройте могилу.

"Козел", "отпетушим" - для блатного оскорбления страшные. Костыль, не помня себя, сделал шаг навстречу Гоги. Но он был беспомощен: прямо в лицо смотрел зрачок автомата. В бессильной ярости Костыль выхватил финку и несколько раз полоснул себя по руке...

Губин внимательно выслушал рассказ. Гоги Кавсадзе по кличке "Седой Гоги" он знал как пронырливого, но не пользующегося авторитетом мошенника. Это ж надо, как обнаглел за последнее время! Прикинув, Важный благосклонно согласился принять предложение и взять бразды правления в свои руки. Он чувствовал, что "фирма" могла "работать" хорошо.

- Зачем, Гоги, ребят обижаешь? Вон, Костыль жаловался, - сказал Важный, подсаживаясь в ресторане за столик, где расположился Кавсадзе с длинноногой крашеной девахой.

- Костыль Богом обиженный. Эта территория моя... Даже тебе, брат, не советую лезть. Тут все круто закручено. Учти!

- Учту...

Через неделю Гоги исчез, и больше никто его не видел. Самого агрессивного и шепутного его телохранителя доставили в больницу с двумя пулями, а ближайшего помощника привезли на встречу в Губиним. О чем с ним беседовал Важный, какие слова говорил - никому неизвестно, но после этого все проблемы были улажены.

Связываться с наркотиками Губину нужды не было никакой. Однако у него был святой долг перед "зоной", и там большие люди определили поставку "зелья" как "общественную нагрузку". И пришлось-таки заняться "дурью".

Важный - человек действия. Наладил канал с Узбекистаном, изыскал возможности доставлять посылки адресату. Несколько партий прошло без сучка и задоринки, но сейчас возникла задержка. Куда-то запропастился курьер. А если через некоторое время товар не будет у покупателя - жди серьезных осложнений. Никаких отговорок - "дурь" должна быть доставлена вовремя.

Губин зашуршал газетой и отдернул руку от резкой боли.

- Тише, Васька, - прикрикнул он и несильно хлопнул по боку толстого полосатого кота, устроившегося у него на коленях. Васька проснулся от шуршания газеты и, как бы выражая свое неудовольствие, вцепился в руку хозяина.

Васька с Губиним пробыл почти весь срок в "зоне".

Трудно поверить, что этот жестокий человек безумно любил животных, особенно кошек. Держать кошку в "зоне" было его привелегией, и администрация на это согласилась. Кормил полосатого и ухаживал за ним зэк из шестерок, и все знали - не дай Бог кто обидит ленивого пушистого кота. Покидал колонию Важный с брезентовой сумкой через плечо, из которой выглядывал Васька, оглядывавшийся на "зону", где он родился и кроме которой не видел ничего.

Кот снова цапнул хозяина, и тот согнал его с коленей. Васька встряхнулся и начал тереться о диван. С улицы слышался звук автомобильного мотора, хлопнула дверца. Губин подошел к окну. Людоед и Костыль подкатили на белой "Волге".

Важный подошел к двери, отпер замок, отодвинул тяжелый засов, распахнул дверь и критическим взглядом оглядел своих ближайших помощников. Понять что-то по лицу Людоеда, как всегда, было невозможно, а вот лицо у Костыля было встревоженное, он нервничал.

- Важный, представляешь...

- Зайди. Не в прихожей же калякать...

Губин уселся в свое любимое кресло, кивнул на второе кресло Костылю, затем велел Людоеду, склонившемуся над Васькой:

- покорми кота.

Выслушав сбивчивый рассказ, Губин помолчал. Да, похоже, что-то стряслось с курьером.

- Где этот твой Гоша машины берет?

- Ворует, мать его, где же еще!

- Если бы он увел у курьера машин, тот все равно бы объявился. За помощью пришел бы.

- Конечно! Но где же он, падла?

- Мне плевать, где он! - повысил голос Важный, что с ним случалось нечасто. - Где "дурь"?

Костыль, закусив губу, виновато пожал плечами. У него была привычка отвечать нецензурными каламбурами, но в общении с боссом упаси Бог. Он с ненавистью подумал о Гоше и курьере. Во, гады, решили свести его со свету.

- Тащи этого механика сюда, - произнес вновь тихо и спокойно Губин. - И быстрее шевелись, Костыль... Быстрее...

Гоша сидел откинувшись на алюминиевом стуле. Свет стосветовых ламп, делавших гараж похожим на операционную, проходил через прикрытые веки какими-то красными кругами. Руки его гудели, плечи налились тяжестью. Пришлось сегодня поработать. Главное сделано - номера перебиты. Притом так, что комар носа не подточит. Недаром Гоша считается признанным

специалистом и до сих пор на свободе. Ну все, на сегодня пора заканчивать. Он встал, сполоснул руки бензином, вытер их, стянул халат. В это время в дверь постучали.

Слова о том, что преступники вздрагивают от косога взгляда или лязга лифта по ночам, к Гоше никак не относились. У него уравновешенная нервная система, он давно свыкся со своим промыслом. Но когда в дверь стучатся так по-хозяйски, как сейчас - есть от чего сердцу оборваться. Особенно после убийства хозяина "семерки". Ведь это же верный расстрел.

- Кто там? - хрипло осведомился Гоша.

- Костыль.

- Что ж так барабанить-то? - облегченно вздохнув, пробурчал механик и отодвинул засов.

Костыль почти ворвался в гараж, быстро и деловито огляделся. "Уехал-то всего два часа назад, и чего возвратился? Да и странный он какой-то". Гоша чувствовал - что-то не так. "Людоед тоже ведет себя непонятно - перегородил проход, руки в карманах. А в глазах что-то мелькнуло похожее на жалость. Тьфу, наверняка показалось".

- Не хочешь, Гошечка, с нами проехаться? - хлопнув хозяина гаража по спине, спросил Костыль. - С тобой один мужик свидеться хочет. Денежный.

- Нет, сегодня не могу. Дел по горло. Завтра.

- Да ты че, Гош, какие дела? Вечер же, почти девять. "Спокойной ночи, малыши" уже показали. А мужик этот ждать не привык. Вобщем, не пудри мозги, времени нет.

Костыль взял Гошу за рукав и дернул легонько на себя. Людоед подался вперед.

Поведение гостей было агрессивным. "Почему? - думал Гоша. Угораздило же с отпетыми бандюгами связаться. Кто знает, чего от них ждать".

- Ладно, - вздохнул механик, надел любимую джинсовую куртку-варенку, застегнул молнию.

Выйдя из гаража, пытаясь протянуть время и принять какое-то решение, он неторопливо запер огромный навесной немецкий замок, который никакому взломщику не по зубам.

- Ребята, а может, все-таки завтра?

- Нет, Гошенька, так твою через коромысло. Завтра оно, может, поздно будет.

В голосе Костыля прорвалась сдерживаемая до сих пор злоба. Гоше стало по-настоящему страшно, он теперь понял, что опасения его не напрасны, что от гостей ничего хорошего ждать не приходится.

Так же страшно было Гоше полгода назад, когда сержант, выскочивший из "Москвича" с надписью ПМГ, с

* ПМГ - передвижная милицейская группа

размаху прошелся по его спине резиновой дубинкой, а потом впихнул на заднее сиденье, кинув туда же только что снятые, сложенные в мешок аккумулятор и свечи зажигания.

Георгий Ступенко вовсе не родился вором. Он родился автомехаником. Хотя желание взять чужое одолевало его еще с юного возраста, когда он уснуть не мог, мечтая о собственном мотоцикле. Рано или поздно мотоцикл он украл бы, если бы родители не подарили ему красную, с никелированными деталями, роскошную "Яву".

Работа в автосервисе вполне соответствовала его склонностям. Там его уважали, ценили за золотые руки. Со временем подобралась клиентура, потекли деньги, купил свою машину. От дядьки по материнской линии, отбывшего в соответствии с пятой анкетной графой в края зарубежные и для большинства советских людей запретные, Гоше достался, не безвозмездно, естественно, прекрасный гараж. О дядьке Гоша вспоминал без особого уважения, поскольку человек он был нудный, большой скряга, а письма, где новоявленный американец описывал свою новую сказочную жизнь, раздражали недостижимостью тех волшебных супермаркетов, сияющих лимузинов, повсеместного сервиса. Дядькин гараж очень пригодился, когда Гошу выгнали с АВТОВАЗа. Шум поднялся страшный: спекуляция запчастями, позор на коллектив, таким у нас не место! Это Гоша, оказывается, позорил коллектив, где деньги прилипают ко всем, начиная от директора и кончая, наверное, чердачными крысами. Кто-то должен быть крайним, и им оказался Гоша. Он был с позором изгнан, отлучен от кормушки, из которой его бывшие коллеги продолжали кормиться с неослабеваемым усердием. Тогда-то он оборудовал гараж, взял патент.

Помощником к нему пристроился сосед Витька Маратов. Он спивался. Спивался медленно, но неудержимо. И ему было совершенно все равно, чем заниматься - лишь бы шли деньги на пропой и никто бы не тянул за душу.

Первую кражу совершили приятели, когда понадобился клиенту аккумулятор, а взять его, хоть убей, неоткуда. Поздним вечером вскрыли УАЗик... Потом один армянин посулил двадцать пять тысяч, если его рассыпающаяся "Волга" станет как новая. Тут Гоше пришел в голову слышанный им когда-то старый трюк. Через несколько дней действительно новая "Волга" ждала заказчика в гараже. Вскоре вокруг индивидуальщиков закрутились денежные люди. В общем, за год угнали шесть машин. В это время прибил к компании Ваня Смирнов, тоже живший по соседству и обучавшийся в ПТУ на слесаря.

Попался Гоша на мелочи. Настолько привык красть, что

утерял бдительность. Отделался легко - получил два года условно.

Подходящую синюю "семерку" для Костыля не мог найти неделю. А тут нагрянул со своей компанией в город к бабам (сами-то жили в городке-спутнике Апрельске) и увидел у вокзала нужную машину, красивую, как с рекламного проспекта. Вот и решил попросить водителя по дороге выйти. Не впервой - однажды уже брали так зеленый "Москвич" - и все с рук сошло. Эх, кабы знать, что так кончится - обошел бы эту "семерку" за десять километров.

Когда водитель одним ударом отключил Маратова, Гоша перепугался. Такого оборота он не ожидал. Зажмурившись, он со всей силы ударил парня кастетом, а потом, будто обезумев, принялся наносить один за другим удары ножом, оброненным Маратовым. Увидев свои окровавленные руки, он понял, что убил человека. Эта мысль не укладывалась в голове, хотелось выть волком. Как жить-то дальше? Ведь ничего нельзя изменить. Но, проспавшись, он ощутил, что вчерашние события будто находятся от него за бронированным стеклом, как бы и не с ним все происходило, а с кем-то другим. На место отчаянья пришло тупое равнодушие...

Ступенко понимал, что ехать с посетителями никуда не должен. Идя к белой "Волге", он неожиданно толкнул Костыля в грудь и рванулся вперед, но тот успел среагировать, как регбист, бросился и в падении, уцепившись за ноги беглеца, покатылся вместе с ним по земле. Тут подоспел Людоед, сопротивление было подавлено. Пленника усадили в машину, наградив ссадиной над бровью и пройдясь кулаками по ребрам и затылку. Голова у Гоши зашумела, он встряхнул ею, попытался снова вырваться из людоедовских лап, но тут на запястьях щелкнули наручники.

- Отпустите, сволочи! Что вы хотите, мать вашу? Я орать буду!

- Не будешь, прыщ, - Костыль налепил ему на рот пластырь. - А станешь трепыхаться - пришью...

Гоша был близок к истерике. Он не знал, что происходит, но чувствовал, что ничего хорошего его не ждет. Страх мешал трезво обдумать свое поведение, заполнил сознание, нес с собой ощущение бессилия и беспомощности.

Пока машина, как бешеная, неслась по шоссе, пробираясь по узким улицам незнакомого поселка, он сидел, сжав до боли кулаки. Иногда успокаивался на секунду мыслью, что действительно какая-то шишка хочет переговорить с ним, сделать заказ, а эти парни просто не владеют хорошими манерами. Тогда через полчаса его ждет свобода. Но по-

том снова подкатывали тошнота, слабость в коленях, отчаянье, что нельзя вернуть все назад, переиграть.

"Волга" остановилась у двухэтажного кирпичного дома. Костыль позвонил.

Гоша заерзал на сиденье, осознавая, что на смену его думам приходит реальность, и от этого в голове стало совершенно пусто.

- Сиди спокойно, - прикрикнул Людоед.

Костыль раздвинул тяжелые металлические ворота и завел "Волгу" во двор, освещенный тремя лампами дневного света, отбрасывающими какой-то мертвенный отсвет на предметы. На бетонной площадке перед домом стояла иномарка вишневого цвета.

Костыль распахнул дверцу, за плечо вытащил Гошу и пинком толкнул его к застекленной веранде. Пленника провели в комнату. В кресле сидел незнакомый ему мужчина. Гоша понял, что он-то и есть здесь хозяин. Внешность его немножко успокоила механика: уж очень какой-то домашний - невысокий, полноватый, с залысинами, чем-то похож на Горбачева. Одет в спортивные брюки и длинный халат, на коленях полосатый котище, блаженно урчащий от поглаживания. Трудно представить, что от этого человека можно ожидать что-то плохое. Если бы Гоша слышал раньше о Важном, вряд ли эта встреча успокоила бы его.

Костыль еще раз наградил Гошу пинком, снял наручники, грубо сорвал с губ пластырь.

- Где взял синие "Жигули"? - без вступления, смотря прямо в глаза, спросил Губин.

- По случаю досталась, - легкомысленно усмехнулся Гоша, вращая затекшими кистями рук.

Важный встал, бережно, чтобы не потревожить, положил кота на диван. Подошел спокойно, молча поднял стул и ударил им. Удар пришелся по плечу и руке. Гоша отлетел на несколько шагов и скорчился от боли.

- Где взял машину? - как ни в чем не бывало снова спросил Важный.

- Увел на улице... Правда, увел.

- Куда "дурь" дел?

- Чего? Какую такую "дурь"?

Пленника отвели в подземный гараж, заваленный ящиками, канистрами, в углу стоял металлический стол с верстаком. Опять щелкнули наручники. Костыль и Людоед принялись за "обработку". Гоша свалился на пол, вскрикивая от обрушивающихся ударов. Людоед бил молча. Костыль же сыпал наполненными злобой ругательствами.

Съездившись на полу, Гоша прикрывал голову руками и чувствовал, как тяжелые башмаки разносят в кровь губу, впиваются в тело. "Убьют" - мелькнуло в голове. Он ста-

рался не кричать громко, понимая, что за крик достанется еще больше.

Сильные руки подняли его с пола, кинули на скрипящий стул. Гоша всхлипнул. Слезы душили его.

- Слюни не разводи, тудыть твою так, - крикнул Костыль и ударил еще раз ногой в бок. Бедолага старался сдерживаться, но слезы все равно текли по щекам. Здесь эти слезы ни у кого не могли вызвать даже тени жалости.

- Давай, птичка, пой со всеми подробностями.

Шмыгнув носом, забитым кровью, Гоша проглотил солевой сгусток. Он уже понял, что выкручиваться бесполезно.

- Пришили чурека. Не хотели его убивать, он на нас сам кинулся. Но "дури" никакой в глаза не видел. Она же мне даром не нужна!

Важный, стоявший у маленького низкого окошка, задумчиво сказал Костылю:

- По-моему, не врет. Где же тогда этот курьериска товар схоронил?

- У него, тудыть его так, баба здесь. Наташа. В прошлый раз, когда был, он ей звонил. Номер ее у него в записной книжке. Красивая такая записная книжка. Этот фраер любил красивые вещи. Эй, ты, прыщ, где записная книжка?

- Кажется, Ванька взял, - заискивающе произнес Гоша, обрадованный тем, что его больше не бьют.

Он назвал адрес Вани, и Людоед записал его на бумажку. По лицу Костыля прошла нервная судорога. Он подошел к пленнику и прошипел:

- Из-за такой жабы, как ты...

На этот раз бил он в порыве ярости, не обращая внимания, куда приходятся удары, стараясь сделать побольнее. В Гошиных глазах расплывались красные круги. В голове пронеслось, что шансы выбраться из этой переделки у него невелики. И мелькнула обжигающая мысль: а что чувствовал в свой последний миг парень, которого они убили? Неожиданно нахлынуло раскаянье, ощущение неизгладимой вины за отнятую жизнь.

- Хватит, Костыль, - щелкнул пальцами Важный.

Костыль на секунду замер, кивнул, напоследок размахнулся и со всей силы ударил механика кулаком в грудь. Гоша отлетел на несколько шагов, ноги его заплелись, и он, споткнувшись, полетел на пол. При падении головой ударился об острый угол верстака... Умер он сразу.

Ваня всю жизнь был недотепой. Таких обычно называют лопухами. Не то, чтобы он испытывал какие-то страдания от осознания этого факта, однако нередко его посещали мысли о несправедливости уклада, при котором ему всю

жизнь суждено оказываться крайним и страдать за чужие шалости. А страдал он за них нередко. Если шли драться на пруд с ребятами с Электролитки, то из тридцати человек, участвовавших в "битве", больше всего доставалось Ване. Если под стул Выдре - хмурой и вредной учительнице химии - подкладывали небольшое, сооруженное из новогодних хлопушек взрывное устройство, отдувался за всех, конечно же, тоже Ваня. Несмотря на полную невиновность, у него, у единственного в классе, глаза бегали воровски, а лицо краснело. И когда Гриб с Санькой нюхали в подвале дихлофос, то, естественно, милиционер по делам несовершеннолетних схватил Ваню, который никогда ничего не нюхал, а в подвале находился просто так, за компанию. Отец его, водитель-дальнобойщик, педагогическим тонкостям был не обучен и драл сына, как в старорежимные времена.

Примкнул к Гоше Ваня не из-за каких-то особых преступных склонностей, дремлющих с рождения в глубинах его существа. Виной тому была та же недотепистость, да еще любовь к технике, запаху бензина, мечта, как у всех пацанов, о собственном мотоцикле. А еще пуще - о машине. Сосед Гоша был механиком высшего класса и знал о машинах все. Он не стеснялся использовать безотказного, простодушного Ваню - принеси, подкрути, поддержи, сбегай за пивом. Постепенно Ваня почти все свободное время стал проводить в гараже. Однажды выпил с приятелями первый стакан портвейна. А месяца через два после пирушки уже считал Гошу и Маратова закадычными друзьями.

На первую кражу с ними Ваня пошел не задумываясь о том, правильно ли он поступает. Если зовут куда-то - значит так надо. После этого он неизменно принимал участие почти во всех делах и даже имел свою долю.

Вскоре он смог позволить себе купить кожаную куртку, черную, всю в заклепках - о такой он мечтал давно; фирменные, белые с зеленым, кроссовки, похожие больше на обувь космонавта; джинсы по последней моде. У Вани даже появилось незнакомое ему до сих пор чувство самоуважения. А тут Гоша еще пообещал вплотную заняться "тачкой" для него. Главное: по дешевке купить развалину с техпаспортом, а под нее подходящий автомобиль увести - раз плюнуть... Машина... Предел мечтаний! При мысли о том, как он сядет в мягкое кресло за руль собственных "Жигулей", красивым движением захлопнет дверцу, плавно выжмет сцепление и устремится вперед, становилось тепло и хорошо на душе.

Первый раз черная тень легла на его душу, когда "брали" "Москвич". Увидев жертву, Ваня проникся к ней жалостью, почти парализовавшей волю. Но длилось это состояние недолго. Вскоре он забыл испуганный, наполненный

болью взгляд хозяина того самого "Москвича". Тень ушла. Ушла до того момента, как Гоша увидел у вокзала синие "Жигули" и кивнул: "Берем".

Когда Витька Маратов вытащил нож, у Вани возникло ощущение ирреальности происходящего. Не в силах двинуться, широко раскрытыми от ужаса глазами он смотрел, как Гоша с размаху бьет водителя - вежливого, остроумного парня, вызвавшего у Вани симпатию... А дальше все как в тумане - дорога, лес, труп на размякшей от дождя земле. Когда закапывали убитого, Ваню стошнило. Впервые в жизни его одолело бездонное отчаянье.

Убил водителя Гоша, но несмотря на это чувствовал он себя нормально, будто не произошло ничего особенного, и вовсе нет на его руках крови. Просто удачно провел очередную "операцию" - и все. Маратов после убийства напился до беспамятства и, как обычно, подрался с женой. А Ваня жил как в тумане, все вокруг казалось ненужным и неважным. Он ходил в ПТУ, отвечал на уроках, точил железяки в мастерской, беседовал с приятелями, вяло огрызался на замечания матери, но ему казалось, что делает это не он...

- Ты куда? - спросила мать, увидев, что Ваня надевает куртку.

- К Гоше, - буркнул он, беря завернутый в газету паяльник, который еще утром обещал принести.

- Опять. Что там, медом для тебя намазано?

- Намазано, - буркнул Ваня.

- Чтобы к ужину был. Когда же отец приедет, займется тобой, оболтусом.

Гошин гараж располагался недалеко - углубиться немного во дворы, обогнуть угол "почтового ящика" - и там. Место глухое, идеально подходящее для тех дел, которыми приходилось заниматься.

Ваня успел спрятаться за трансформаторной будкой. Он увидел, как двое мужчин бесцеремонно запихивают Гошу в белую "Волгу". Один из них походил на одетого в костюм снежного человека, второй был смазлив, одет в кожаную желтую куртку. Последнего Ваня узнал сразу. Ведь именно он заказывал Гоше ту синюю "семерку".

Было понятно, что Гошу ждут неприятности, которые рикошетом могут ударить по остальным. Ваня дрожащей рукой провел по бритому затылку и понуро поплелся домой.

Мать смотрела "Новости", по привычке охала и качала головой. Она воспринимала все события так серьезно, будто они касались ее лично, и неважно, где они происходили - в Австралии или в соседнем районе.

Ваня наспех проглотил картошку с мясом и отправился к себе в комнату. Он лег на кровать, прикрыл глаза и провалялся в дрему. Когда очнулся, прошло три часа. Он потя-

нулся к выключателю, но передумал. В полумраке было спокойнее и уютнее.

С улицы донесся звук подъезжающей машины. Ваня встал, выглянул в окно. На площадку, где стояло несколько автомобилей, принадлежащих жителям дома, заруливала белая "Волга".

- Нам Смирнова Ивана, - донесся из прихожей громкий голос. - Нужен... Ничего, что спит... Мы из прокуратуры... Пойдемте посмотрим.

Медлить Ваня не стал. Он натянул кожаную куртку, карман которой оттягивала новая записная книжка, распахнул окно, ступил на карниз, ухватился пальцами за подоконник и прыгнул. Слава Богу, квартира на втором этаже, так что приземлился удачно.

Бежал он пока хватало сил и дыхания. Перешел на быстрый шаг, снова побежал, хватаясь за ноющий бок и глотая воздух.

Обычно Ваня добирался до поселка "Госконюшня" за полчаса, но сейчас поставил рекорд - не больше десяти минут. Вот и нужная улица - "Чапаев-стрит", небольшие домишки, скрывающиеся за покосившимися заборами - самый покосившийся у Витьки Маратова. Ваня отодвинул защелку, распахнул калитку. Байкал хотел залиться хриплым, истощенным лаем, но, узнав старого знакомого, шмыгнул в будку.

На стук в дверь открыла недовольная заспанная Нинка. Женщина она была скандальная, грубая, день и ночь вместе с маманей "грызла" Маратова. Правда, и тот был хорош - большой любитель пьяных дебошей.

- Где Витька? - через силу выдалил запыхавшийся Ваня.

- Спит твой Витька, зараза он гнилая! Плыви отсюда. Совсем очумел, дня ему мало.

Она попыталась закрыть дверь, но Ваня поставил руку.

- Да ты... - он глубоко вздохнул, намереваясь сказать что-то колкое и обидное, но лишь крикнул. - Ну-ка, зови его! Не то всем нам фигово придется.

- Ох, какой страшный... Иди, сам попробуй добудиться.

Нинка включила в коридоре свет, под глазом у нее сиял синяк - след недавнего скандала.

Ваня растолкал мычащего и ругающегося сквозь сон Витьку. Тот продрал глаза и непонимающе уставился на приятеля.

- Тебе чего, придурок?

- Витек, ко мне приходили...

* * *

Крымов должен был умереть пять лет тому назад. Его разведрота была зажата в горах, наполовину перекошена

душманским пулеметом, установленным со знанием дела именно там, где надо, и шансов почти не было никаких. Крымов прошел подготовку горного стрелка, кроме того, он "родился" альпинистом, так что сумел использовать свой шанс - пролез по почти отвесной скале и накрыл пулеметное гнездо гранатами. Но судьба все-таки настигла его полугодом позже. Пластиковые мины не фиксируются металлоискателями саперов, лишь специально дрессированные собаки способны их обнаружить, да и то далеко не всегда. Поэтому на марше машины шли колея в колею. Десять сантиметров в сторону - и может грянуть взрыв. Так и произошло. БРДМ налетел на мину и перевернулся как игрушечный. Очнулся Крымов в госпитале. На этом афганская война для молодого, двадцати девяти лет от роду, майора, за боевые заслуги отмеченного орденами Красного Знамени и Красной Звезды и внеочередным званием, закончилась.

А вот лучший друг старлей Колька Липягин остался в той, Богом проклятой земле, и никто не знает, где его могила. Сгорел в боевой машине классный командир и настоящий мужчина подполковник Степанович... Да что там говорить, немало ребят вернулись домой в "черном тюльпане".

После Афгана в Крымове что-то надломилось, что-то ушло навсегда. Ушел страх смерти, а на его место пришло неестественное пренебрежение ею. Все страхи остались в прожженном солнцем пыльном ущелье, в кабульском госпитале, в чужой, враждебной, ненавистой стране.

После госпиталя - увольнение по здоровью из армии. Воспринял его спокойно. Пройдя войну, он не мог представить себя комбатом в каком-нибудь кадрированном полку. На ноги встал быстро. По несколько часов в день, пока не потемнеет в глазах, занимался спортом. Нечеловеческое напряжение воли сделало свое дело. Крымов вновь встал в строй, занял место там, где, как ему казалось, он нужнее.

Он считал, что мир без войны для него не существует, и что этот самый мир теперь простирается лишь в двух измерениях: есть враги и есть друзья, свои и чужие, те, кого нужно защищать, и те, от кого нужно защищать. Он сделал свой выбор - стал сотрудником угрозыска.

Дела у Крымова сразу пошли справно. Проявились способности к оперработе. Кроме того, в нем была злая целеустремленность, позволявшая ставить на место даже самых наглых "клиентов", "раскалывать" самых отпетых уголовников. Эта злость в нем настораживала даже коллег и заставляла относиться к "афганцу" с некоторой опаской. Ну а еще - Крымов "играл не по правилам". Оперативник, следователь, ведущие дело, обычно попадают в сеть взаимоотношений с преступником: здесь и какие-то обещания, которые надо выполнять, и жалость, и устоявшиеся традиции.

Крымову на это было наплевать. И он двигал людьми, как шахматными фигурками, если нужно - жертвовал ими, и всегда выигрывал "партию". Для него расследование - это бой, который должен быть выигран любой ценой.

Крымов очертя голову лез туда, куда никто другой не по-лез бы никогда. Голыми руками скрутил пьяного дебошира, средь бела дня у центрального универмага открывшего стрельбу из обреза. Не побоялся войти в квартиру, где после налета делилось похищенное. Разнимал ожесточенные пьяные драки, когда под действием алкоголя, застилающего глаза, "бойцы" способны на все. Его злость и остервенение охлаждали самых пылких. Вскоре среди уголовников и шпаны за ним укрепилась кличка "душман". Особенно слава выросла после того, как он схлестнулся с вышибалой из кооперативного кафе по кличке "Шкаф". В тот день Крымов и начальник районного угрозыска колесили по городу, вы-сматривая разбойника, только что полоснувшего по шее бритвой случайную женщину и отобравшего у нее сумку с десятью рублями. Его нашли около пивной, где он после ли-хого дела, заставившись кружками, неторопливо цедил пи-во. Секунда - щелкнули наручники, руки за спину - "упа-ковали". Тут публика, преимущественно местные алкаши, заволновалась. Громче всех возмущался Шкаф. Уцепился за руки Крымова и засипел пропитым голосом:

- За че мужика цепляете, менты клятые? Отпусти его.

Молча, с одного удара Крымов послал Шкафа в глубокий нокаут и, пообеда взглядом остальных, процедил:

- Еще кто хочет?

Желающих не нашлось.

Через три года Крымов был переведен в областное управ-ление. Молодой, не отягощенный семейными узами и дли-тельными любовными увлечениями, малолюбующий, но зато выкуривающий полторы пачки в день подполковник Кры-мов стал оперуполномоченным по особо важным делам вто-рого подотдела - по расследованию убийств и преступлений против личности...

Крымов отодвинул в сторону большой ватманский лист, разграфленный разноцветными карандашами. На такие лис-ты он аккуратно переносил все данные по делу, версии, свои мысли. Помогало. Он взял авторучку, щелкнул по носу стоящего на столе пластмассового пингвиненка сиреневого цвета. Сиреневых пингвинов не бывает, поэтому Крымов подозревал, что это и не пингвин вовсе, а какая-то загадоч-ная птица. Этой игрушке много лет, побывала она и в Аф-ганистане, и на Севере.

Пингвин не был талисманом. В талисманы Крымов не ве-рил, поскольку многих знакомых ему людей они не сберег-ли. Однако можно было допустить, что сиреневый пингвин

отгоняет-таки от него и от тесного, заставленного столами, стульями, несгораемыми шкапами кабинета злых духов.

- С Алексеевичем беседуешь? - спросил вошедший в кабинет Гаврюхин. Алексеевичем он звал пингвина за его внешнее сходство с заместителем начальника областного угрозыска.

- Да нет, картинки рисую.

Гаврюхин, отдуваясь и пыхтя, как паровоз, что неудивительно при его ста двадцати килограммах весу, плюхнулся на стул и вытер лоб.

- Слышь, Сергей, у тебя стольника до зарплаты не найдется?

- Вчера же получка была, куда ты ее дел?

- Ох, лучше не вспоминать, - махнул рукой Гаврюхин. - Пришел домой, как положено порядочному отцу семейства, положил деньги на стол. Сидим со Светой на кухне, и чую я, что непорядок какой-то - дочки долго не слышно. Пошел посмотреть, а Леночка в туалете зарплату мою на мелкие клочки рвет и бросает. Нет, я не скажу, что все изничтожила. Двадцать рублей осталось.

- А зачем порвала? - спросил Крымов, протягивая сотенную бумажку.

- Не говорит. Три года всего, а упрямая. Может, бесребреницей растет, а?

- Может. Что там нового по трупу в Чаплыгино?

- Да ничего особенного. Обшарили квартиру, опросили родственников - эффект нулевой, - сказал Гаврюхин, пододвигая к себе машинку и вставляя в нее лист.

- И что у него нашли?

- Ничего такого, что заслуживает вашего высочайшего внимания. Ну, квартира. Ну, гараж. Ну, две машины. Дальше-то что?

Гаврюхин медленно, подыскивая буквы, начал печатать, и казалось, что от ударов его толстых пальцев старенькая "Эрика" рассыплется на части.

...Два неопознанных трупа за два дня - такого давно не было. Первый - труп молодого, хорошо одетого мужчины обнаружили в лесу рабочие совхоза "Пролетарий". Тонкий слой земли и ветки разгребли, почуяв добычу, бродячие собаки, которых в последнее время много развелось в лесах - они сбиваются в стаи и уже начали представлять опасность для людей. Ни документов, никаких бумаг, указывающих на личность убитого, найдено не было. Неподалеку от места захоронения имелись следы протекторов. По ширине колеи - "Жигули". Имеют они отношение к убийству - поди разгадай. Крымов с оперативниками из Черняховского райотдела обшарил все окрестности. Местные жители в день убий-

ства видели синие "Жигули". Номер и модель, естественно, не запомнили.

Второй труп нашли случайно. Его убийцы кинули в отстойник около главной усадьбы совхоза "Чаплыгинский". Труп так бы и потонул в жиже, если бы не решетка. Работенку по извлечению тела, доставшуюся милиции, чистой не назовешь. Областной информцентр по дактилоформуле сообщил личность убитого - Ступенко Георгий Георгиевич, 1961 года рождения, осужден полгода назад по статье 144 УК РСФСР к двум годам условно.

Учитывая территориальный разброс, разницу во времени наступления смерти почти в сутки, трудно было предположить, что убийства связаны между собой.

- Что за машины? - с утра голова у Крымова была занята вопросом: где искать синий "Жигуль", поэтому любые известия об автомобилях вызывали у него живой интерес.

- Белый ВАЗ-21011 и синий ВАЗ-2107. Первая машина его, вторая - чужая. Он же индивидуальщик, кто-то отдал чинить.

- Интересно. По моему делу тоже синий "Жигуль" крутится. Гипсовые слепки со следов протектора есть. А если взглянуть - не эта ли "семерка"?

- В чудеса веришь? Тогда колдуна пригласи - сразу все "висяки" скинем. А преступников по инквизиционному праву к сожжению приговорим.

- Тебе бы только хохмить. Ну, а может быть...

Крымов повернул ключ, двигатель натужно заурчал, но не завелся.

- Что, не пашет твой БТР? - с участием произнес Гаврюхин.

БТРом все называли зеленые, потрепанные, будто побывавшие в боевых действиях, "Жигули" - собственность Крымова.

- Может, подтолкнуть? Прямо до Апрельска.

- Побереги силы, - нахмурился Крымов, повернул еще раз ключ, включил скорость и выжал акселератор так, что машина, подобно испуганному джейрану, сорвалась с места. Гаврюхин стукнулся головой о подголовник и чертыхнулся...

...Дело сдвинулось с мертвой точки. Немного времени понадобилось экспертам, чтобы дать заключение - у совхоза "Пролетарий" крутилась та самая "семерка" с узбекскими номерами. Когда очень нужно, громоздкая милицейская машина способна функционировать довольно быстро. Вскоре на столе Крымова лежала шифротелеграмма. Владелец машины с этим номером - Рустам Абдураззаков, по описаниям

внешне очень похож на погибшего. Можно считать, что личность идентифицировали.

Ясно, что два убийства связаны между собой, но как? По этому поводу можно было бы построить немало будоражающих воображение версий, которые так и будут проситься на киноэкран. Но для них нужна исходная информация, для начала хотя бы разузнать побольше о Ступенко и его связях.

Информация накапливается из десятков разговоров, из журналов и карточек различных учетов, она разбросана по записным книжкам многих и многих оперативников, участковых, других сотрудников милиции. Для ее извлечения в нужный момент служит отработанная система - телетайпграммы и шифротелеграммы, ориентировки и сводки, да просто обычный телефон. При расследовании двух убийств, конечно же, система работает на полную мощность.

Сведения о Ступенко постепенно накапливались. Вскоре было известно, что все звали его Гошей, жил он на широкую ногу. Так же стало известно, что самые близкие его знакомые, постоянно крутившиеся у него в гараже - Виктор Маратов и Ваня Смирнов. Настало время переговорить с ними.

Гаврюхин городишко Апрельск знал неплохо и показал, куда ехать. За фабрикой игрушек - местным промышленным "гигантом", где работало несколько тысяч "химиков" - поворот. Дальше мимо недостроенного культурного центра "Прогресс", возводившегося уже восемь лет, перед которым возвышалась фигура Музы болотно-зеленого цвета. Может, она и должна была напоминать замордованным неурядицами и пустыми магазинными полками, сумасшествием перестроечных голодно-свободных лет, утонувшим в беспробудном пьянстве и безысходности, в никчемных заботах и колбасно-сосисочных радостях жителям о чем-то возвышенном и прекрасном. Может быть. Однако больше статуя напоминала не Музу, а утопившуюся от тоски гипсовую девушку с веслом, выуженную рыбаками и сразу возведенную на пьедестал.

- За статуей направо. Там, где универсам, во двор, - снисходительно, как опытный лоцман, указывал Гаврюхин.

Дверь открыла блеклая полная женщина с тусклыми, настороженными глазами.

- Нам бы Ивана Смирнова увидеть.
- Нет его, - напряженно и неприветливо сказала женщина.

- Подполковник Крымов, областной уголовный розыск, - он показал удостоверение и прошел в квартиру.

- Что же это делается? Что вы все от сынули моего хоти-

те? - всплеснула руками женщина, в ее голосе слышались базарные нотки.

А кто и что еще от него хочет? - осведомился Крымов, окидывая взглядом заставленную безвкусной и дорогой мебелью, заваленную хрусталем и безделушками квартиру.

- Да еще двое, такие же, как вы, приходили. Из прокуратуры, - женщина была чем-то заведена. - Везде бандиты, матершинники, на милицию вся надежда, а вы, оказывается, сами не лучше! Ворвались, всю Ванину комнату вверх дном перевернули. Я даже пригрозила начальству написать, а один из них, нахальный, знаете, чего говорит? Ох, ну и нахальный... Говорит: жалуйся, всю семью тогда пересажаем. Ох, ну милиция пошла.

- Не милиция, а прокуратура. Кстати, почему вы решили, что они из прокуратуры? - спросил Гаврюхин, усаживаясь на стул.

- Документ показали.

- Такой? - Крымов продемонстрировал свое удостоверение.

- Похож, но фотография с другой стороны была.

- Ясно. Как они выглядели?

Женщина нехотя и довольно сумбурно описала визитеров. Больше ничего заслуживающего внимания узнать не удалось.

- А где сын может быть?

- Когда муж в рейсе, он от рук совсем отбивается. У Гоши своего. Или у Витька Маратова. Да что он натворил-то?

- Ничего страшного. Просто поговорить надо. Если появится - вот телефон. Пусть позвонит. Ему самому лучше будет...

Крымов опять с трудом завел двигатель и тронул "БМП" с места. Прямо под колеса кидалась ребятня, которая гоняла по двору, так что приходилось ехать осторожно.

- Что все это значит? Кто эти конкуренты, которые квартиру перевернули?

- Что не из прокуратуры - это несомненно, - зевнул Гаврюхин. - Разберемся. Двигаем на "Госконюшню" к Маратову. Может, из него чего вытянем.

Дом Маратова выглядел чрезвычайно запущенным. Крымов распахнул калитку, на него, заливаясь злобным лаем, рванулась с цепи большая грязно-белая дворняга. Затем на пороге появилась черноволосая, в безвкусном цветастом платье толстая женщина. Хмурому выражению ее лица вполне соответствовал синяк под левым глазом.

- Чего собаку пугаешь?

- Поговорить надо. Милиция, - Крымов продемонстрировал удостоверение.

Красная книжечка смутила хозяйку дома лишь на миг. В ее глазах даже мелькнул испуг, но она быстро взяла себя в руки и звонко завопила:

- Ну и че? Ты энтог, ордер неси, тогда заходи. А сейчас нечего собачонку пугать!

Крымов зашел за калитку, собака вновь с лаем рванулась на него, но достать не могла из-за короткой цепи.

- Слышь, хозяйка, - ледяным голосом произнес он. - Убери своего волкодава, не то пристрелю его к чертовой матери. И не слишком наглей - не то другой разговор будет.

В этом человеке, которого Нинка видела впервые, было нечто пугающее и не вызывавшее желаниа встречаться с ним вновь. От него исходила сковывающая холодная энергия.

"Прям Кашпировский", - подумала она и недовольно махнула пухлой рукой, которую стягивал дешевый браслетик:

- Ладно, проходите.

В тесном коридорчике Нинка протиснулась бочком в комнату, пытаясь что-то заслонить от гостей. Крымов рассмотрел наполненную мутной жидкостью двадцатилитровую бутылку. Наверняка, самогон. Это объясняло недружелюбный прием, оказанный милиции.

- Где мужик твой? - спросил Крымов, быстро и бесцеремонно осмотревший все помещение. Он уселся на шатающийся стул в крохотной кухне с облупившейся краской на стенах и потолке. Прямо над раковиной с яркого плаката томно взирала полуголая Мадонна.

- Кто ж знает, где муженек мой, - непривычно вежливо и спокойно, сама удивляясь себе, произнесла Нинка. - Он же дурной. Прибежал к нему этот Ванька шебутной, прям посреди ночи поднял, вместе и отвалили. Больше их не видела... Сразу он всем понадобился. Тут двое каких-то паскудников приходили. Тоже Витьку искали.

- Один огромный, на обезьяну похож, другой смазливый, в кожаной куртке? - подал голос Гаврюхин, продолжавший позевывать.

- Ну да, милиция все знает, - Нинкин голос теперь был заискивающим и угодливым.

- Где все-таки муженек твой быть может?

- Или у Гоши, или у девок своих. Кобель же. У Лидки, а может, еще у кого. Что я их, всех что ли знаю? Интересы нет.

Задав еще несколько вопросов, Крымов встал. В коридорчике он рукой смахнул с полки бутылку, успев отскочить, чтобы не забрызгаться. Усмехнувшись, пожал плечами:

- Неудобно получилось...

Костыль боялся Губина. Боялся сильно. Важный был для него не просто человеком, которому приходится подчиняться. В нем Костыль видел не знавший пощады мир "правил" и "толковищ", странных, обнаженно звериных взаимоотношений. И Костыль всегда до смерти боялся встать

* *Правилки, толковица - собрания воров, где выносят приговоры нарушителям воровского закона.*

поперек, не вписаться в него, быть перемолотым и изничтоженным.

С Гошей этим получилась какая-то несуразица. Как ни крути, а получается, что курьера автомеханик убрал по заказу Костыля. Ведь все началось с той "семерки". А потом смерть Гоши. Не хотел его Костыль убивать, лишний труп совсем ни к чему. Лучше, если бы механик сам принес записную книжку. А потом можно было бы выбить из него деньги за доставленное беспокойство. Или отдать узбекам, если те захотят посчитаться. Теперь ничего не поделаешь. Нужно, конечно, было держать себя в руках, но не получалось, хоть убей.

С головой у Костыля было не все в порядке - об этом ему часто говорили. Когда накатывала ярость, сдерживать он себя порой не мог. Уголовники его за это даже уважали, что помогало поставить себя на достойное место. Когда в первый раз "влетел", следователь повел его на судебно-психиатрическую экспертизу. Там люди в белых халатах полчаса терзали его глупыми вопросами типа: "что тяжелее, килограмм железа или килограмм воздуха?", "не было ли среди родственников больных шизофренией?" Костыль, естественно, взорвался и обругал женщину-главврача с недобрым колючим взглядом. Та холодно посмотрела на него и процедила: "Смотри, докричишься. В психушку запру - всю жизнь оттуда не выберешься". Тогда Костыль закрыл рот и больше не возражал, поскольку немало был наслышан о психиатрических больницах всякого. В акте амбулаторной экспертизы врач каллиграфическим почерком вывела: "...психопатия возбудимого круга. Вменяем, мог отдавать отчет своим действиям и руководить ими".

В тот роковой вечер ему, понятное дело, дешевле было бы не распускаться. Когда Важный понял, что Гоша мертв, он поднял глаза на Костыля и голосом, от которого мурашки поползли по коже, произнес:

- Костыль, ты найдешь записную книжку и "дурь". Не то...

Что скрывается за этим "не то", Костыль меньше всего хотел бы узнать на собственной шкуре.

Труп утопили в отстойнике около совхоза. Затем - в Апрельск. Задача была несложная - вызвать из квартиры этого пацана, отобрать у него книжку с телефоном Наташи.

Позвонив в квартиру Вани, Костыль сунул его матери красную книжечку, которую смастерил один его кореш. Смастерил не шибко качественно, но главное, что в глаза бросалась тисненая золотом надпись "Прокуратура СССР". На лохов действует безотказно.

Парня дома не оказалось. Из под носа ускользнул.

Перевернули всю комнату, осмотрели квартиру, но за-

писной книжки не нашли. Хозяйка квартиры не понимала ничего, кроме того, что происходит наглый произвол.

- Вякнешь кому - всей семьей в тюрьге сгниете, - Костыль положил в карман взятую с полки цветную фотографию Ивана.

Важный выслушал рассказ своих помощников и покачал головой.

- Если бы у тебя было столько мозгов, сколько гонора... Нужно было к этому, к Маратову ехать, выколотить из него все, что знает.

- Сейчас сделаем, - с готовностью кивнул Костыль.

- Я же говорю - голова у тебя пустая. Ночь же, весь поселок на ноги поднимешь. Завтра утром...

С утра пораньше Костыль с Людоедом вновь мчались на машине в Апрельск. Поселок "Госконюшня" нашли без труда. У пенсионеров, гревшихся на солнышке, узнали, что Витька Маратов "живет с Нинкой-стервозиной и с тещей-ведьмой, от которой один толк: самогон варит и доброму люду продает".

Когда Людоед и Костыль подходили к покосившейся "избушке на курьих ножках", оттуда вышла и неторопливо направилась вдоль улицы толстенная женщина в цветастом платье.

- По-моему, это она, так ее растудыть, - выругался смачно Костыль.

Они бросились за ней. Костыль взял ее ласково за локоть и елеиным голосом произнес:

- Ниночка, постой.

- Э, ты кто такой? - покосилась на него Нинка. - Грабли уברי.

- Тихо, голубушка. Мне твой муж нужен. Дома он?

- Нет его, голубок.

- Пошли, поглядим.

- Чего? Пльви отседова, пьянь подзаборная, курсом на север-юг.

- Ты, слониха отъевшаяся, мать твою, - Костыль сильнее сжал ее локоть одной рукой, а другой вытащил из кармана кнопочный нож, и лезвие прижалось к обтянутому материей телу. - Счас брюхо твое быстро препарирую!

Глаза ее забегали. Сначала она хотела завизжать, облаять этого нахалюгу в кожанке, но, увидев нож, прикусила язык. Хоть и маловероятно, что средь бела дня этот прощелыга надумает пустить его в ход, но кто знает, что у него на уме.

- Взвизгнешь- пришью, - будто читая ее мысли прошипел Костыль. - Будешь тихой, как мышка, отпустим. Не трясись.

- Ладно, голубок, пошли, - подойдя к своему забору, она распахнула калитку и прикрикнула: - Байкал, свои!

Вскоре Костыль к разочарованию своему убедился, что Маратова нет дома. Плюхнувшись на незастеленную кровать, грубо спросил:

- Где он?

- С Ванькой куда-то отчалил...

Положение осложнилось. Важный ждать не намерен. У него времени в обрез. Нужно форсировать события, но как?

Костыль напряженно думал. Выбить деньги у несговорчивых фраеров, повернуть лихое дело - тут у него шарики в голове крутятся. Но как найти человека в Апрельске? Не обшаривать же каждый подвал и квартиру. А если двинул Ваня в дальние края? Да и при нем ли записная книжка?..

На поиски ушел весь день. Ткнулись к ребятам во дворе, приятелям Вани.

Уже стемнело, на небе висела яркая, четко очерченная луна. Костыль, облокотившись на руль, ломал одну спичку за другой, пытаясь закурить. В раздражении выплюнул сигарету.

- Ни черта у нас не получается.

- Важный шкуру сдерет, - меланхолично кивнул Людоед.

- Тысячу лет его искать будем, - Костыль вынул из красной пачки "Мальборо" еще одну сигарету. - Нужно, чтоб кто-то помог.

- Кто, милиция?

- ...Поехали. Как же я, баранья башка, сразу-то не скумекал!

* * *

Позавчера Голове исполнилось сорок пять. Дата круглая. Но не было ни ломающегося от явств стола, ни славящих юбиляра тостов и богатых подарков. Он был непривычен к подобной торжественности и чувствовал бы себя в такой обстановке не слишком-то уютно.

Кличку "Голова" Дмитрий Васильевич Караваяев получил из-за своей большой головы. Впрочем, не она была важна в его работе, а чувствительные и ловкие пальцы. Он был карманником-асом. Карманники делятся на щипачей и писак. Первые выдергивают у граждан из карманов и сумок кошельки, вторые режут те же карманы, сумки и вытряхивают незаметно содержимое. Голова владел виртуозно обоими способами. На промысел он выходил ежедневно, как хороший клерк на службу, но, как истинный профессионал, "срывал" в день не более одного кармана. После каждого удачного дела выцарапывал на крышке деревянного стола черточку, подобно Робинзону Крузо, отмечавшему зарубками дни пребывания на острове. Перед последней отсидкой

всего лишь пятьдесят отметин не хватило до полутора тысяч.

Голова был осторожен, не брал помощников, не готовил учеников, хоть по воровским правилам это и входило в его "обязанности", но все же время от времени попадался. По приговору народного суда получал обычно четыре-пять лет за одну единственную доказанную кражу кошелька с пятью рублями.

Хотя иные карманники умудряются неплохо разжиться, покупают машины и видики, у Головы, как у большинства его собратьев, запросы были гораздо скромнее: выпил, закурил - и ладно. Кроме того, он чувствовал ответственность за родного человека - девяностолетнюю бабуку, с которой жил в одной квартире и которой выпивки требовалось не меньше, чем ему самому.

Пьянство с каждым годом затягивало все сильнее: лицо становилось краснее, силенок - меньше. Третью судимость получил уже с "нагрузкой" - принудлением от алкоголизма. Вылечить, конечно, не вылечили, но кое-какой результат был достигнут. Надоело сидеть по тюрьмам, надоело "работать по карманам". И Голова решил "честно" трудиться на благо общества. Он, может, и раньше бы начал "честно" трудиться, да мешали законы об уголовной ответственности за тунеядство, тягостная необходимость иметь трудовую книжку. По нынешним же временам работаешь ты или не работаешь по трудовой книжке, не интересуется никого, и Голова сменил род занятий.

Еще с утра он наглотался одеколونا, который притащили в скверик мужики. До дома дотащился еле-еле, и сразу провалился в тяжелый сон. Разбудил его звонок в дверь. За окнами было темно, и он не понимал - вечер на улице или раннее утро. Так настойно могла звонить лишь милиция или Гришка Шпиндель из соседнего подъезда, тоже постоянно озабоченный поисками или что выпить, или с кем выпить.

Голова, покачиваясь, направился к двери, распахнул ее, протер глаза и в упор уставился на визитеров.

- О, Костыль, брат мой! - он сразу бросился обниматься.

Костыль поморщился. Если бы он так хорошо не знал старого карманника, то мог бы подумать, что тот искренне рад встрече.

Хозяин проводил гостей в большую комнату, стряхнул крошки со стульев и пригласил садиться.

- Располагайтесь.

Голова проживал в просторной двухкомнатной квартире с высокими потолками и лепными карнизами - мечта любого гражданина СССР. Запустил ее донельзя. Большая комната, где жил он сам, была обставлена весьма скудно - скрипучая

кровать с солдатским одеялом, грязный, залитый портвейном стол, несколько стульев и покосившийся шкаф с зеркалом. На старомодном телевизоре "Рекорд" стоял оклад от иконы. Святой лик заменяла мятая репродукция Рублевской "Троицы". Саму икону загнала бабка, когда понадобились средства на выпивку, и, как человек набожный, до сих пор раскаивалась в этом, на коленях молила прощения у репродукции.

- Как, Голова, все карманы пылесосишь? - осведомился Костыль вытаскивая из сумки бутылку "Киндзмараули".

- Не, надоело. Я теперь самый что ни на есть законопослушный гражданин. Веду честную жизнь - бутылки собираю. Штучка - полтинник. У пивнухи "Солнышко". Место рыбное. Все знают, что я там промышляю. Ни одна паскуда конкурентная туда не сунется. Меня там уважают.

- И как у тебя с деньгами? - спросил Костыль, разливая вино по стаканам, которые Людоед тщательно, с мылом, отдраил в ванной.

- Так себе. В принципе, если поднапрячься, за день можно до сотни насшибать, но расходы уж очень большие. Сам знаешь, почему горючее для моего "ржавого мотора".

Голова опрокинул стакан, налил себе еще, а бутылку спрятал в шкаф, пояснив:

- Бабуся остатки. Пусть порадуется. Кто же о ней, старрой, еще позаботится.

- Да уж, такой внучек внимательный - радость на склоне лет, - Костыль вытащил из гармана две хрустящие сотенные купюры. - Новенькие, только из банка.

- А мне-то что?

- Гошу Ступенко знаешь?

- Это который по машинам? Знаю. Ему за кражу суд отвесил условно. Гуманисты, как сейчас в газетах пишут.

- А Маратова Виктора, Смирнова Ивана?

- Знаю. Ванька совсем малой, лет семнадцать. Вежливый, здороваётся. Уважает меня.

- Мне этого малого найти надо. Он смылся куда-то. И срочно нужен. Получишь еще пять бумажек.

Костыль знал, к кому обратиться. Голова с его общительным характером и авторитетом ловкого вора знал все об Апрельске и его окрестностях: о жизни местных наркоманов, грабителей, убийц. А с Гошей и Ваней жил по соседству, так что ему и карты в руки.

Голова посмотрел сторублевку напросвет.

- Ты еще на зуб попробуй.

- Ладно. И не из-за денег, а токма лишь из душевного к тебе отношения, Костылечек. Мы ж друг друга уважаем, правда, брат мой?

- Узнаю, что динамишь...

- Ладно, ладно, не маленький...

К порученному делу Голова отнесся со всей ответственностью. Пришлось побегать, попотеть. Зато, когда вновь объявился Костыль, Голова небрежно протянул ему мятый тетрадный листок, исписанный корявым почерком.

- На даче у одной шлюхи они. Вот тебе адрес. Гони бабки...

* * *

Работать надо, а не теории строить! - хлопнул ладонью по столу начальник УВД. - Чтоб мальчишка был найден. В самое ближайшее время.

Генерал был взвинчен, так что досталось и начальнику уголовного розыска, и Крымову как старшему группы по раскрытию недавних двух убийств.

Упреки были определенно незаслуженными. Да, под руку генералу лучше было бы не попадаться, но начальственные громы и молнии отскакивали от Крымова, как дробь от танковой брони. Он делал свое дело, а что об этом думают наверху или внизу, или вообще где бы то ни было - его совершенно не волновало.

Дурное расположение духа начальника управления было вполне объяснимо. В последние дни неприятности посыпались одна за другой. Лейтенант-пожарник, напившись до умопомрачения, не поладил со своим приятелем - самогонщиком - разошелся в определении стоимости продукта, после чего проткнул его ножом, отправив на больничную койку. Это раз. На улице хулиганы налетели на участкового, и пока тот пытался объяснить - мол, не надо грубить, драться, - его отколотили и оставили без "черемухи" и пистолета. Это два. Ну а третье - утром угнали оперативные "Жигули" с рацией, мигалкой на магните и радиотелефоном.

- Ну что, досталось тебе от маршала нашего? - спросил Гаврюхин, скучающе щелкающий семечки.

- Плевать хотелось, - отмахнулся Крымов.

- Сереж, у тебя еще пятидесяти рублей на мою бедность не найдется? - перевел разговор Гаврюхин.

- Что, Леночка и мою сотню успела оприходовать?

- Нет. Жена софу купила.

- За полтинник?

- Остальные теща дала.

- Ясно, - Крымов достал из кармана пять мятых десяток.

- Вместо мальчишки ты софу искал.

- Нет, мальчишку я тоже искал. Мы искали. И ищем..

Ваню на самом деле искали. Искали профессионально. Ориентировки, работа по связям, подключение гласных и негласных возможностей милицейского механизма. Этих са-

мых возможностей вроде бы и немало, но пока все было впустую.

- Ты же у нас голова, - поддел напарника Крымов. - А сыска. Придумай что-нибудь.

Гаврюхин работал в розыске почти что с детства - с двадцатилетнего возраста. Шестнадцать годков службы, опыт и отличная зрительная память снискали ему славу человека-компьютера. Преступный мир он знал, пожалуй, лучше всех в отделе, не раз выручал при раскрытии опасных преступлений.

- О, елки-палки! - Гаврюхин с размаху хлопнул себя по лбу ладонью. - Голова, точно!

Голову Гаврюхин знал хорошо. И Голова знал старшего оперуполномоченного тоже неплохо. А еще лучше знал, чем он ему обязан. Однажды, будучи совершенно невиновным (правда, лишь в том преступлении), карманник подозревался в серьезном деле. Блестяще разобравшись в этой истории, Гаврюхин выручил его. А еще помнил Голова, что после этого был вынужден делиться сведениями строго конфиденциального характера. В результате этого бешеный Мамай, на совести которого было пять убийств, был пристрелен при задержании, а группа Балаянца, тряская цеховиков и фарцовщиков, получила долгу "прописку" в местах лишения свободы. За подобные услуги уголовному розыску Голове полагалось наказание, вовсе не относящееся в преступном мире к разряду исключительных, - смерть.

Голова не получал с угрозыска денег - на бутылках зарабатывал поболе, предпочитал хитрить и морочить оперативников. Но при нажиме из него можно было порой выдавить ценные сведения.

Узнав, кто такой Голова, Крымов пожал плечами недоверчиво:

- Думаешь, он может что-то знать?

- Не знает, так узнает. Такой жучок и пронира, каких поискать... Загружаемся в "БТР" и понеслись.

Когда зеленые "Жигули" остановились у добротного, восьмизэтажного, пятидесятих годов постройки, дома, которые в народе именуется генеральскими, Крымов удивился:

- Этот ханыга в таком доме проживает?

- Ну да. Тут еще секретарь горкома и директор "почтового ящика" живут. Это опера в хрущобах ютятся, а карманнику не положено.

На звонок в дверь долго никто не открывал. Наконец-то послышались шаркающие шаги, и дверь медленно, со скрипом открылась.

- О, Тимофей Викторович, как я рад тебя видеть!

Голова покачивался, от него несло перегаром, под глаза-

ми лежали синие тени. Он попытался придать своему помятому лицу счастливое выражение.

- Привет, Голова.

- А товарища твоего что-то не узнаю.

- Еще узнаешь, - успокоил его Крымов.

В комнате, пригласив незваных гостей сесть, Голова как бы невзначай положил газету на край стола. Гаврюхин заметил этот маневр, приподнял газету и ткнул пальцем в пять хрустящих сотенных купюр нового образца.

- Откуда?

- Да так, отдают люди старые долги.

- Помощь твоя требуется. Не откажешь?

- Как можно, - наигранно бодро отозвался Голова.

- Надобно одного человечка найти.

- Все кого-то ищут.

- Кто "все"?

- Да так, к делу не относится. Кого искать? - спросил Голова, поднимаясь с кровати. Он плеснул себе в стакан воды из литровой банки с этикеткой "маринованные огурцы" и начал жадно глотать.

- Соседей твоих, - Гаврюхин положил на стол две фотографии. - Маратова Виктора и Смирнова Ивана.

Голова поперхнулся и судорожно закашлялся. Откашлявшись и вытерев рукавом лицо, пряча глаза, он покачал головой:

- Я их плохо знаю. Где искать? Я человек старый, больной, всеми позабытый-позаброшенный.

- Не прибедряйся, Голова, а то у меня сейчас слезы на глаза навернутся, - усмехнулся Гаврюхин.

- Не, тут глухо. Хотя, конечно, можно попытаться, но я не гарантирую, потому что... - начал вяло тянуть волюнку Голова, и стало понятно, что искать никого он не намерен.

- Значит, считай, что тебе не повезло, - негромко произнес Крымов.

- Это почему? - насторожился Голова. Этот человек ему не нравился. Похоже, он относится к худшей категории легавых - угрюмым фанатам. Такие, чтобы раскрутить дело и запихнуть какого-нибудь беднягу-урку за решетку, готовы земной шар перевернуть вверх ногами.

- Потому что я человек трепливый, - Крымов вытащил сигарету, подошел к окну, распахнул форточку, чтобы проветрить комнату, и затаился. - Могу невзначай проболтаться кому-нибудь о твоих "подвигах" на благо правосудия.

- Тимофей Викторович, что он говорит? Это же нечестно! Мы же всегда с вами по-человечески.

- Мне очень жаль, Дима. Я к тебе со всей душой, - развел руками Гаврюхин и, придвинувшись к Голове, прошеп-

тал. - Мой друг из иной породы. Его урки "душманом" прозвали. Зверь.

- О, Бог ты мой, - простонал Голова. - Хорошо, черт с вами. Буду работать, ничего не поделаешь.

Тут Крымов оторвался от окна, подошел к Голове и, смотря на него сверху вниз, приподнял двумя пальцами его подбородок.

- Слышь, Голова, не валяй дурака. Я вижу, что ты крутишь.

Голова отпрянул, прикусил губу и вздохнул.

- Ну ладно, знаю я, где они. Случайно узнал. На даче в Каменке. У одной девки, - он назвал адрес.

- Поехали туда, Серег, - сказал Гаврюхин, поднимаясь.

У двери Крымов резко обернулся:

- Слушай, Тим, он же говорит не все. Голова, откуда ты все это знаешь?

- Ребята по случаю сказали.

- Не свисти.

- Ну хорошо, хорошо... Двое тут ими интересовались. Какой-то долг хотят истребовать. Я им Ваньку и нашел.

- Кто они?

- Костыль... Ну, Костылевский. И Людоед - фамилие его мне неведомо. Они вроде бы на Важного работают. Ну, на Губина. Уж его-то каждый пес знает.

- Ты им этот адрес отдал? - обеспокоенно спросил Гаврюхин.

- Да, они за десять минут до вас отбыли туда. На белой "Волжанке".

- Черт возьми, у них полчаса форы!..

* * *

Вся Ванина жизнь полетела кувырком. Он чувствовал себя так как, по идее, чувствует себя пилот в самолете, потерявшем управление. Все рушится, небо и земля перевертываются, а внизу пустынные скалы, о которые наверняка разобьешься.

В ту ночь Маратов, выслушав Ванин рассказ, всполошился и принял единственно возможное для перепуганного человека решение:

- Сматываемся.

Неважно, кто приходил по их душу - милиция или кто-то еще. Вполне могло оказаться, что тот заказчик на "Жигули" - замаскированный милиционер, а в его кармане лежит бумага с печатью, по которой Ваню и Маратова надлежит арестовать за убийство, а затем расстрелять. А может быть, тип в желтой кожанке и его приятель - обычные бандюги, по неизвестным причинам готовые разделаться с Гошей и его поделщиками. Предположений можно было строить

сколько угодно, но одно Ваня знал точно: куда ни кинь - везде клин. А потому Витькино решение исчезнуть и схорониться где-нибудь до лучших времен он расценил как необычно мудрое.

Бежать, скрыться... Но вот только куда бежать? Первую ночь худо-бедно прокантовались у Борисова, приятеля Маратова. А что дальше? Остаться в Апрельске страшно, да и Борисов - человек ненадежный и болтливый, с ним связываться - все равно что объявление в газету дать.

Встав пораньше, Маратов выгреб из своих и Ваниных карманов двухкопеечные и десятикопеечные монеты, направился к ближайшей телефонной будке. Опасливо озираясь, он нервно накручивал телефонный диск и выслушивал от знакомых нецензурную брань и нелестные отзывы о "придурках, которые звонят в шесть утра". Впору уже было отчаяться, но на четвертом звонке повезло. Сонная Люська, терпеливо выслушав чушь о мифических кредиторах и "хреновой ситуации", зевнув, осведомилась:

- Дядьке моему "запор" на колеса поставишь?

- О чем разговор, ласточка моя! - опасаясь, как бы не спугнуть удачу, затараторил Витька. - "Мерседес" из него сделаю, как только проблемы свои улажу.

- Мои снова на север укатили, дача свободная. Живи уж. Только чтоб не мусорить, а то быстро в три шеи выгоню.

- Языком все буду вылизывать, голубушка моя!

- Вить, ты придуриваешься или всерьез?

- Куда серьезнее, кисонька...

Дача у люськиных родителей была не очень шикарная, но все-таки дача, а не какой-нибудь щитовой домишко, которых полно понастроили в разных садово-ягодных товариществах. Трехкомнатный, с застекленной верандой дом, еще не обжитый после зимы, хранил в себе сырость и холод, пока хорошенько не протопили печку.

Народу в поселке почти не было. Дачники наезжают в субботу-воскресенье, но в такую погоду, слишком прохладную для весны, даже в выходные желающих побыть на природе находилось не так уж много. Во всей округе постоянно проживали лишь несколько дряхлых старух да пьяница-прапорщик, служащий завскладом на военном аэродроме.

Скукота была страшная. Из развлечений лишь радио да кипа старых газет и журналов. Но Ваня меньше всего думал о развлечениях. Он никак не мог освободиться от оцепенения и страха. Сегодняшнее существование, вдали от всех, вполне устраивало его. Ему казалось, что он может прожить так всю жизнь. Лишь бы забыть об убийстве, о пропасти, разверзшейся у него под ногами.

Маратов вскоре вошел в привычную колею. Ему это оказалось совсем нетрудно. По соседству с дачным товарищест-

вом раскинулся поселок Новооктябрьский, в старорежимные времена - село Могильное. Несмотря на новое название, до сих пор жителей именовали могильщиками. В Новооктябрьском-Могильном Маратов отыскал бабу-самогонщицу, у которой купил две бутылки с огненной водой. На три дня хватило, но потом снова начала мучать "жажда".

- Веди себя хорошо, дверь никому не открывай, спичек не жги, - шуточно погрозил Маратов пальцем Ване. - А я - за нектаром.

Темнело. Загородную тишь нарушали лишь лай собак, шуршание крон деревьев, гудки далекой электрички да шум моторов проносящихся по шоссе редких машин. Ваня сидел в комнате, перелистывая, наверное, в десятый раз журнал "Америка". Девочки в купальниках, небоскребы, рок-группы, сияющие лимузины - картинки с чужой, далекой "планеты". Ваня завороченно всматривался в фотографию Лос-Анджелеса с птичьего полета. Картина будто гипнотизировала, и этот безмятежный покой, казалось, не может нарушить ничто...

Сначала послышался крик: "Стой... Стой, стрелять буду!"

Потом действительно захлопали выстрелы. Ваня, как подброшенный пружиной, вскочил со стула, пригибаясь, скользнул на веранду и выглянул из окна.

Парень в желтой кожанке - тот самый! - пригнувшись за яблоней, стреляя в кого--то из пистолета. Выстрелы были не глухие, киношные, а сухие, резкие и очень громкие.

Дальше Ваня не думал, что делает. Он перемахнул через подоконник, побежал, задев ногой смородиновый куст, растянулся на земле, но тут же вскочил и кинулся к сараю. Услышал сзади хриплый нервный окрик:

- Стой, сопляк!

У забора он оглянулся. Красавчик в желтой кожанке махал ему пистолетом. Прогремел еще один выстрел. Пуля с металлическим "вжик" пронеслась рядом с ухом, Ваня понял, что стреляют в него, и следующая пуля может впиться в его тело, разрывая внутренности. Он проворно перепрыгнул через забор, за которым начинался заваленный мусором овраг, а дальше - лес. Спотыкаясь и падая, Ваня бежал по склону оврага, слыша еще выстрелы. Потом он так и не смог вспомнить, сколько их было - два или десять...

* * *

- Чертова хлопушка! - раздраженно воскликнул Крымов, взмахнув пистолетом Макарова.

Гаврюхин, обессиленно прислонившийся к машине, вытирал носовым платком пот со лба и никак не мог отдышаться.

- Ну та... Такого давно не было. Уф...

- ПМ - оружие для женщин и инвалидов, - не мог успокоиться Крымов. - Из АКМ я бы из них обоих за три секунды сито сделал!

- Угомонись. Уф... С тобой, воякой сумасшедшим, свяжешься - всегда какие-то приключения. Уф, черт возьми, - Гаврюхин протер платком красную толстую шею. - Так и до пенсии не дотянешь. Кто семью мою кормить будет?

- Государство.

- Ну да... А мне уж самому и пожить не хочется. Уф, елы-палы.

- Нет, ну чертова хлопушка!..

Крымову было обидно. Ведь почти успели. От Апрельска до Каменки час езды, но, нарушая все правила дорожного движения, им удалось отыграть минут двадцать и прибыть почти вовремя. И улицу сразу нашли. Крымов едва успел затормозить - чуть не влетел в перегородившую дорогу траншею. Дальше пути не было.

И все-таки чуть-чуть опоздали. Белая "Волга" подъехала с другой стороны на минуту раньше.

"Волга" стояла за площадкой, заваленной плитами, досками, ржавыми железяками. Российская страсть везде что-то строить и не достраивать, усеивать землю битыми кирпичами и бетонными трубами не обошла и Каменку.

У калитки забора, за которым возвышался одноэтажный, островерхий домик, засунув руки в карманы, стоял здоровенный детина. Его приятель - красавчик в желтой кожанке, бодрым шагом направлялся к дому, держа правую руку под курткой.

Между оперативниками и бандитами было метров пятьдесят. Медлить нельзя. Не известно, что у этих ребят на уме. Может, они мечтают расправиться с обитателями этого дома. Крымов распахнул дверцу и бросился вперед. Красавчик обернулся. Каким-то чутьем он понял, что за люди прибыли в зеленом "Жигуле", выкинул вперед руку, которую держал под курткой. Раздался хлопок.

Крымов, побывавший не в одной подобной переделке, кинулся на влажную от вчерашнего дождя землю и отполз за бетонную трубу. Гаврюхин необычайно проворно для своей комплекции распластался за машиной.

- Стой... Стой, стрелять буду! - крикнул Крымов.

Детина устремился к "Волге", а красавчик, приняв ковбойскую позу, обхватив пистолет двумя руками, принялся беспорядочно палить. Одна из пуль попала со звоном в дверцу "Жигуленка".

- Во, гаденыш, - прошептал Гаврюхин, вытаскивая пистолет. Перестрелка - дело дурацкое. Это не драка, где мало найдется ему равных. Свистнет пуля-дура - и конец. Высовываться не хотелось, но все-таки пришлось, чтобы посмот-

реть, как там Крымов. Увидев, что в порядке, Гаврюхин снова притиснулся к борту машины.

Крымов на стрельбу не отвечал: недалеко был дачный до-мик, вполне могли пострадать люди.

Взревел мотор, белая "Волга" начала разворачиваться, забуксовала на месте, разбрызгивая колесами грязь.

Тут из окна веранды выскочил парень в черной куртке и бросился наутек. Красавчик выстрелил ему вслед, но беглец успел перемахнуть через забор и исчезнуть. Бандит сплюнул, еще раз выстрелил наобум в сторону Крымова и бросился к "Волге". Та все-таки выбралась из лужи. Красавчик на ходу запрыгнул в нее, и машина устремилась вперед.

Когда Крымов добежал до дороги, "Волга" была далеко. Зато палить можно было без опаски. Крымов выпустил три пули, прежде чем машина скрылась из вида.

Местные собаки заходились в лае, где-то хлопнула дверь, но на улицу никто не выглянул.

- Пошли, дом осмотрим, - предложил Крымов, засовывая в кобуру пистолет.

- Пошли.

Дача как дача. Хранилище старых, негодных для город-ских квартир вещей: потрескавшаяся мебель, продавленные кресла, старое радио. Яркая спортивная сумка на полу ка-залась здесь лишней. Из валявшихся пустых бутылок пахло самогоном.

- На ключи от машины, - Крымов бросил на стол связку ключей. - Двигай до ближайшего отделения, вызывай под-могу. А я здесь подожду. Отсюда только один убежал. Мо-жет, второй появится.

После ухода Гаврюхина Крымов еще раз осмотрел дом и уселся в расшатанное, с дырявой матерчатой обивкой низ-кое кресло. Прикрыл устало глаза. Возбуждение от схватки проходило. У кого другого еще неделю бы тряслись поджил-ки при мысли о том, что было бы, стреляй противник более метко. Крымову подобные переживания были чужды.

Ожидание для него было делом привычным. Он мог так сидеть часами, когда мысли свободно бегут по своим дорож-кам, обходя лишь запретные зоны - Афган, погибшие друзья, госпиталь. Однако он все слышал и видел, готов был к молниеносным действиям.

За окном совсем стемнело. Гаврюхин куда-то запропа-стился - наверняка сидит сейчас в прокуренной дежурке от-деления милиции и объясняется по телефону с начальником или дежурным управления.

Хлопнула калитка. Кто-то поднимался по скрипучему крыльцу.

- Вань, вылазь. Твоя мама пришла, молочка принесла, - прозвучал развязный, пропитый голос...

В состоянии Маратов был расслабленном, настроении благодушном. Он предвкушал приятное времяпрепровождение. А иначе зачем в его руке литровая бутылка самогонки?

Миновав веранду, он шагнул в комнату. Бутылка он, конечно, никогда в жизни не уронил бы. Отточенный годами рефлекс: поскользнулся, даже упал, но держи бутылку так, чтобы не разбить. Но тут какая-то сила толкнула его к стене, тряхнула руку, и бутылка - о, ужас! - упала на пол. Но - счастье - не разбилась, а покатила со стуком по доскам. Тут же левая Витькина рука оказалась заведенной за спину, и он, позабыв о бутылке, понял, что попал в передрягу.

Незнакомец, державший его руками-клещами, немного ослабил хватку, обшарил карманы и швырнул Витьку в кресло. Желания сопротивляться у Маратова не было. Возникло ощущение, что он угодил в смерч, и единственная возможность выжить - отдаться на волю стихии...

Крымов щелкнул выключателем, загорелась лампочка в люстре с зеленым плафоном.

Маратов, сглотив комок в горле, отметил про себя, что вид у незнакомца грозен и неприятен - лицо мрачное, губы сжаты, глаза прищурены.

- Только трепыхнись, подонок, - Крымов вытащил из кобуры под мышкой пистолет.

- Не, я ничего... Я смирный! - замахал руками Витька.

Крымов наклонился над ним и негромко спросил:

- Говорить будем?

Маратов скривился, будто его заставили съесть ложку димедрола. Говорить? Еще спрашивает! Уж лучше говорить, чем быть пристреленным, как куропатка.

- Ну что, дух, поведай, как вы с Гошей погуляли.

Что такое "дух" Маратов не знал, а от предложения поведать о его и Гошиных подвигах прошиб холодный пот. Значит, вся эта история как-то связана с тем самым чучмком, которого они пришили... Скорее всего, именно так и есть. И понадобились им эти чертовы "Жигули"!

- В каком смысле "погуляли"? - округлил Витька глаза, пытаясь довольно ненатурально разыграть удивление.

Крымов приподнял пистолетом его подбородок. Из ствола ощущался запах пороха.

- Ты сам знаешь "в каком".

- Хорошо, я понял, - нервно взмахнул рукой Маратов. - Сейчас расскажу. Дайте только с мыслями собраться... Сейчас.

- Ну!

- Ну, взяли мы шесть машин. Я же слесарь. Починить,

замок вскрыть, отrixтовать - без проблем. А куда машины делись - понятия не имею.

- Что ты мне плетешь? Про синюю "семерку" давай.

- Н-не знаю.

- Я тебя сейчас удавлю, подонок!

Маратов тряхнул головой, обхватил дрожащими пальцами виски.

- Кончай ломаться, я жду, - Крымов ткнул его стволом пистолета в шею. По практике он знал, что такой момент - один из самых подходящих, чтобы разговорить человека. Нужно только сильнее припугнуть, не дать овладеть собой.

Маратов с размаху ударил себя кулаком по колену.

- Я не убивал! Только поугаать хотел. Это Гоша его на тот свет спровадил. Он, дурак клятый!

- А Людоед и Костыль что от тебя хотят?

- Кто?

- Один такой громила, на обезьяну похож. Другой - смазливый пижон в желтой кожаной куртке.

- Не знаю. Приклеились к нам с Ванькой. Я думал, вы из одного "колхоза".

- Ну, конечно, размечтался... Я из угрозыска. Подполковник Крымов.

- Ох, етить твою... - сморщился Маратов. - Еще лучше...

* * *

Есть люди, созданные для бродяжничества, не способные и дня высидеть на одном месте. Ваня к таковым не относился.

Эта ночь показалась ему самой длинной в его жизни.

Он брел через лес, не разбирая пути, ломился через кусты, как лось. Продрог, испачкался в глине, до крови веткой расцарапал шею. Наконец выбрался на шоссе и остаток ночи провел на скамейке у автобусной остановки.

Первый автобус - красный междугородный "Икарус", зашипев как-то устало, плавно остановился, когда часы показывали полшестого. Направлялся он в Колпинск - городишко областного подчинения. Из автобуса вышло несколько шумливых деревенских женщин в телогрейках, с корзинками и мешками. Ваня поднялся в салон и уселся на свободное, похожее на самолетное, кресло.

Куда ехать - ему было все равно. Лишь бы подальше отсюда, где все - воздух, деревья, земля - наполнено угрозой.

Убаюканный мягким покачиванием автобуса, Ваня задремал. Проснулся он от того, что его тормозила улыбающаяся старушка.

- Э, молодежь, все на свете prospишь. Уже Колпинск.

Позавтракал он в шашлычной за автовокзалом. Стандар-

тная забегаловка с немытыми пыльными окнами, с надписью над мокрым столом для подносов: "У нас закон такой: поел - убери за собой". С привычной публикой: деревенскими гостями города в телогрейках и резиновых сапогах, небритыми кавказцами, расползшимися по всем рынкам России, похожими на подростков вьетнамцами.

Ваня без интереса посмотрел на меню, потом на раздачу - обещанными шашлыками и не пахло. Поставив на поднос тарелки с едой, он устроился за столиком рядом с лиловым, все время икающим мужичком. Пересчитал деньги. Сто пятьдесят рублей - не разгуляешься. Аппетита не было. Ваня поковырял вилкой котлету, не доев ее, отодвинул от себя тарелку и поднялся.

Тихий, провинциальный Колпинск можно обойти за час. В центре по окнам вросли в землю двухэтажные домишки, над ними, как утес, возвышалась новая бетонная гостиница "Колпинск" с вывеской, исполненной на русском и английском языках. Пятиэтажные окраины были унылы и однообразны. Сохранились две церквушки, одна из них действующая - она радовала глаз золотом куполов и праздничной голубизной стен. Для какого-нибудь увешанного фотоаппаратами, сверкающего солнцезащитными очками иностранца они и могли представлять интерес, но Ваню церкви, равно как и другие памятники архитектуры, не волновали. Хотя, бывало, в храм он заглядывал с Грибом, Санькой и другими ребятами. Ну, чтоб посмеяться над верующими, подразнить попа, затеять какой-нибудь глупый разговор со старушками. Гриб был большой любитель "теологических" споров. Кричал вызывающе: "А Бога-то вашего нет! И не было никогда!"

В видеозале шел американский фильм "Голод". На афише была интригующая надпись "частично ужас". Ваня этот фильм смотрел. Ерунда. Он забрел в городской парк, где было неизменное чертово колесо, пруд с лодками и кафе-мороженое. Павильон с игровыми автоматами был закрыт и заколочен досками.

В общем, в Колпинске податься было некуда, и найти занятие, чтобы хоть немного развеять страх, сковывающий душу, представлялось невозможным.

На вокзале Ваня долго рассматривал расписание проходящих поездов, из милости останавливающихся здесь на две-три минуты, а потом под стук колес уносящихся к назначенной им цели - в Ленинград, Москву. Ване пришло в голову, что в тех краях все может пойти по-другому. Там он сможет стать другим человеком, не будет недотепой, постоянно попадающим в дурацкие истории.

Движимый неожиданным порывом, он подошел к кассе, выстоял небольшую очередь и протянул чернобровой пожи-

лой кассирше смятые червонцы. Билет на Ленинград он аккуратно сложил и сунул в карман. Вот он, пропуск в новую жизнь, избавление от страха.

До семи вечера времени оставалось много. Ваня побродил по городу. Странное дело, но постепенно уверенность, что удастся все изменить, таяла. Красивые картинки желанного светлого будущего блекли, вновь приходило ощущение тревоги и безысходности.

Ваня, пошатываясь, как пьяный, ни на кого не обращая внимания, погруженный в свои мысли, шел по улице. Провел горестно рукой по лбу, вздохнул и ступил на проезжую часть.

Спасло его чудо. Нажми водитель "Рафика" с портретом Ельцина за лобовым стеклом на тормоз долей секунды позже - мокрое место от Вани осталось бы. Но машина лишь легонько толкнула его. Крутанувшись вокруг своей оси, он успел заметить перепуганное лицо шофера и упал, раздирая о шершавый асфальт ладонь.

- Э, паренек, жив? - воскликнул выскочивший из "Рафика" водитель, склоняясь над Ваней.

- Жив.

- Так что ж ты на красный свет лезешь, тудыть твою растудыть! - срывая голос, завопил водитель.

- Че орешь-то? Нече орать-то! - огрызнулся Ваня и похромал прочь, потирая ушибленную и окровавленную ладонь.

Отделался он легко. Но все это окончательно вывело его из равновесия. Он ощутил себя слабым, трясущимся щенком, страшась неизвестности, ни на что не годным. Эх, было бы у кого спросить совета, на чьи плечи переложить ответственность за свою судьбу.

На глаза навернулись слезы, он всхлипнул, шмыгнув носом, закусил губу, прислонился к афишной тумбе и, не в силах сдержаться, заплакал.

Взгляд его наткнулся на двухэтажное здание на противоположной стороне улицы, стоянка перед которым была заставлена милицейскими машинами. Все встало на свои места. Он решил. Не раздумывая долго над тем, правильно ли он поступает, не будет ли потом жалеть, перебежал перед автобусом улицу, едва не сшиб пожилую женщину с авоськой на колесиках и, не слушая нелестную оценку своих достоинств и ругань, несущиеся вслед, толкнул дверь, рядом с которой висела вывеска: "Колпинский городской отдел внутренних дел".

Он очутился в тесном коридорчике. Справа от входа, за прозрачным щитом с красной надписью "дежурная часть" у пульта сидел пожилой старший лейтенант.

- Что вам, молодой человек? - вежливо, но предельно сухо осведомился он.

- Я... Меня... Как бы это сказать, - Ваня собрался с духом. - Меня хотят убить...

* * *

- Привет, вице-адмирал шестого флота, - махнул приветственно рукой Крымов, заходя в просторный кабинет, хозяин которого майор Ларин, худой, черноволосый, лет тридцати на вид человек, подчеркивал красной пастой что-то в документе с грифом "совершенно секретно". Рядом с ним на стуле лежал ручной противотанковый гранатомет, изъятый этой ночью опергруппой.

- Привет. Ты от жизни отстал. Мы уже не шестой флот.

- Ну да. ФБР, кажется.

- ОРБ.

- Ага, АБВГД. Совсем скоро запутаемся.

С созданием МВД России в нагрузку к существующему союзному министерству на милицию обрушилась волна переименований. Патрульная служба стала именоваться отделом общественной безопасности, БХСС и угрозыск - службой криминальной милиции, туда же входил теперь и шестой отдел - по борьбе с организованной преступностью, который стал называться ОРБ - оперативно-розыскное бюро.

Майор Ларин являлся заместителем начальника ОРБ. Несколько лет назад он был руководителем отдела по убийствам областного угрозыска и блестяще "раскрутил" первую в городе рэкетирскую бригаду, которой руководил некий Батый.

- Дело имеется, - сказал Крымов, усаживаясь в кресло.

- Скучные вы все люди, - вздохнул Ларин. - Нет, чтобы прийти, чайку отведать, анекдот рассказать. Так нет же, у всех срочные дела.

- Что ты можешь сказать о некоем Губине. Кличка "Важный".

- А что у тебя на него? - лицо Ларина сразу стало серьезным и сосредоточенным.

Крымов объяснил суть дела.

- Очень любопытный экземпляр, - сказал Ларин. - Инквизитор, Торквемада. Закон для него блатной важнее собственной жизни. Карьеру начинал с должности палача, приводил в исполнение приговоры сходов и правилок. Сколько народу перерезал - никому не ведомо. Преуспел в этом деле, умудрился ни разу не засветиться. Осторожный, умный волчище.

- Значит, убивец? Чем же он сейчас занимается?

- Да тем же, чем и вся мразь уголовная - вымогательства, махинации, кооперативы какие-то левые. Слушай, если

ты его на чем зацепишь - мы тебе любыми средствами поможем. И за мной тогда коньяк.

- Не знаю, что получится. Мне неясно, что его шестерки от моих "клиентов" хотят. Ладно, пока...

Чтобы разобраться в этом ребусе, для начала нужно отыскать Ваню. Ведь у Маратова так ничего и не удалось выяснить насчет того, почему в них Людоед и Костыль вцепились. Может, мальчишка поможет разобраться. Ориентировки по нему разосланы, все меры приняты, но пока ничего не выходит.

Что касается Костыля и Людоеда - их можно арестовать хоть сейчас. Однако с этим на совещании у начальника уголовного розыска решили повременить. Полезнее будет попытаться провести оперативную разборку, поискать подходы к этой компании.

Ближе к вечеру в областном УВД раздался звонок из Колпинского ОВД. К ним явился Ваня и заявил, что его кто-то хочет убить. Хорошо еще, что дежурный помнил ориентировку, иначе просто отослал бы парня в отделение по месту жительства. Кому нужны лишние заботы.

Крымов выпросил у своего начальника подотдела машину. Новенькая, кофейного цвета "шестерка" с антенной радиотелефона на крыше вырулила со двора управления и устремилась в направлении Колпинска. Водитель, кандидат в мастера спорта по автогонкам, похоже, и рабочее время использовал для тренировок, а потому гнал, как сумасшедший, время от времени включая сирену. Крымова эта гонка нисколько не беспокоила. Полтора часа, скрестив руки на груди, он безмятежно подремал на заднем сиденье.

Он не испытывал и тени того волнения и задора, которые бывают у молодых оперативников, когда те выходят на след, и дело начинает двигаться к финишу. А чего волноваться-то? Что должно произойти - все равно произойдет, волнуйся - не волнуйся. А вздремнуть немного не мешает, поскольку неизвестно, удастся ли это сделать в ближайшее время. И предстоящий разговор с Ваней не беспокоил Крымова. Если мальчишка пришел сам, значит расскажет все как на духу - никуда не денется.

В дежурной части Колпинского горотдела шла обычная работа. Дежурный язвительно талдычил в телефонную трубку:

- Милиция лающими по ночам собаками не занимается... Милиция воров ловит... Не вам судить, как мы их ловим... В клуб собаководов обратитесь!

Крымов представился. Дежурный, бросив в сердцах трубку, встал и козырнул.

- Здравия желаю.

- Что, собаки лают? - сочувственно осведомился Крымов.

- Если б только собаки, - дежурный кивнул на целлофановый пакет, на котором лежала большая мертвая змея. - Гюрза. Кооператоры решили с Германией змеиным ядом торговать. Террариум сделали, змей со всего Союза свезли. А террариум дырявым оказался. Вот змеюки по городу и расползлись. Неделю вылавливали.

- М-да, - озадаченно глядя на гюрзу, покачал головой Крымов. - А где мой "змея"?

- В комнате для допросов.

Ваня сидел на привинченном к полу табурете в крохотной комнате, с выкрашенными в ярко-желтый цвет стенами. На его лице застыло выражение глубокой тоски. Глаза его были красны от слез. Крымов уселся напротив него.

- Ну, Ванюша, расскажи, кто тебя убить хочет.

- Н-не знаю, кто...

Из последовавшего сбивчивого рассказа Крымов узнал кое-какие занимательные подробности. Например, что Людоед с Костылем увезли Гошу на белой "Волге". Значит, похоже, они его и подготовили к "отпеванию". Много прояснил своим рассказом, мальчишка и словом не обмолвился об убийстве узбека.

- Складно излагаешь, Ванюша. А кто ударил владельца "Жигулей" ножом?

- М-м, - замычал Ваня, как от зубной боли, и прикрыл ладонью глаза, словно закрываясь от яркого света. - Я не знал, что они хотят вот так... Я бы никогда, если б...

- Что эти двое подонков от тебя хотят?

- Я сперва думал, что они из милиции.

- Ну, это ты зря думал.

- Зря... Не знаю я ничего.

- Ты что-нибудь брал из тех синих "Жигулей"?

- Нет, - покачал головой Ваня, потом хлопнул себя по карману, достал записную книжку. - Вот, только это.

Крымов пролистнул книжку, положил ее в карман. Нужно будет оформить ее протоколом.

- Хорошо. Поднимайся, поехали.

- Куда?

- В дом отдыха...

Был поздний вечер, когда нормальные люди, поужинав, посмотрев телевизор, придя немного в себя после изнуряющей охоты за продуктами и вещами, после бесконечных, на голосе и матюгах, политических дискуссий с близкими, знакомыми и малознакомыми оппонентами, обругав по привычке перед сном власти, ложились в кровать, чтобы завтра начать все сначала. Гасли окна, последние трамваи подбирали последних прохожих.

В этот вечер не суждено было сбыться мечте следователя прокуратуры Сотникова, ведшего дела по убийствам, по-

быть нормальным человеком, засыпающим точно по графику.

Звонок Крымова поднял его с постели. За это подполковнику пришлось выслушать доносящуюся по телефону ругань в адрес уголовного розыска, который совсем спать не дает. Он знал, что Сотникову деваться некуда. Он обязан допросить задержанного и отправить его в камеру.

Когда вся процедура закончилась, Крымов отвез следователя домой, потом поставил машину в гараж. Когда он отпирал дверь своей однокомнатной квартиры на четырнадцатом этаже шестнадцатизэтажного дома, часы показывали полчетвертого утра.

В шесть часов его разбудил настойчивый зуммер будильника. Крымов довольно бодро вскочил с кровати, быстро сделал зарядку, принял ледяной душ, прогнав тем самым остатки сна, позавтракал сделанными на скорую руку бутербродами. В семь часов он сидел у телефона и звонил по номерам записной книжки покойного. Предельно вежливо и корректно, почти елейным голосом он говорил людям, поднимавшим трубку:

- Мне Рустама Абдураззакова... А давно?.. Сказал, что по этому телефону будет... Ну хорошо, извините, если разбудил...

* * *

Наташа Иванова относилась к тем женщинам, чья внешность нравится не только им самим, но и окружающим мужчинам. Ладная фигура, длинные ноги, не то, чтобы безупречно красивое, но с правильными чертами лицо. Что еще мужчинам нужно? Вот только характер. Она была энергична, нанориста - свойства столь необходимые современной деловой особе, без чьей-либо поддержки устраивающей свою жизнь. И все бы ничего, если бы все это не граничило с некоторой стервозностью, что сильно затрудняло общение с ней.

Все у нее как будто складывалось нормально. После окончания экономического факультета поступила в аспирантуру, теперь заканчивает диссертацию, и ни у кого не возникало сомнений, что она останется преподавать на кафедре. Недавно два месяца была по обмену в Англии. С деньгами тоже вроде бы неплохо - подрабатывала в одной фирме.

Глядя на нее, никому бы в голову не пришло, что эта эмансипированная, острая на язык девица в глубине души удручена сознанием своей неустроенности, одиночества. Что она довольно ранима, и больше всего ей нужны человеческое тепло и участие. Вместе с тем она отталкивала каждого, кто смог бы предложить ей это. Она имела шансы со

временем превратиться в старую деву, сущую ведьму, стать доцентом или профессором и прослыть среди студентов "кровопийцей", которой на экзамене лучше не попадаться.

В Рустаме ее привлекало то, что отношения их носили поверхностный характер, без каких-либо претензий на их углубление, на копание в душах друг друга - этого бы она не потерпела. Рустам для нее был красивым мальчиком, младше ее, внимательным - и не более.

История их отношений не отличалась продолжительностью, романтичностью и силой привязанности. Обычный городской, плотский по сути своей романчик. Приезжал Рустам всего раза четыре по каким-то своим делам на несколько дней, а однажды специально ради нее выбрался на целую неделю. Приглашал к себе в Узбекистан, но не слишком настойчиво. Чем он занимается - ее не интересовало, равно как и то, откуда у него пачки денег, машина. Не все ли равно? Восток есть Восток, считала она. Там делают деньги с нашей точки зрения методами незаконными, а с их - вполне естественными. Иная психология, иные обычаи. Не лезть же в чужой монастырь со своим уставом.

Несколько дней назад Рустам появился вновь и, когда Наташа отворила дверь, улыбаясь, спросил:

- Ты одна?

- Пока одна, так что тебе повезло.

Хоть она и обрадовалась его приезду, но, осознав это чувство и устыдившись его, поспешила уколоть кавалера. Но Рустам и не заметил этого укола.

- Тогда я к тебе, Наташа.

Он кряхтя втащил в комнату здоровенный чемодан. Что в нем - одному Богу известно. Не успев появиться, Рустам исчез, как сквозь землю провалился. Хоть бы позвонил. Может, укатил восвояси, а что ей с этим чемоданищем делать?..

Наташа по привычке проснулась в семь. На завтрак, как обычно - яйцо всмятку, бутерброд с талонной колбасой, бутерброд с джемом, душистый черный кофе, который Рустам привез с собой.

Так, что у нее запланировано на сегодня? Она раскрыла толстый ежедневник, куда записывала по часам, что ей предстоит сделать. Следовала она этому плану скрупулезно. Так, к девяти - в библиотеку иностранной литературы. Научный руководитель сказал, что там появилась книга на английском, как раз по ее тематике. К двум часам на кафедру - там будут обсуждать статью этого старичка Суворовского, который затравил всех своими бесчисленными "точками зрения" на ясные проблемы. Потом...

Прервал ее размышления телефонный звонок. Она вышла в коридор, где на тумбочке стоял кнопочный японский ап-

парат. Беря трубку, она думала, кто бы это мог быть в такую рань. Может, Рустам, голубчик, объявился?

- Извините, можно Рустама Абдураззакова, - слышался в трубке незнакомый мужской голос.

- Его нет.

- А где он?

- Не знаю. Ушел.

- А вещи какие-нибудь оставил?

- Оставил, - тут Наташа взорвалась. - Слушайте, вы звоните спозаранку, будите, задаете какие-то вопросы. Не знаю я, где он!

Наташа разозлилась. Мало того, что Рустам заехал на полчаса, оставил свой саквояж и исчез. Так он еще и всем телефон ее раздает!

Она допила кофе, вымыла посуду, надела легкое платье (сегодня наконец-то пришло долгожданное майское тепло), причесалась, накрасила губы помадой, подвела голубыми тенями веки. Противный цвет, покойницкий оттенок лицу придает, но ничего не поделаешь - так модно. Она уже собралась уходить, сунула в сумку папку с материалами, и тут в дверь постучали. Звонок сломался, так что приходилось барабанить по двери.

За дверью стоял высокий, с литыми плечами мужчина, одетый в джинсы и ветровку, за ним еще двое - один невысокий, тучный, как Гаргантюа, второй - молодой, худой, как тростиночка, в элегантном костюме, при галстук.

- Вам кого? - привычно холодно осведомилась Наташа, хотя сердце ее екнуло. Никого из этих мужчин она раньше в глаза не видела. Неужто грабить? Судя по газетам, теперь такое не редкость. Но эту мысль она тут же отогнала от себя как абсурдную. На грабителей визитеры не очень походили. Ну а хотя бы и грабители - все равно в ее квартире нечем разжигься. Разве что магнитофоном, который она из Англии привезла.

- Нам вас, Наталия Васильевна, нужно, - сказал мужчина в ветровке. - Хотим переговорить.

- Я вас не приглашала. Так что в другой раз, опаздываю.

Наташе хотелось на ком-то сорвать накопившееся раздражение, поэтому с визитерами она не церемонилась. Она сделала шаг на лестничную площадку, собираясь хлопнуть дверь. Если уж очень им нужна, пусть здесь объясняются.

- Нам очень нужно поговорить, - мужчина в ветровке мягко отстранил ее и прошел в прихожую.

- Что вы себе позволяете?.. Я... Я ведь закричать могу. Милицию позвать.

- Считайте, что дозвались, - мужчина вынул из кармана

красную книжечку. - Подполковник Крымов, уголовный розыск.

Этого еще не хватало. Наташа набрала воздуха, намереваясь сказать многое. Например, что мышинная милицейская форма - еще не основание, чтобы отрывать ее от дел. Что она опаздывает в библиотеку, так как пишет диссертацию, в которой ни один милиционер ничего не поймет.

Но секундный порыв прошел. Надо же узнать, зачем они пришли. Может, что-то важное. Кроме того, к ней милиция обращается первый раз в жизни, и сразу указывать на дверь - неразумно, хотя бы с познавательной точки зрения.

- Что вы хотите от меня, господил подполковник?

В эти слова ей хотелось вложить побольше язвительности.

- Далеко собрались? - Крымов кивнул на чемодан, стоявший в коридоре у стенного шкафа.

- В Антарктиду.

- А, понятно. Рустам вам оставлял что-нибудь?

- Не оставлял. Слушайте, я же вас спросила, что вам от меня надо.

- А ведь это его чемодан, - задумчиво произнес Крымов.

- Ну, его. И что с того?

- Посмотреть бы содержимое.

- Ничего не выйдет. Ничего я вам не дам смотреть без разрешения Рустама.

- Считайте, что он нам это разрешение дал, - Крымов вынул из нагрудного кармана ветровки фотографию с места происшествия и протянул Наташе.

- Ох, - воскликнула она от неожиданности, узнав в обезображенном трупe Рустама. На секунду ей захотелось броситься на диван и завывать по-бабьи, во весь голос, но сработала привычка во всех ситуациях владеть своими эмоциями. Рустам погиб. Жаль, конечно, но в конце концов это не самый близкий для нее человек. Нужно вести себя спокойнее, не ныть, не заламывать руки и не рвать на себе волосы. Просто выкинуть все это из головы, постараться забыть.

- Искренне выражаю вам сочувствие, Наталья Васильевна, - церемонно произнес Крымов, отметив про себя, что аспирантка не слишком убивается по своему приятелю.

- Коля, найди понярых, - обернулся он к парню в галстуке и костюме.

Коля появился минут через пять с двумя старушками-пензионерками, проживающими в квартире этажом выше.

Крымов вытащил перочинный нож и занялся чемоданом. Замки щелкнули. Чемодан оказался доверху набитым паке-тиками с белым порошком. Крымов вскрыл один, попробовал на язык и удовлетворенно кивнул:

- Гашиш.

- Ну вот только этого мне для полного счастья не хватало, - всплеснула руками Наташа.

Изъятие было оформлено по всем правилам. Коля - стажер из прокуратуры, включенный в следственную группу, оформил протокол, опечатал чемодан, дал расписаться и в документе, и на бирке хозяйке квартиры и понятым.

Старушки, перешептываясь, удалились. Сегодняшнего происшествия им хватит для обсуждения на полгода, и очень сомнительно, что предупреждение о неразглашении тайны следствия возымеет на них действие.

Когда дверь за ними захлопнулась, Крымов пододвинул кресло к дивану, на котором сидела, закинув ногу на ногу и поджав губы, Наташа.

- Наталья Васильевна, вы должны нам помочь. Мне хотелось бы, чтобы вы поддержали это зелье после экспертизы у себя денька два.

- Что? Только об этом всю жизнь и мечтала, - Наташа вышла из себя, а в этом случае вести с ней конструктивную беседу было довольно затруднительно. - Я в ваши гангстерские истории полез!

- Наташа, мы очень нуждаемся в вашей помощи. Вы должны помочь изобличить опасных преступников, убийц. Подумайте, сколько зла они могут еще причинить. А сколько уже причинили.

Наташа иронично хмыкнула.

- Наталья Васильевна, это же ваш гражданский долг.

- Вы еще моральный кодекс строителя коммунизма вспомните. Что я, дуручка, в такие дела лезть!

Невежливый тон сидящей перед ним женщины ничуть не пронибал Крымова. Но она могла перечеркнуть возникший у него в голове план. Этого он допустить не мог. Такую категорию людей он знал неплохо и умел при необходимости надавить на них.

- Ну зачем же грубить, Наташенька? Ваша беда, что вы, как и многие одинокие женщины, злы на весь мир и скрываете это за внешней холодностью и грубостью. Все кому-то что-то доказываете, а зачем? Все ваши амбиции гроша ломаного не стоят.

Наташа задыхнулась от возмущения. Больше всего ее задело то, что этот милиционер сказал истинную правду. Он, пожалуй, единственный, кто так сходу смог разгадать ее, не обманул маской снежной королевы. В пять минут раскусил, телепат чертов!

- Все, разговор окончен!

- Вы так считаете? - голос у Крымова стал мягким и вкрадчивым, вместе с тем в нем ощущалась нешуточная угроза. - Ошибаетесь. На вашем месте я не стал бы ссориться с уголовным розыском. Ну хотя бы потому, что вам нужно

будет доказать, что к наркотикам вы не имеете никакого отношения. Нашли-то их в вашей квартире. Кстати, вы часом "дурью" с Рустамом не приторговывали, а?

- Что? - Наташа, ошарашенная, устала на Крымова. Тот говорил малопонятные, дикие вещи. Такой поворот никогда бы ей и в голову не пришел. Господи, торговала этой, как ее, "дурью", с Рустамом на пару! Ерунда какая-то.

- А что вас удивляет? Ну хорошо, не посадят вас, так еще долго придется отмываться, убеждать всех, что сами "косяком", ну, наркотиками то есть, не злоупотребляли. Представляете, какой шум поднимется на работе, когда там случайно узнают обо всем. Позор-то какой, Наташенька.

Крымов видел, что нарочитый цинизм его слов и угроза в них начинают протискиваться Наташе, чего он и добивался всем этим разговором.

- Шутите?

- Конечно, шучу. У меня таких шуток богатый набор. Например, статья в городской газете с описанием этой истории.

- Хватит! - крикнула Наташа и закусил губу.

Она почувствовала, что не в состоянии противиться этому человеку...

* * *

Всего лишь день Ваня провел в изоляторе временного содержания, а держал руки за спиной так, будто всю жизнь проходил подобным образом. Тюремные привычки приобретаются быстро.

Задержанного привел в кабинет Крымова усатый сержант-выводной.

- Товарищ подполковник, задержанный по вашему приказанию доставлен.

- Подождите, пожалуйста, за дверью. А ты, Ванюша, располагайся.

Ваня, продолжая держать руки за спиной, подошел к стулу, потом, сцепив до белизны пальцы перед собой, сел.

- Чайку не хочешь? Хочешь. Небошь, ничего не ел.

Ваня согласно кивнул.

Крымов насыпал в стакан немного заварки, налил из кувшина только что вскипяченную воду, вытащил из стола блюдо с печеньем и конфетами.

- Угощайся. Ну как, не надоело на нарах?

- Еще как надоело, - вздохнул Ваня, прихлебывая чай.

За часы, проведенные в изоляторе временного содержания, он осунулся, побледнел, но в глазах появилась какая-то успокоенность. Изолятор, следствие, суд - для него перенести это было легче, чем скитания, страх, неопределенность.

- Значит, надоело, - Крымов взял конфету, прихлебнул из своего стакана, не отрывая изучающего взгляда от Вани, сосредоточенно уставившегося куда-то вниз. - Могу отпустить на несколько дней. Или даже до суда. Погуляешь, на людей поглядишь, в кино сходишь. Идет?

- Идет, - настороженно, ожидая подвоха, произнес Ваня, подняв глаза на Крымова.

- Только от тебя требуется небольшая услуга.

Крымов доходчиво объяснил, что он хочет.

- Нет, - испуганно замотал головой Ваня. - Не могу. Я боюсь! Не хочу!

- Все мы чего-то не хотим. И все делаем то, чего не хотим. - Глубокомысленно отметил Крымов. - Так ведь?

- Так.

- Ну, значит, договорились. Теперь слушай...

* * *

- Костыль, ох, покажет нам Важный кузькину мать.

- Покажет, етить через коромысло.

Костыль надавил на педаль, и белая "Волга", обогнув интуристовский автобус с дымчатыми стеклами, проскочила на красный свет.

Невеселые мысли одолевали Костыля. Подходит срок, когда в "зону" должна быть переправлена партия товара. Важный везде ищет "дурь", но наскрести сейчас такое большое количество - задача невыполнимая. Заказать друзьям с Востока - тоже не успеть. Вся надежда на то, что удастся все-таки отыскать "посылку". Ну а если нет? Нетрудно представить, кого Губин сочтет виновным во всех неурядицах. Насмотрелись, какие жестокие фокусы может вытворять босс. Впрочем, возможно, он, Костыль, сам себя накручивает. Большой вины за ним нет. Цепь случайностей. Ну, убил случайно Гошу. Ну, упустил сопляка. Ну, открыл стрельбу. Всяко бывает. Да и что Важный может сделать? Убить? Глупости, таких помощников, как Костыль, не убивают. Хотя... Нет, если будут убивать, он еще побьется за свою жизнь. Не даст себя заporоть, как барана.

- Где же этого сопляка искать, так его растак, - Костыль отвлекся от дороги и едва не врезался во встречный молоковоз, но в последний момент успел вывернуть.

- Смотри, куда едешь, чурбан с глазами! - крикнул Людоед.

- Уф-ф, едва не накрылись.

Костыль притормозил и вырулил на площадь Борьбы. По одну ее сторону возвышался четырехэтажный универмаг с пустыми витринами и барахолкой перед входом - он возводился почти десять лет и недавно с оркестром и ленточками был сдан в эксплуатацию. По другую сторону раскинулся

действующий монастырь, белокаменный, с голубыми куполами. В центре площади, повернутый спиной к монастырю, с протянутой, будто за подаванием, рукой стоял чугунный Свердлов.

"Волга" перестроилась в правый ряд и свернула на Святоцерковную, бывшую Двадцатилетия ВЛКСМ, состоящую из невысоких обшарпанных домишек девятнадцатого века. Костыль услышал трель милицейского свистка и увидел гаишника, махавшего жезлом.

- Вот, мать его! Никогда здесь гаишников не было.

- Готовь червонец, - посоветовал Людоед. - Нынче они меньше не берут.

Костыль нехотя вылез из салона и с размаху хлопнул дверью. Сотрудник ГАИ неторопливо и важно подошел к нему.

- Сержант Никифоров. Нарушаете. Поворот-то не включили.

- Как это не включил? Включил. Он у меня, как часы, работает.

- Вы не включили сигнал поворота, - повторил сержант монотонно, привычно не обращая внимания на кажущиеся ему жалкими оправдания водителя - таких на день приходится выслушивать не один десяток.

- Да как же это...

- Слышь, Толик, это бесполезно, - сказал Людоед, вылезая из машины и потирая затекшую ногу. - Сколько, командир?

Сержант размеренно, с видом человека, выполняющего работу исключительной государственной важности, начал выписывать квитанцию.

- Эх, сержант, нет у милиции правды для простого человека, - начал лениво балагурить Костыль, но тут же осекся, будто получил кулаком под дых. Он схватил Людоеда за рукав и оттащил в сторону.

- Гадом буду, но это наш сопляк! Вон, у ларька с мороженым. Точно, он. Я его, падлу, на всю жизнь запомнил.

Костыль вынул из кармана затершуюся цветную фотографию, ткнул под нос Людоеду и показал пальцем на коротко подстриженного парня в черной куртке с заклепками.

- Похож, - согласился Людоед.

Тем временем сержант закончил заполнять квитанцию и протянул ее Костылю, предварительно получив от него купюру.

- Вот ваши документы.

- Спасибо, начальник.

- Не за что, - сержант отдал честь и все так же степенно направился стеречь очередную "жертву".

- Скот, - прошептал ему вслед Костыль.

- О чем ты думаешь, дурило? Пошли вслед за щенком, - ткнул его раздраженно пальцем в бок Людоед.

Ваня купил мороженое и медленно направился вдоль улицы, останавливаясь у витрин. Через несколько кварталов он свернул в сквер, уселся на скамейку рядом со стариком, сжимавшим в дрожащих руках деревянную клюку. Ваня вытащил из кармана журнал "Ровесник" и углубился в его изучение. Вскоре старик поднялся со своего места, тяжело опираясь на палку, заковылял прочь. Тут же с двух сторон к Ване подсаели Костыль и Людоед.

- Привет, падла.

Ваня испуганно посмотрел на них, попытался встать, но Костыль грубо усадил его на место.

- Не трепыхайся, если еще пожить хочешь, - прорычал Людоед.

- Пошли с нами, - потребовал Костыль.

- Никуда не пойду!

- Еще как пойдешь. Куда, падла, записную книжку дел?

- Какую книжку?

- Какую в машине у чучмека подобрал.

- Эту, что ли?

Ваня вынул из нагрудного кармана красивую записную книжку с изображением великолепного горного пейзажа и иероглифами на обложке. Костыль выхватил ее из рук и стал быстро листать. Телефон Наташи в ней был.

- Живи, сосунок, - Костыль резко ударил Ваню кулаком в живот и поднялся со скамейки. - Жаль, не довелось тебе брюхо вспороть...

* * *

- Наташа? - Костыль старался говорить мягким голосом. - Здравствуйте. Поверьте, мне крайне неудобно вас беспокоить. Меня просил позвонить Рустам. К сожалению, он был вынужден срочно уехать. Обстоятельства так сложились... Он вещи у вас просил забрать... Меня 'Голей зовут, он должен был обо мне рассказывать... Что, ничего не рассказывал? Ну как же... Наташа, дорогая, так как мне вещи побыстрее забрать?.. Как доехать до вас?.. А код на двери подъезда какой?.. Хорошо, я минут через двадцать буду...

Костыль с силой бросил трубку на рычаг многострадального телефона-автомата, который за свою "жизнь" натерпелся немало ударов, наслушался множество матюгов, лести, лжи и грубости.

- Все в норме, - ухмыльнулся Костыль, выйдя из будки. Он по-дружески похлопал Людоеда по необъятному животу. - Вещички он у "курицы" своей оставил, я был прав. Она нас ждет.

Через полчаса Костыль, убедившись, что нашел то, что

искал, загружал чемодан в багажник. Нашли-таки товар! В огромном, почти миллионном городе! Правда, можно сказать, что это случайность, но боссу о том знать совсем не обязательно. Пусть считает, что помощники землю носом рыли и в результате этого достигли успеха.

- Выкрутились.

- Есть, дружище, Бог на свете, - расплылся Костыль в белозубой, будто срисованной с рекламного журнала, улыбке. - И он нам помогает.

Костыль вел машину осторожно и аккуратно. Так осторожно, как не водил ее никогда: не превышая скорости, обгоняя разве только велосипедистов да трактора, уступая дорогу нетерпеливым лихачам, пропуская пешеходов. Его пугала мысль, что сейчас, когда все сделано, он может попасть в дорожно-транспортное происшествие или машину досмотрит милиция. Нет уж, сегодня самый дисциплинированный водитель в городе - рецидивист Костылевский.

- Ну? - с порога, не здороваясь, спросил Важный, открывая дверь. В руках он держал мурлыкающего Ваську, урчание которого напоминало шум мотора.

- Все в порядке, Важный. Чемодан в машине, - кивнул Костыль. - Как, хороша работа?

- Неси, посмотрим, не подсунули ли тебе сахар, - Губин оставался невозмутимым, но по нему было видно, что и у него гора свалилась с плеч.

Костыль завел во дворик "Волгу" и поставил ее рядом с вишневого цвета "Фордом". Пока он закрывал на засов тяжелые ворота, Людоед выгрузил из багажника чемодан, занес в дом и положил перед Губиным.

Важный открыл чемодан и прищурился. Взял пакетик, разорвал его, попробовал содержимое на вкус.

- Хороший Мирза товар прислал.

Он вытащил из под шкафа весы, на которых обычно взвешивался сам, следя, как бы не растолстеть. Взвесил товар. Все сходилось. Мирза - солидный человек, у него, как в аптеке.

Упаковав пакетики обратно в чемодан, затянув кожаные ремни, Важный кинул:

- Людоед, тащи в машину.

Людоед, крикнув, поднял чемодан и понес его во двор. Открыв заднюю дверцу "Форда", он уложил ценный груз на заднее сиденье.

Вскоре из дома вышел Важный. На нем вместо длинного домашнего халата был одет ладный, сшитый хорошим портным костюм-тройка. В таком костюме не стыдно появиться и на заседании правления какой-нибудь фирмы, и на съезде народных депутатов.

- Открывай ворота, - он сел за руль и резко захлопнул дверь.

Людоед отодвинул засов и начал отворять тяжелую створку ворот.

В этот момент входная дверь дома вылетела от мощнейшего удара...

* * *

Когда поступил сигнал "отбой", руководивший операцией заместитель начальника ОРБ майор Ларин уже и сам склонился к тому, что так, пожалуй, будет лучше.

Затеять изящную, на несколько ходов вперед продуманную комбинацию предложил Крымов. Ларин и высокое начальство приняли это предложение. Контролируемая поставка - когда грузу, о котором хорошо известно и который не исчезает из поля зрения, дают возможность достичь адресата. Тут появлялось несколько заманчивых перспектив. Например, можно вычислить и зацепить всю цепочку - от поставщика до последнего покупателя. Задача не из легких, но при упорстве и наличии средств вполне выполнимая. По ходу дела могли возникнуть и другие варианты.

К визиту Костыля в Наташину квартиру готовились тщательно. Начинили комнаты теле- и радиоаппаратурой - помогли специалисты из УКГБ. Были задействованы силы наружного наблюдения, ОРБ, так что белая "Волга" с наркотиками сопровождалась, как правительственный лимузин, с той лишь разницей, что ее пассажиры не должны были даже предположить, что им уделено столько внимания.

Тяжелей всего было ненавязчиво подставить Костылю Ваню. Подручному Важного нужна записная книжка, чтобы узнать адрес, где хранится груз - это очевидно. Записную книжку нужно отдать им так, чтобы не вызвать подозрений и не поставить под удар мальчишку. Ведь психопат Костыль вполне способен пустить в ход нож.

Чтобы исключить эту вероятность, встречу решили организовать в людном месте. При этом Ваню предупредили - ни под каким предлогом не садиться в машину.

Все прошло на редкость гладко, начало "партии" оперативники выиграли. Удалось проследить путь белой "Волги", просчитать, куда она направляется, подставить работника ГАИ, а потом и Ивана. Костыль и Людоед "кдюнули", "заглотили наживку". Опасения насчет того, что мальчишка не выдержит и сорвет операцию, оказались напрасными. Ваня держался молодцом.

Как и предполагалось, когда чемодан был загружен в багажник, белая "Волга" неторопливо поплыла в потоке уличного движения в направлении дачи, где обосновался Важный. Наступал самый ответственный момент - проследить

дальнейший путь груза. Кому же он предназначен? Сам Губин торговать наркотиками не будет - не его профиль. Значит, нужно контролировать передвижение "Волги" Костыля и "Форда", на котором разъезжал сам Губин. Для этого все подготовлено. Разведка дело свое знает хорошо, на слежке ребята собаку съели.

Но если упустить этот чемодан... Тогда наркотики растекутся по городу, а это будет означать, что милиция не пресекла преступление. Так как сто, даже девяностопроцентной гарантии, что путь "дури" удастся проследить, никто дать не смог бы, то наверху, подстраховываясь, решили, что как только чемодан прибывает на место, - брать всех.

"Брать - и немедленно", - шутливо цитировал в таких случаях Ларин вождя мирового пролетариата. Ну что же, наверное, удастся привязать к наркотикам Костыля и Людо-еда. Хотя "привязка" - дело непростое. Обычно, когда при обысках находят наркотики, все кричат в один голос: не мое, первый раз вижу. Также не исключено, что убийство Гоши произошло в этом доме. Опросом, ненавязчиво и скрытно проведенным оперативниками, установлено, что в то время, когда, по заключению судмедэксперта, убили автомеханика, белая "Волга" приезжала сюда. Значит, в доме должны остаться следы, и тогда в деле об убийстве Гоши вскоре будет поставлена точка.

Ларин взял микрофон автомобильной радиации и произнес в него.

- Говорит восемьсот первый...

* * *

У Свинтковского было два увлечения - игрушечные железные дороги и жесткий, профессиональный бой, когда речь идет не о выбитом зубе, униженном достоинстве, а о самой жизни. Обоим увлечениям он отдавался целиком, самозабвенно, с завидным прилежанием. Его предкам, например, деду, польскому рассудительному крестьянину, несомненно показалось бы, что голова внучка занята глупостями. Примерно так же считала и жена Свинтковского, которую раздражало, что вся квартира заставлена игрушечными путями и разъездами, крошечными, с любовью исполненными вокзальчиками и мостиками. О вкусах не спорят. Например, девятилетний сынишка полностью разделял увлечение отца, а коллеги по хобби, так те считали его признанным авторитетом в этом деле. Трудно было не признать его авторитет и на ринге или где-нибудь в темной подворотне. Увесистый кулак, хорошая реакция, большой опыт говорили сами за себя. Он не любил бить людей - он любил честную схватку. В практике недостатка не было - работа такая.

Заместитель командира ОМОНа капитан милиции Свинт-

ковский никогда не прятался за чужие спины, всегда шел первым. Никогда не проходил, как любили писать в газетах, мимо пьяного хамства, распушенности. Он постоянно влезал в разные уличные истории и чуть ли не каждую неделю приводил в милицию хныкающих или изрыгающих площадную брань хулиганов, воришек, выкладывая на стол доставшиеся в бою трофеи - кастеты, ножи, заточки. Удар у Свинтковского, мастера спорта по боксу в полутяжелом весе, одного из первых в городе специалистов по кик-боксингу, был пушечный. Обычно второго удара не требовалось.

Свинтковский вовсе не относил себя к числу невозмутимых, твердокаменных истуканов, которым все трын трава. Он знал, и что такое волнение, и что такое страх. Хотя бы потому, что понимал, насколько опасно дело, которым приходится заниматься, знал, что делает с человеком пуля от автомата, даже если она попадает в бронежилет. Но он также знал и то, что пьянящее волнение никогда не превратится в панику, не парализует волю. Что его группа захвата будет действовать как всегда по-мастерски красиво. На своих ребят он мог положиться, поскольку в душе они такие же, как и он - бойцы, настоящие "волкодавы".

Он сам подбирал себе людей, как правило, из спортсменов высшего класса. В экзамене было главным три раунда борьбы с по-чередно сменяющимися противниками в полный контакт. И важно было не то, как ты умеешь махать кулаками, а как ведешь себя, есть ли в тебе этот черт, заставляющий идти на вооруженного преступника, лезть под пули и на ножи.

Сегодня задание было привычное - ворваться в запертый дом и уложить находящихся там на пол, не дав им возможности открыть пальбу. Говорят, особо опасные, мафия. Ох, забот с этими "крутыми" мафиозами. Попадают здоровые детины, которые порой пытаются сопротивляться, изображать "пируэты" ногами. С ребятами Свинтковского такое не проходило. Это ведь не ринг и татами - тут правила другие, будь ты хоть чемпион по карате - разложат тебя в считанные секунды как миленького.

"Рафик" с занавешенными окнами - чтобы не видно было сидящих в салоне ребят, экипированных в бронежилеты и каски, с короткоствольными автоматами на коленях - въехал в поселок, покрутился по улицам и резко затормозил у двухэтажного кирпичного дома. Оперативники не успели произвести тщательную установку: количество комнат, их расположение не было известно. Зато известно, сколько там человек и кого именно нужно брать.

- Пошли.

Группа захвата в момент из компании перебрасывающихся шуточками парней, острящих по поводу предстоящего

захвата и вообще милицейской жизни, в миг стала слаженной боевой единицей. Саша Горин, почти двухметровый, широкоплечий, с размаху ударил по входной двери плечом, замок поддался. Дело довершил ударом ноги Свинтковский. Он же первым ворвался в дом. Из-под его ног, мякнув, выскочил полосатый кот. Тьфу на тебя, сатана!

Омоновцы, как ураган, неслись по комнатам, распахивая тяжелыми десантными сапогами двери. На пол летели переверачиваемые столы и стулья, вдребезги разбилось дверное стекло. В столовой на диване сидел Костыль. Он вскочил было на ноги, но Свинтковский ударом приклада автомата сбил его на пол, и тут же на бандита навалились подлетевшие ребята. Несколько секунд - и на запястьях завернутых за спину рук щелкнули наручники. Костыль взревел, как раненый зверь, начал извиваться, сыпать угрозы, перемежаемые с отборным матом. От удара носком сапога в живот он застонал, скорчился - в глазах его потемнело. Отдышавшись, он больше не пытался возмущаться.

Свинтковский, зная, что Костыля "упакуют", не задерживаясь, устремился дальше. Спальная, кабинет - никого. Плечом он распахнул дверь веранды и оказался во дворе.

- Стоять! - угрожающе крикнул он, махая автоматом.

Омоновцы опаздали на какие-то секунды. Людоед поднял, как пленный немец под Сталинградом, руки вверх. Малиновы "Форд", громко взревев, рванулся вперед. Он налетел бампером на полуоткрытые ворота, разбивая фару, царапая кузов.

- Стой! - крикнул опять Свинтковский и дал предупредительную очередь вверх.

Ошибся водитель милицкого "рафика", недостаточно хорошо заблокировавший ворота, оставив просвет. "Форд" рванулся в него, со стуком тяжелая машина потеснила "рафик" и вырвалась на улицу...

* * *

Плоская, похожая на металлическую флягу, оперативная рация затрещала громко и противно. Голос доносился глухой, как из бочки. Сколько Крымов работал - всегда проклинал отечественную радиотехнику. Бывает, за сто метров ничего не слышно - или ЛЭП, или дома экранируют радиоволны, а то батареи садут. А без связи на оперативных мероприятиях все равно что без ушей.

Крымов выбрал место для своего "Жигуля" в поселке недалеко от дома Важного, рядом со стеклянным сельским магазином, на дверях которого висела вывеска "Ремонт". За исход задержания он не беспокоился. Ребята Свинтковского возьмут бандитов без труда. Работают они на хорошем

уровне. Вспомнить хотя бы прошлогодний случай, когда два дезертира, положившие целый караул в войсковой части, забаррикодировались в деревенском доме, перерезали горло хозяину, а хозяйку прикрутили железной проволокой к кровати. Живым группе захвата удалось взять только одного. Но главное - женщина не пострадала. Хорошо сработали...

Сквозь эфирный треск в радиии донеслись ругательства. Важный обхитрил всех - ему удалось вырваться на машине, и теперь он уходит.

Крымов завел мотор и тронул свою машину с места. Прихватил ли Важный товар? Если прихватил - дела плохи. Это означает провал операции. Одна надежда - попытаться остановить его на трассе.

Подъезжая к повороту, Крымов увидел, как из-за угла на всех парах вылетел вишневый "Форд". Крымов резко крутанул руль, надавил на газ - вроде сел "Форду" на хвост. В поселке, пока крутились по узким улочкам, преследование было успешным.

Едва не сбив молодую беспечную парочку, "Форд" подпрыгнул на ухабе и вывернул на скоростную трассу. Здесь имелись все возможности использовать преимущества иномарки перед чиненным-перечиненным "жигуленком". Но на беду Губина дорога была перегружена машинами. Приходилось лавировать, вклиниваться между автомобилями, задевать иные из них бампером или крылом.

Важный понимал, что о нем наверняка уведомили все посты ГАИ и впереди может ждать заслон, - выделить в транспортном потоке "Форд" совсем нетрудно. Да и от назойливого зеленого "Жигуля", который прицепился к нему в поселке, здесь не оторвешься. Губин перестроился в правый ряд, а затем за указателем "с-з XX Октября" резко повернул направо, едва не влетев в кювет.

Дорога была узкая, прямая, как стрела, и совсем свободная, если не считать двух грузовиков, маячивших впереди. Справа шли совхозные поля, по которым лениво двигался трактор, слева - лесопосадки. Чуть дальше раскинулась охранный зона водохранилища, снабжавшего город водой. Можно теперь отрываться...

У Крымова сейчас не было чувства опасности. Словно ракета, он был устремлен на цель, кроме которой для него сейчас не существовало ничего. Вот только в глубине души тлели злость да мимолетные обжигающие воспоминания-картинки: госпиталь, Толя Липягин, уходящий в последний бой, вертушки в бледном афганском небе.

Из своего "Жигуля" Крымов вытягивал все, что только возможно. В поселке и на трассе удавалось держать дистанцию, хотя несколько раз он уже был на волоске от автокатастрофы. Помощи пока что ждать неоткуда. Оперативная

рация, бьющая на километр, сначала еще потрескивала, но потом замолкла. Надежда была на то, что по тревоге ГАИ перекроет основные дороги, но вишневая иномарка свернула с трассы. Теперь "Форд" уходил вперед, с каждой секундой увеличивая разрыв...

Важный был уверен - еще совсем немного, и он "страхнет хвост". Несмотря на полученные повреждения, "Форд" неся мягко, хорошо слушался руля и резко набирал скорость. Но российские дороги непригодны для автогонок, о чем Губин непозволительно забыл. "Форд" трянуло - колесо влетело в выбоину. Машину неумолимо повело вправо. Важный изо всех сил вжал тормоз и попытался вывернуть руль, но было поздно. Машина соскользнула к обочине. Ее снова трянуло - и все закрутилось в глазах Важного. Вот и смерть - мелькнуло в его голове. Последовал сильнейший удар, и он повис на ремне в перевернувшейся на крышу машине. Чудом почти не пострадал, не потерял сознания. Лишь больно ударился коленом.

Кому другому такой встряски хватило бы, чтобы впасть в шок, но Важный был другой породы. Волей и смелостью его Господь не обделил. Им руководили не переживания, он жил поступками. Понимал, если не уйти сейчас - тогда конец. Нужно уйти во что бы то ни стало. Уйти вместе с наркотиками. Потом попробуй, докажи его вину. Угрозыск останется с носом.

Важный освободился от ремня безопасности, ногой распахнул заклинившую дверь, выбрался из покореженной машины, волоча за собой чемодан. Взвалив ношу на плечо, он устремился в лес. От тяжелого бега дыхание спирало - возраст все-таки. Подошвы заскользили по грязи, он упал, поднялся, схватил чемодан, перепрыгнул через ручей, цепляясь за корни, выбрался из неглубокого оврага, перебежал через проселочную дорогу. Воздуха совершенно не хватало, будто кто-то выкачал его из окружающего пространства фантастическим насосом.

"Ничего, еще полкилометра - и свобода. Все окрестности менты не прочешут. Силенок у них не хватит".

Он прислонился лбом к влажному шершавому стволу березы, хватая ртом воздух, и тут услышал позади себя треск. Оглянувшись, метрах в двадцати увидел высокую фигуру.

Отпихнув ногой чемодан, Важный с необычной для его лет резвостью кинулся в сторону, выхватил из-за пояса небольшой браунинг, который предусмотрительно захватил с собой. Передернул затвор и, наспех прицелившись, выстрелил. Преследователь бросился на землю.

- Стой, Важный, пристрелю!

Губин выстрелил еще два раза, и тут затвор заклинило. Он со злостью стукнул по пистолету ладонью, пытаясь при-

вести его в боевое состояние. Пока возился с браунингом, противник куда-то исчез. Будто сквозь землю провалился. Неожиданно он возник в нескольких метрах.

- Брось пушку, - Крымов махнул пистолетом.

Важный досадливо сплюнул и с размаху швырнул браунинг в дерево.

- Теперь подними руки.

Губин медленно, с явной неохотой, повиновался. Крымов подошел к нему, быстро обшарил карманы, прижимая к спине дуло пистолета, потом отошел на три шага.

- А теперь бери чемодан и пошли.

- Какой чемодан? А, этот. Так не мой. Тут валялся.

- Ну да... Я сказал, бери.

- Слышь, легавый, договоримся?.. - Важный привык биться до последнего, пока оставался хоть какой-то шанс. Нет безвыходных положений.

- Сто штук устроят? А в залог бери чемодан. Он дорого стоит. Особенно для меня. А деньги я тебе сегодня же привезу.

- Пошли.

- Сто пятьдесят... Да чего ты заладил - пошли да пошли... Двести.

- Не будь идиотом. Я же сказал - бери чемодан и иди.

Важный прошипел с ненавистью, щека его при этом задргалась:

- Что, думаешь, взял меня? Дурной, ты, легаш. Вы же ничего не докажете. Бежал от милиции? А где такой закон, что бегать нельзя? Пятнадцать суток - максимум. А чемодан этот в глаза не видел. Подбросили. Ну, чего zenки вылупил? Не нравится? - Важный хрипло засмеялся. - Не нравится, легаш. А Вайсмана знаешь? Лучший адвокат в городе, и в башке у него не вата. Все дело ваше развалит. Слышь, легаш, ты же тогда и виноватым останешься. С работы погонят, и будешь ты один-одинешенек, за забором, никому не нужный. Ну что, нравится такой расклад?

- Пошли, - сдавленно произнес Крымов.

...Прожаренное солнцем ущелье, пулемет, безжалостно косящий его ребят уже и так поредевшей роты, свинцовый дождь, от которого нет спасенья... Яркая, как тысяча Солнц, лампа в операционной - все разом навалилось на него. Он как бы раздвоился. Душой он снова был на войне, с двумя гранатами в руке, распластавшийся на каменной стене; и здесь, в лесу с рецидивистом Важным, почему-то решившим, что может запугать его, командира разведроты Крымова, который прошел через ад.

Губина не раз выручала способность заговаривать собеседника. Вот и сейчас ему показалось, что он берет верх,

начинает овладевать ситуацией. Он воспрянул духом и снисходительно продолжил:

- А когда с тебя снимут погоны, - я тебя пришью. Точнее, другие найдутся. Сначала только уши отрежут... Слушай, двести пятьдесят - или хана тебе. Выбирай.

- Дурак ты, Важный, я давно уже все выбрал.

Крымов вдруг понял, что никогда не сможет стать настоящим "полицейским". Он был и остается солдатом афганской войны. И он никогда не научится играть по правилам, выдуманном для мирных, благополучных времен. Правилам, по которым такой тип, как Губин, действительно может откупиться, вывернуться. Удел же его, боевого офицера Крымова - война, и пока он жив, то будет вести ее в этом сумасшедшем, несправедливом мире.

Он поднял пистолет.

Последним на лице Важного было выражение не ненависти, а животного ужаса. Умер Губин сразу - пуля пробила сердце.

Крымов ткнул носком ботинка бездыханное тело, подобрал браунинг, умелым ударом ладони привел его в боевое состояние, стер рукавом следы и вложил пистолет в мертвые пальцы.

Отвернувшись, вынул сигарету, закурил. Все будет в порядке. Правым окажется тот, кто остался жив...

Главный редактор
А.Г. Горлов
Редактор выпуска
Т.С. Павлова
Главный художник
Е.И. Спиридонов
Иллюстрации
Александра Черных,
Евгения Спиридонова
Технический редактор
Т.П. Мощалкова

Современный детектив.
В. Привалихин. Умягчение
злых сердец.
Е. Морозов. Наложница.
И. Рясной. Гашиш с
Востока.

Библиотечка журнала
"Милиция"
Вып. 1 - 1993 г. - 192 с.

Сдано в набор 15.03.93 г.
Подписано к печати 30.04.93 г.
Формат бумаги 84x108 1/32
Усл. печ. листов 6,4
Печатных листов 5,0
Тираж 102000 экз.
Цена договорная
Заказ 798

Адрес редакции:
127434, г. Москва, ул. Ивановская, 24

Ордена "Знак Почета" типография
"Красная звезда"
Хорошевское шоссе, 38

©Библиотечка
журнала "Милиция"

Handwritten blue ink scribbles and a signature-like mark at the top left of the page.

